

ISSN 2308-4804

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal

№ 2 (66), 2019, Vol. II

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2013 (September)

Volgograd, 2019

UDC 330+101+80+340+371+61+7.06+159.9
LBC 72

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal, № 2 (66), 2019, Vol. II

The journal is founded in 2013 (September)
ISSN 2308-4804

The journal is issued 12 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: ПИИ № ФС 77 – 53534, 04 April 2013

Impact factor of the journal «Science and world» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Australia)

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Lukienko Leonid Viktorovich, Doctor of Technical Science

Borovik Vitaly Vitalyevich, Candidate of Technical Sciences

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences

Valouev Anton Vadimovich, Candidate of Historical Sciences

Kislyakov Valery Aleksandrovich, Doctor of Medical Sciences

Rzaeva Aliye Bayram, Candidate of Chemistry

Matvienko Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Biological Sciences

Kondrashihin Andrey Borisovich, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 «G»

E-mail: info@scienceph.ru

Website: www.scienceph.ru

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 330+101+80+340+371+61+7.06+159.9
ББК 72

НАУКА И МИР

Международный научный журнал, № 2 (66), 2019, Том 2

Журнал основан в 2013 г. (сентябрь)
ISSN 2308-4804

Журнал выходит 12 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 53534 от 04 апреля 2013 г.**

Импакт-фактор журнала «Наука и Мир» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Австралия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук

Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук

Кисляков Валерий Александрович, доктор медицинских наук

Рзаева Алия Байрам, кандидат химических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Кондрашихин Андрей Борисович, доктор экономических наук, кандидат технических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»

E-mail: info@scienceph.ru

www.scienceph.ru

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Economic sciences

- Imamverdiyev E.A., Yusifov E.D.*
CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF OLIVE PRODUCTION IN AZERBAIJAN 8
- Kim V.V., Karbozova A.S.*
INVESTMENT IN THE HUMAN CAPITAL ASSETS 10
- Kim V.V., Karbozova A.S.*
PECULIARITIES OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE EDUCATION IN KAZAKHSTAN 12

Philosophical sciences

- Antonova N.A., Karnaukhova V.K.*
QUALITY OF THE SERVICE ENVIRONMENT AS ONE OF QUALITY OF LIFE INDICATORS 14
- Nemekhjargal Taisaa*
SOME ISSUES ON COMPETENCE-BASED EDUCATION (WITHIN THE FRAMEWORK
OF CHANGES AND REFORMS IN THE MONGOLIAN EDUCATION SECTOR) 17

Philological sciences

- Aliyev M.Ch.*
FORMAL INTERPRETATION OF SCIENTIFIC TEXT IN THE MACHINE-AIDED TRANSLATION 20
- Kosinskaya A.S.*
THE LINE OF FACE AND PERSONALITY IN C. S. LEWIS'S NOVEL *TILL WE HAVE FACES* 23
- Seyputanova A.K., Kartayeva A.M.*
LITERARY RELATIONS AND COMPARATIVE LITERARY STUDIES 28
- Yuryev A.N.*
SEMANTIC MICRO-CLASS *ALCOHOL ABUSE*
IN RUSSIAN CONVERSATION AND COLLOQUIAL VOCABULARY 31

Jurisprudence

- Yu Zengzun*
SYSTEM OF NOTIFYING FAMILY MEMBERS
AFTER PRETRIAL DETENTION IN CHINESE CRIMINAL PROCEEDINGS 35

Pedagogical sciences

- Andryushchenko V.P., Veselova Ye.L.*
THE VALUE OF THE COGNITIVE INTEREST
OF THE JUNIOR PUPILS AT THE MUSIC CLASSES IN SCHOOL 40
- Barsay B.T., Bilyalova Zh.T., Abykanova B.T.*
FORMATION OF HISTORICAL AND MATHEMATICAL
COMPETENCE OF FUTURE MATHEMATICS TEACHERS
IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE UNIVERSITY 42

<i>Gapparova T.G., Khaydarova O.K.</i> COMMUNICATION IN EDUCATION AS A MAJOR PLANK IN TEACHER'S CREATIVITY	47
<i>Suyarov A.M., Khayriyev E.I.</i> EFFICIENCY OF THE INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN INFORMATICS TEACHING	50
<i>Hlystun V.G., Zhukova T.V., Uvarova I.V.</i> CONTINUITY IN MUSIC EDUCATION – STRATEGY OF MODERNITY IN THE PREPARATION OF MUSICAL-PEDAGOGICAL PERSONNEL	52

Medical sciences

<i>Ivanova Ts.V., Yancheva-Stoycheva M.G.</i> EUROPEAN LEGISLATION IN THE FIELD OF MEASUREMENT AND CONTROL OF CHEMICAL AGENTS IN THE WORKING ENVIRONMENT, ACCESSIBLE DATABASES AND SAMPLE SCHEME FOR RISK ASSESSMENT FOR WORKERS	55
<i>Makarov M.S.</i> PROSPECTS FOR THE USE OF HUMAN PLATELETS IN THE TREATMENT OF BONE DEFECTS	62
<i>Surkhayeva E.K., Yermolaev O.Yu.</i> NONOPERATIVE TREATMENT OF PATIENTS WITH FIRST-DEGREE UTERINE PROLAPSE USING REPOSITIONING METHOD	67

Study of art

<i>Abdullayev R.M.</i> FROM THE MUSIC HISTORY OF KHOREZM MAQOMS	69
<i>Bashirova A.A.</i> THE EPOCH AND ITS TALENTS. V.A. USPENSKY (1879-1949)	71
<i>Gafurova Sh.A.</i> ON THE ISSUE OF INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT IN THE WORK OF SOUND DIRECTOR	74

Psychological sciences

<i>Bogomazova K.A.</i> ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING THE METHODOLOGICAL CRISIS IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE	77
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Имамвердиев Э.А., Юсифов Э.Д.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОЛИВОК В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	8
<i>Ким В.В., Карбозова А.С.</i> ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ	10
<i>Ким В.В., Карбозова А.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ	12

Философские науки

<i>Антонова Н.А., Карнаухова В.К.</i> КАЧЕСТВО СЕРВИСНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	14
<i>Нэмэхжаргал Тайсаа</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (В РАМКАХ ИЗМЕНЕНИЙ И РЕФОРМ В СЕКТОРЕ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛИИ)	17

Филологические науки

<i>Алиев М.Ч.</i> ФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ	20
<i>Косинская А.С.</i> ТЕМА ЛИЦА И ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»	23
<i>Сейпутанова А.К., Картаева А.М.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	28
<i>Юрьев А.Н.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ МИКРОКЛАСС «ПЬЯНСТВО» В РАЗГОВОРНОЙ И ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	31

Юридические науки

<i>Юй Чжэнцзунь</i> СИСТЕМА УВЕДОМЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ПОСЛЕ ДОСУДЕБНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В КИТАЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	35
--	----

Педагогические науки

<i>Андрющенко В.П., Веселова Е.Л.</i> О ЗНАЧЕНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ МУЗЫКИ В ШКОЛЕ	40
<i>Барсай Б.Т., Билялова Ж.Т., Абыканова Б.Т.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ	42

<i>Гаппарова Т.Г., Хайдарова О.К.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО В ТВОРЧЕСТВЕ УЧИТЕЛЯ	47
<i>Суяров А.М., Хайриев Э.И.</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНФОРМАТИКИ	50
<i>Хлыстун В.Г., Жукова Т.В., Уварова И.В.</i> НЕПРЕРЫВНОСТЬ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ – СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА	52

Медицинские науки

<i>Иванова Ц.В., Янчева-Стойчева М.Г.</i> ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ИЗМЕРЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ, ДОСТУПНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ И СХЕМА ВЫБОРКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ РИСКОВ ДЛЯ РАБОТНИКОВ.....	55
<i>Макаров М.С.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРОМБОЦИТОВ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕЧЕНИИ ДЕФЕКТОВ КОСТНОЙ ТКАНИ	62
<i>Сурхаева Э.К., Ермолаев О.Ю.</i> СПОСОБ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛЕЧЕНИЯ БОЛЬНЫХ С ОПУЩЕНИЕМ МАТКИ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ МЕТОДОМ РЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ	67

Искусствоведение

<i>Абдуллаев Р.М.</i> ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ХОРЕЗМСКИХ МАКОМОВ.....	69
<i>Баширова А.А.</i> ЭПОХА И ЕЕ ТАЛАНТЫ. В.А. УСПЕНСКИЙ (1879-1949).....	71
<i>Гафурова Ш.А.</i> К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЖИССЁРА ПО ЗВУКУ	74

Психологические науки

<i>Богомазова К.А.</i> К ВОПРОСУ ОСМЫСЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	77
---	----

Economic sciences
Экономические науки

УДК 634.43

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРОИЗВОДСТВА ОЛИВОК В АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Э.А. Имамвердиев¹, Э.Д. Юсифов²

^{1,2} доктор философии по экономике, доцент

¹ Азербайджанский Государственный Аграрный Университет (АГАУ),

² Гянджинский государственный университет, Азербайджанская Республика

***Аннотация.** Согласно стратегии развития экономики Азербайджана проводится политика диверсификации производства в сельском хозяйстве. Возрождаются традиционные отрасли, создаются новые производства. К ним относятся также производство и переработка оливок. Несмотря на высокие питательные и лечебные свойства оливок и оливкового масла, до 2015-го года этому направлению производства в республике не уделялось должного внимания. В настоящее время поставлена задача полного обеспечения внутренней потребности и создания экспортного потенциала по производству оливок и оливкового масла.*

***Ключевые слова:** оливок, оливковое масло, экспортный потенциал, внутренняя потребность, питательные и лечебные свойства.*

Оливки и оливковое масло по своему питательному составу и действию на организм человека занимают важное место. Наряду с питательной ценностью, они имеют и промышленное значение. Из них вырабатывается очень ценное масло, которое имеет и лечебное значение. Достаточно отметить то, что в священной книге «Гурани Керим» оливок упомянуты 9 раз. Оливки и оливковое масло помогают при лечении сердечно-сосудистых, раковых, костных, гипертонических и многих других заболеваний.

Начиная с 2015-го года в Азербайджанской Республике уделяется большое внимание развитию производства оливок. Поставлена задача полного обеспечения внутренней потребности и создания экспортного потенциала по производству оливок и оливкового масла [3, с. 22].

В 1990-ом году в Азербайджане было 1577 гектаров оливковых садов и один завод по производству оливкового масла. Несмотря на высокие питательные и лечебные свойства оливок и оливкового масла, за последние двадцать лет этому производству не уделялось должного внимания.

Начиная с 1991-го года самый большой производитель продовольствия в Азербайджане «Азерсун Холдинг» начал производство и агитацию ценности оливок для населения. Эта фирма в первую очередь уделяла внимание посадкам оливковых деревьев. Большую помощь в этом деле оказали и оказывают Министерство экологии и природных ресурсов, местные исполнительные органы и неправительственные организации. Продукция рекламируется под маркой «Оливковые сады». «Азерсун Холдинг» сырье для производства оливкового масла принимает от населения и импортирует из-за рубежа. Масло производится на оливковом заводе, расположенном в Дубенди. В результате этого около 5 тысяч работников обеспечено работой по сбору и переработке оливок.

Следует отметить, что оливок и оливковое масло местного производства не уступают по своему качеству продукции мировых лидеров в этой области Греции, Испании и Турции.

За последнее время «Азерсун Холдинг»ом в Баку и других районах республики организована посадка более 200 тысяч оливковых деревьев.

В настоящее время в Азербайджане на площади 1868 гектаров расположены оливковые сады, из них 1556 гектаров относится к плодоносящим. Начиная с 2015-го года их площадь ежегодно увеличивается. Расширяется и география посадок. Сады размещаются в Сумгаите, Сиязане, Гейчае, Бейлагане, Евлахе и других районах.

Вся эта работа проводится при большой поддержке государственных органов. Сажены оливок завозятся из-за рубежа и организовывается их заготовка на местах. Работы по посадке, сбору и производству оливок включаются в государственные программы по развитию регионов. Реализация этих региональных программ способствовала развитию экономики, озеленению территорий, а также увеличению производства оливок и оливкового масла.

В настоящее время продукция «Азерсун Холдинг» под маркой «Оливковые сады» реализуется в странах СНГ и Европы. На Дубендинском заводе переработки оливок наряду с оливковым маслом производятся

консервированные белые и черные оливки. Международные выставки, полученные награды свидетельствуют о качестве азербайджанских оливок и оливкового масла.

Считаем, что эта подотрасль сельского хозяйства довольно доходная, экспортнаправлена и валютно-приносящая. Плантации и сады оливок можно сажать и в Аранской зоне республики.

Очистка некоторых загрязненных земель и посадка на этих территориях оливковых деревьев будет способствовать развитию этого производства. Считаем, что это еще одно из мероприятий по экологическому оздоровлению территорий. На очищенной территории (1350 гектаров) уже посажено 1,3 миллиона саженцев оливок.

По данным Министерства Сельского хозяйства, в 2016-ом году собрано 1335 тон, в 2017-ом году 1500 тон оливок. Сбор оливок из года в год будет расти, так как растет количество плодоносящих деревьев [2, с. 401].

За последние годы в области создания оливковых садов проделана огромная работа, созданы оливковые сады на площади 300 гектаров. На 2019-ый год предусматривается создание новых оливковых садов на территории более 3000 гектаров. Будут созданы новые заводы по производству оливкового масла мощностью 3000-4000 тонн. Если учесть качество производимой продукции и возможности экспорта, то ожидается получение больших валютных доходов.

На заседании Кабинета Министров в выступлении И. Алиева еще раз подчеркнута важность производства оливок и оливкового масла в Азербайджане.

В настоящее время мы импортируем оливковое масло из-за рубежа. Считаем, что нужно сажать оливковые сады, орошать эти сады, организовать производства оливкового масла. На сотнях и тысячных гектарах сажаются оливковые деревья. Растет производство оливок и оливкового масла, начат их экспорт. На наш взгляд, республика займет по этому сегменту надлежащее место в мире.

Таким образом:

1) Оливки и оливковое масло занимают важное место в питательном рационе населения.

2) Начиная с 2015-го года в Азербайджане уделяется большое внимание посадкам оливковых садов, сбору и переработке оливок.

3) Намечается значительно увеличить площадь оливковых садов, увеличить объем производства оливок и оливкового масла, полностью удовлетворить внутренний спрос, создать большой экспортный потенциал по этому сегменту.

4) Организовать стимулирование предпринимательства в этом направлении.

В настоящее время мы производим 472 тонны оливкового масла, и импортируем 1711 тон данной продукции [2, с. 401]. В ближайшем будущем эта пропорция значительно улучшится за счет увеличения объема внутреннего производства.

Намечается создание на территории 2600 гектаров Абшеронского района оливковых и миндалевых садов. Также намечается производство 3700 тон оливкового масла в год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Речь И. Алиева на заседании Кабинета Министров // Газета «Бакинский рабочий», 13.04.2018.
2. Статистические показатели Азербайджана. – Баку, 2018.
3. Стратегическая дорожная карта по развитию сельского хозяйства и отраслей переработки сельскохозяйственной продукции в Азербайджане. – Баку, 2016.

Материал поступил в редакцию 11.01.19.

CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF OLIVE PRODUCTION IN AZERBAIJAN

E.A. Imamverdiyev¹, E.D. Yusifov²

^{1,2} PhD in Economics, Associate Professor

¹ Azerbaijan State Agricultural University,

² Ganja State University, the Republic of Azerbaijan

Abstract. According to the strategy of economy development in Azerbaijan, a policy of production diversification in agriculture is pursued. The traditional industries are revived, new productions are being created. These also include the production and processing of olives. Despite the high nutritional and medicinal properties of olive and olive oil, the due attention was not given to this area of production in the republic until 2015. Currently, the task is to fully meet domestic needs and create export potential for the production of olive and olive oil.

Keywords: olive, olive oil, export potential, domestic needs, nutritional and medicinal properties.

УДК 330.314.015:4

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В.В. Ким¹, А.С. Карбозова²¹ магистр экономических наук, старший преподаватель,
кафедры экономической теории и государственного управления² магистр экономических наук, преподаватель кафедры экономической теории и государственного управления
Кызылординский государственный университет имени Коркыт-Ата, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается человеческий капитал как фактор развития экономики. Приведены формы поддержки молодежи со стороны государства. В статье подчеркивается, что главным фактором эффективности молодежной политики должна стать установка на практическую реализацию всех намеченных инициатив и программ. Перечислены законы о государственной молодежной политике.

Ключевые слова: инвестиции, человеческий капитал, конкурентоспособность, инновации, молодежь, образовательный грант, молодежная политика.

К инвестициям в человеческий капитал относят, прежде всего, расходы на поддержание здоровья, на получение общего и специального образования; затраты, связанные с поиском работы, профессиональной подготовкой на производстве, миграцией, рождением и воспитанием детей, поиском экономически значимой информации о ценах и заработках.

Одним из факторов повышения конкурентоспособности является наличие высокопрофессионального персонала. Эта простая формула применима как к целой стране, так и к работе отдельно взятого предприятия. Поскольку, даже имея самое совершенное оборудование, современные технологии и наиболее успешные инновации, государство или компания не смогут развиваться эффективно, не обладая достаточным числом людей, способных правильно этим распорядиться. Это прекрасно осознают как на государственном, так и на бизнес-уровнях [1, с. 14].

Сегодня в Казахстане действует целый ряд государственных программ, нацеленных на повышение качества образования, соответствующего стандартам будущей инновационной экономики страны. И параллельно практически в каждой казахстанской компании идет работа по реализации собственной кадровой политики, ориентированной на повышение уровня знаний, производительности труда и лояльности своих сотрудников. Так как одно дело развивать кадры и совсем иное – удержать их.

Главным фактором дальнейшего качественного развития нашей страны, ее конкурентоспособности является человеческий капитал, выступающий как основа инновационного развития независимого Казахстана. Несомненно, что значимость и роль человеческого капитала особенно ярко проявились в условиях финансово-экономического кризиса. Его преодоление возможно лишь на пути развития человека, его творческих возможностей.

Поэтому задача развития человеческого капитала должна формулироваться как ключевая государственная задача модернизации целого ряда современных секторов – образования, культуры, здравоохранения, науки, которые необходимо рассматривать, в первую очередь, как сектора капитализации человеческого потенциала независимого Казахстана.

Новая парадигма образования как ключевого звена формирования и наращивания человеческого капитала должна привести к становлению нравственной, активной предприимчивой личности, обладающей собственным достоинством, прочными убеждениями, знанием своих прав и умением защитить их, уважением к законам и стремящейся их соблюдать, осознанием своих способностей и основанных на них возможностей, умеющей самостоятельно, убедительно и доказательно обосновать свое решение и активно, настойчиво реализовать его, используя все законные возможности правового демократического общества [2, с. 48].

Государство постоянно поддерживает молодежь. Поддержка молодежи – приоритетное направление внутренней политики Казахстана, о чем свидетельствует и проведение Года молодежи в текущем году. Многие уже сделано. Создана нормативно-законодательная база, регламентирующая сферу молодежной политики. Разработаны и действуют законы «О государственной молодежной политике», «О волонтерской деятельности» и Концепция государственной молодежной политики до 2020 года «Казахстан-2020: путь в будущее». Интенсивно развивается волонтерское движение. В стране действует более 500 молодежных организаций, которые реализуют социально значимые проекты. Государство предоставляет молодым талантливым людям получать качественное образование посредством образовательных грантов [3, с. 25].

В последние годы было значительно увеличено количество государственных образовательных грантов для казахстанских абитуриентов. Так, например, в 2017-2018 учебном году в Казахстане выделено для поступления на бакалавриат 37 932 гранта (по сравнению с 2016 годом увеличение на 6 тысяч мест); в магистратуру – 10 004 места (увеличение более чем 2,5 тысячи мест по сравнению с 2016 годом); в PhD-докторантуру – 1285 грантов (увеличение в 2 раза). На 2018-2019 учебный год было выделено 53 594 гранта, на подготовку магистров

12 504 гранта, на подготовку докторов PhD выделено 2240 грантов. Самый крупный заказ государство сегодня делает на технических специалистов.

В стране создан уникальный образовательный центр – Назарбаев Университет, который является эффективной моделью подготовки кадров, соответствующих международным стандартам. Работает программа «Болашақ», финансирующая обучение казахстанцев в ведущих зарубежных вузах.

Развивается и система подготовки кадров с техническим и профессиональным образованием. Получение рабочей профессии на бесплатной основе закреплено законодательно Законом РК «Об образовании». Запущен и функционирует механизм регулирования распределения рабочей силы по территории Казахстана через учебную миграцию «Мәңгілік Ел жастары – индустрияға!». Успешно работают проекты «Жасыл ел», «Молодежный кадровый резерв», «С дипломом – в село!».

Президент Н.А. Назарбаев вновь актуализировал вопрос формирования в Казахстане интеллектуальной нации, основной движущей силой которой является молодежь. Известно, что создание и развитие интеллектуальной нации требует нового качества человеческого капитала [4, с. 18].

При этом, главным фактором эффективности молодежной политики должна стать установка на системность и практическую реализацию всех намеченных инициатив и программ. Необходимо постоянно работать по всем направлениям – начиная с вопросов улучшения качества жизни до формирования активной гражданской позиции у молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысков, А.Ф. Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями / А.Ф. Лысков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2004. – № 6.
2. Максимова, В.Ф. Инвестирование в человеческий капитал: Учебное пособие, руководство, учебная программа и тесты по дисциплине. В.Ф. Максимова. – Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М., 2004. – 48 с.
3. Тельнов, В.В. «Человеческий капитал как приоритет нового этапа роста экономики Казахстана» / В.В. Тельнов. – Материалы Института парламентаризма НДП «Нур Отан», 2010.
4. Чуланова, З. Инновационная активность человеческих ресурсов Казахстана / З. Чуланова // Аналитика – Центральная Азия, Казахстан, 14.01.2009.

Материал поступил в редакцию 11.02.19.

INVESTMENT IN THE HUMAN CAPITAL ASSETS

V.V. Kim¹, A.S. Karbozova²

¹ Master of Economic Sciences, Senior Lecturer of Department of Economic Theory and Public Administration,

² Master of Economic Sciences, Lecturer of Department of Economic Theory and Public Administration
Korkyt Ata Kyzylorda State University, Republic of Kazakhstan

Abstract. This article deals with the human capital assets as a factor of the economics development. The forms of state support for youth are given. The article emphasizes that the main factor for the effectiveness of youth policy should be the task for the practical implementation of all planned initiatives and programs. The laws on state youth policy are listed in the paper.

Keywords: investment, human capital assets, competitiveness, innovation, youth, educational grant, youth policy.

УДК 338.314.055:5

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В.В. Ким¹, А.С. Карбозова²¹ магистр экономических наук, старший преподаватель,
кафедры экономической теории и государственного управления² магистр экономических наук, преподаватель кафедры экономической теории и государственного управления
Кызылординский государственный университет имени Коркыт-Ата, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности государственно-частного партнёрства в сфере образования. Приведены преимущества, получаемые высшими учебными заведениями Казахстана в рамках государственно-частного партнёрства. Представлены проблемы, с которыми сталкивается государственно-частное партнёрство в сфере образования, а также перспективные формы государственно-частного партнёрства в сфере образования Республики Казахстан.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, государство, бизнес, управление, высококвалифицированные кадры, конкурентоспособность, образовательные услуги.

В сфере образования государственно-частное партнёрство представляет особую форму сотрудничества между государством и бизнесом, построенную на объединении имеющихся в их распоряжении, прежде всего, интеллектуальных ресурсов и использовании взаимных преимуществ. Его цель – оказание общественно-значимых услуг с учетом взаимной дополнительной выгоды на основе заранее просчитанных рисков.

Целью государственно-частного партнёрства в системе высшего образования является создание ресурсных и финансовых условий для повышения его эффективности и конкурентоспособности, роста инвестиционной привлекательности и обеспечения высокого качества обучения [1, с. 10].

Поставленная цель достигается через последовательное решение ряда задач:

1) создания эффективной системы управления имуществом, закрепленным за учреждением, с сохранением социальной направленности его использования;

2) формирования механизма добровольной экономической поддержки образования благотворительными фондами, безвозмездным целевым финансированием капитальных затрат (приобретения основных фондов, земли, активов) и текущего характера (стипендиальных и грантовых программ для преподавателей и студентов, предоставления кредитов и займов, негосударственного пенсионного обеспечения сотрудников и пр.);

3) формирования системы привлечения частных организаций в управление содержательным компонентом образования (проведение конференций, семинаров, стажировок; организации издательской деятельности, создание центров подготовки переподготовки сотрудников);

4) обеспечения партнерской основы проведения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (организации финансовых технополисов и технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических зон и пр.).

В образовании государственно-частное партнёрство можно определить как юридически закрепленную на определенный срок, предполагающую софинансирование и разделение рисков форму взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов образования, а также соответствующих образовательных услуг, исполняемых и оказываемых государственными и местными органами, организациями образования.

В современных условиях из данного определения вытекают несколько базовых признаков ГЧП, наличие которых, во-первых, обязательно в каждом партнерском проекте, а во-вторых, позволяет отличать этот механизм от других форм взаимодействия государства и бизнеса.

Первое. Вступление во взаимоотношения на среднесрочной или долгосрочной основе, где обязательными участниками выступают, с одной стороны, государство, с другой стороны – частный сектор.

Второе. Республиканская и местная собственность в образовании, а также образовательные услуги, оказываемые государством, местными органами власти и организациями образования, являются предметом ГЧП.

Третье. Государственно-частное партнёрство оформляется специальным договором (соглашением, контрактом) между государством, организациями образования и частным сектором.

Четвертое. Софинансирование государством и частными компаниями и взаимовыгодное разделение рисков, прав и обязанностей между партнерами являются обязательным условием ГЧП.

Пятое. Определение критериев достижения результативности по объекту ГЧП государственным сектором.

В настоящее время в Казахстане отсутствуют все ограничения на реализацию проектов ГЧП в области здравоохранения и образования, разработан проект закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по внедрению новых форм государственно-частного партнёрства и расширению сфер их применения», принятие которого определит новый вектор реализации социально значимых инфраструктурных проектов в нашей стране [2, с. 30].

Высшие учебные заведения Республики Казахстан являются основными поставщиками новых научных знаний и идей. В связи с этим вузы призваны стать оплотом разработки и обмена инновациями между исследователями и бизнес-средой страны, что возможно реализовать на основе эффективного партнерства государства и бизнеса.

В рамках государственно-частного партнерства высшие учебные заведения в Казахстане получают следующие преимущества:

- использование многоканальных источников финансирования для развития материально-технической базы учебного заведения;
- развитие новой модели интегрированного образовательного комплекса (качественный менеджмент, новая инфраструктура, технологии подготовки студентов и преподавателей);
- повышение финансовой обеспеченности научных исследований преподавателей и студентов (дополнительное финансирование научных разработок и доведение их до коммерческого уровня с патентованием и закреплением авторских прав);
- усиление конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Государственно-частное партнерство в сфере образования сталкивается с целым рядом проблем. Главной проблемой является несовершенство нормативно-правовой и методической базы (в части отраслевых и иных подзаконных нормативных актов), позволяющей реализовать эффективные механизмы ГЧП и обеспечить при этом выполнение стратегических целей и задач государства в области образования, а также интересов субъектов частного сектора как полноправного партнера государства в сфере профессионального образования [3, с. 30].

Перспективные формы государственно-частного партнерства в сфере образования Республики Казахстан:

- механизмы государственно-частного партнерства в управлении имуществом и инвестиционной деятельностью: инвестиции в строительство учреждений образования;
- механизмы государственно-частного партнерства в области управления содержательным компонентом образования: разработка учебных планов образовательных учреждений с учетом потребностей работодателей;
- механизмы государственно-частного партнерства в сфере совместного участия в управлении образованием: разработка государственных образовательных стандартов;
- механизмы государственно-частного партнерства в области создания институциональных структур, содействующих развитию деятельности в области науки и инноваций: научно-исследовательские центры, технопарки и другое [4, с. 146].

Без взаимодействия государственного и частного секторов экономики не может эффективно развиваться система непрерывного образования, принятая во всем мире и соответствующая международным стандартам.

Актуальными в данном направлении представляются такие формы государственно-частного партнерства, как совместная подготовка программ повышения квалификации, участие в разработке национальной рамки квалификации, создание сертификационного центра в форме неправительственной некоммерческой организации и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа по развитию государственно-частного партнерства в Республике Казахстан на 2011 – 2015 годы, утвержденная постановлением Правительства РК от 29.06.2011 г. №731.
2. Бозымов К.К. Формы и механизмы ГЧП в сфере профессионального образования / аналитический обзор / К.К. Бозымов, Н.М. Губашев, Л.С. Таршилова и др. / ЗКФ АО «НЦНТИ». – Уральск. – 2012. 30 с.
3. Дмитриева, Е.А. Развитие государственно-частного партнерства в образовательной сфере / Е.А. Дмитриева // Вестник университета: теоретический и научно- методический журнал ГОУВПО (Государственный университет управления). – 2011, №1. – 0,51 п.л.
4. Лепихин, В.В., Ужегова К.А. Государственно-частное партнерство как механизм обеспечения устойчивого развития экономики / В.В. Лепихин. К.А. Ужегова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-1. – С. 146-149.

Материал поступил в редакцию 11.02.19.

PECULIARITIES OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE EDUCATION IN KAZAKHSTAN

V.V. Kim¹, A.S. Karbozova²

¹ Master of Economic Sciences, Senior Lecturer of Department of Economic Theory and Public Administration,

² Master of Economic Sciences, Lecturer of Department of Economic Theory and Public Administration
Korkyt Ata Kyzylorda State University, Republic of Kazakhstan

Abstract. This article discusses the features of public-private partnership in education. The advantages gained by higher educational institutions of Kazakhstan in the framework of public-private partnership are given. The problems faced by public-private partnership in the field of education, as well as promising forms of public-private partnership in the field of education of the Republic of Kazakhstan are presented.

Keywords: public-private partnership, government, business, management, highly qualified personnel, competitiveness, educational services.

 Philosophical sciences
 Философские науки

УДК 316.33

**КАЧЕСТВО СЕРВИСНОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ**
Н.А. Антонова¹, В.К. Карнаухова²¹ кандидат философских наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий,² кандидат химических наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий
Иркутский государственный университет, Россия

Аннотация. В статье поднимается проблема, раскрывающая влияние качества сервисного пространства на качество жизни в постиндустриальном обществе, в котором такая социально-экономическая категория, как качество, становится неотъемлемой характеристикой любой сферы, а сервисное пространство выступает одним из факторов формирования благосостояния людей.

Ключевые слова: сервисное пространство, качество жизни, благосостояние, повседневная жизнь человека, уровень удовлетворения потребностей, социальное доверие.

В постиндустриальном обществе реализуется один из главных законов диалектики – переход количественных изменений в качественные, в этой ситуации такая социально-экономическая категория, как качество, становится неотъемлемой характеристикой любой сферы и любого производимого продукта. В этом контексте сервисное пространство, выступающее одним из факторов формирования благосостояния людей, не является исключением.

С философской точки зрения понятие «качество» отражает важные стороны объективной действительности, оно трактуется как существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов. Большинство из существующих определений качества, приводимые в специализированных словарях [3, 4, 5], подчеркивают его способность удовлетворять потребности. Таким образом, можно признать, что качество сервисного пространства определяется его способностью удовлетворять потребности, т.е. качество жизни выступает своеобразной функцией качества сервисного пространства, в котором протекает повседневная жизнь индивида.

Проблемы качества жизни стали объектом научных исследований во второй половине XX в., изучением природы, структуры, содержания и функций данной категории занимались такие зарубежные ученые, как Д. Белл, Д. Гэбрейт, А. Кэмбэлл, Э. Тоффлер, Э. Фромм и др. Под влиянием глобальных процессов категория «качество жизни» начала занимать в российской научной литературе, экономической, социологической, философской, все большее, хотя и не очень определенное место, несмотря на это данное понятие остается не до конца ясным и однозначным. В современном российском дискурсе термин «качество жизни» используется в нескольких значениях, нам хотелось бы особенно выделить одно из них – некоторая интегральная характеристика бытия людей. В данном понимании качество жизни рассматривается как интегральный показатель, призванный всесторонне характеризовать степень развития и полноту удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей.

Качество жизни определяется системой условий существования человека, содержание этих условий, определяемое природой их возникновения, позволяет выделить в понятии «качество жизни» объективную (степень реализации жизненной позиции человека) и субъективную (оценка степени удовлетворенности потребностей) составляющую, при этом объективная составляющая формирует представления человека о желаемом качестве его жизни, т.е. определяет будущие потребности, мотивы, в том числе и в услугах, а субъективная составляющая формирует реальное качество жизни, определяемое сложившимся уровнем потребления. Таким образом можно сказать, что то, насколько реализованы потребности индивида, насколько он этим удовлетворен, как результаты этого процесса соотносятся с социальными стандартами и ресурсами общества – все это является показателями качества жизни. Оценка качества жизни выступает в двух формах: как степень удовлетворения потребностей и как удовлетворенность качеством жизни самих людей.

Последние десятилетия создали сложные, противоречивые условия, коренным образом изменившие жизнедеятельность современного общества, существенное влияние на которую оказали глобализация экономики, интеллектуальные информационные технологии, переход от высокого уровня удовлетворения материальных

потребностей к высокому качеству предоставляемых услуг, а также формирование нового типа потребления. Как отмечает М.Б. Лига [2], общество вступило в новую «цивилизацию качества жизни», в которой последнее стало целью социально-экономического развития многих стран, критерием научно-технического процесса. Оценка качества жизни важна и для определения уровня развития социальной сферы, и для выявления потенциальных возможностей страны и региона.

Проблемы трансформации качества жизни населения в постперестроечный период рассмотрены в работе Б.М. Генкина «Введение в метаэкономику и основания экономических наук» [1], автор отмечает, что качество объекта или процесса может устанавливаться только по отношению к некоторому эталону, который определяется нормами, стандартами, правилами, традициями, обычаями, – данное понимание наиболее приближено к концепции субъективного благополучия, что, как отмечают Б.Л. Токарский, Н.М. Токарская [6], выходит за пределы экономики, и поэтому усиливается социальная ориентированность категории «качество жизни». Качество жизни характеризует не только объективные жизненные условия, но и ценностное отношение людей к условиям их жизни, их субъективное восприятие.

Качество жизни в противовес уровню жизни есть показатель, снимающий ограниченность последнего измерением качественных условий удовлетворения потребностей, которые не поддаются прямому количественному измерению, т.к. представляет собой «степень удовлетворения потребностей с достижением того определенного личностно-психологического состояния, без адекватной оценки которого невозможно судить о реальном состоянии удовлетворения потребностей людей» [6].

Необходимо отметить, что качество жизни охватывает не только достигнутый уровень потребления населения, но и обстоятельства, которые могут оказать на него влияние. Через потребление человек заявляет себя как члена определенного социума, демонстрирует собственные притязания на определенную позицию в социальном пространстве. При этом важно, чтобы потребление давало чувство удовлетворения, правильности сделанного выбора, престижности. В данном контексте потребление, которое происходит в сервисном пространстве, приобретает особую значимость, а, следовательно, качество жизни можно рассматривать через призму формирования его под влиянием сферы услуг соответствующего качества, отвечающего представлениям человека. Повседневная жизнь человека – это то, что окружает человека «здесь» и «сейчас» и включает все многообразие его личностных предпочтений и интересов. Потребности современного человека изменяются и усложняются вместе с усложнением социальной среды, в которой он обитает. Более того, еще Ф. Гегель, обращая внимание на их бесконечное изменение, писал, что нет предела направленности общественного состояния на неопределенное увеличение разнообразия и специфицирование потребностей, средств и удовольствий, так же как нет предела различию между естественными потребностями и потребностями культурных людей.

Сфера сервиса должна предоставлять человеку возможность выбора таких благ для потребления, которые соответствуют строго индивидуализированному стилю жизни человека. Построение социально ориентированной экономики и повышение благосостояния граждан, положительные тенденции складывания которых наметились в России, невозможны без развитого института сервиса, т.к. именно в его пространстве формируются важнейшие характеристики бытия современного человека.

Научные концепции социального пространства П. Сорокина, П. Бурдьё, Г. Зиммеля и др. помогают определить структурно-содержательные характеристики сервисного пространства как институционального поля сервиса. Сервисное пространство представляет собой сплетение многих потоков, в первую очередь потоков информации, коммуникации, обменов, услуг. В современном обществе заданы основания для изменения сервисного пространства, усложнения его структурно-содержательных характеристик, изменения социальных механизмов его развития. Содержательно сервисное пространство есть пространство социальных отношений субъектов института сервиса, которые регулируются деятельностью в соответствии с положением (исполнитель услуг/ потребитель), нормами, правилами, санкциями, существующими в сервисе, сложившимися традициями обслуживания как международными, так и региональными, даже узкоспециальными (отраслевыми). Институциональное содержание сервисного пространства не локализует последнее, а распространяет его на использование широкого спектра ресурсов, которые являются продуктами деятельности экономического пространства, правового, культурного, образовательного и пр. Субъекты сервисного пространства: государственные институты, структуры гражданского общества, социальные группы потребителей и исполнителей услуг, их союзы и сообщества – должны эффективно функционировать, для этого требуются ресурсы – информационные, материальные, финансовые, поведенческие и др., которые перемещаются по определенным каналам. Изменения в одних каналах ведут к изменениям в других, а это изменяет само сервисное пространство. Например, развитие информационных технологий влечет за собой как возникновение новых видов услуг, так и качественное изменение существующих услуг и способов предоставления последних, а это детерминирует, в свою очередь, потребность в новых специалистах в сфере услуг, изменение компетентностной модели этих специалистов и необходимость в формировании определенной культуры потребления клиентов, – все это приводит к расширению сервисного пространства в условиях глобализационных процессов.

Процедура выявления степени соответствия основных параметров и условий жизнедеятельности человека (общества) его жизненным потребностям и ценностным ориентирам, личным представлениям о полном, достойном, и удовлетворяющем его требованиях качества жизни включает построения перечня оцениваемых показателей качества жизни, определение значений этих показателей, выбор оценочных шкал и получение итогового значения оценки качества жизни.

Можно предположить, что существует некий набор критериев, который связывает качество сервисного пространства и качество жизни, среди них уровень доверия, наблюдаемый у разных социальных групп по отношению к объектам сервисного пространства. Доверие есть социальный актив и одновременно фундаментальное условие формирования отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов, Н.А. Методологические проблемы оценки уровня и качества жизни населения / Н.А. Горелов, Ю.В. Красновский, И.В. Яковлев // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2001. – № 2 (26). – С. 108-122.
2. Лига, М.Б. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ / М.Б. Лига // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. – № 4 (51). – С. 170-177.
3. Лопатников, Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. / Л.И. Лопатников. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
4. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 480 с.
5. Словарь современных экономических и правовых терминов / авт.-сост. В.Н. Шимов, А.Н. Тур, Н.В. Стах и др.; Под ред. В.Н. Шимова и В.С. Каменкова. – Мн.: Амалфея, 2002. – 816 с.
6. Токарский, Б.Л. Определение взаимосвязи качества жизни с уровнем жизни населения / Б.Л. Токарский, Н.М. Токарская // Известия БГУ. – 2011. – № 14.

Материал поступил в редакцию 15.01.19.

QUALITY OF THE SERVICE ENVIRONMENT AS ONE OF QUALITY OF LIFE INDICATORS

N.A. Antonova¹, V.K. Karnaukhova²

¹ Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Service and Service Technology,

² Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of Department of Service and Service Technology
Irkutsk State University, Russia

Abstract. *The article deals with the problem that reveals the influence of the quality of service environment on the life quality in a post-industrial society, in which such a socio-economic category as quality becomes an integral characteristic of any sphere, and service environment is one of the factors in formation people's well-being.*

Keywords: *service environment, quality of life, well-being, everyday life of a person, level of satisfaction of needs, generalised trust.*

UDC 101

SOME ISSUES ON COMPETENCE-BASED EDUCATION (WITHIN THE FRAMEWORK OF CHANGES AND REFORMS IN THE MONGOLIAN EDUCATION SECTOR)

Nemekhjargal Taisaa, Ph.D, Assistant Professor,
Head of Department of Humanities
School of Humanities
Mongolian National University of Education (Ulaanbaatar), Mongolia

Abstract. *The article is devoted to some issues on Competence-based Education (within the framework of changes and reforms in the Mongolian education sector).*

Keywords: *Information era, competence-based education, national identity.*

Data processing, production, exchange, usage, storage, communication, information product and services are often referred to as criteria of information societies. In Mongolian society, characteristics of information society have become the reality in all areas of society, including social, cultural and economic areas. Researchers often define information society education as ‘competency-based.’ In information society, teachers are seen as activists, who change the established routine and support their students to take self-responsibilities for their own future ... by complying with school requirements of nurturing responsibilities and competencies.

These key features are taking act in the social, cultural and economic sectors of our modern day society. Most researchers agree with term of “competence based education” as a key feature of the information era education. In this era teachers “are social activists who change the established routine in order to support their pupils to become self-accountable for their future ... schools are accountable for nurturing responsibility and competence. Knowledge is equaled to the competence” (Leotar 1998. 53)

There is an increasing need in connection of human lives and their values to any given field of science as a mutual developing knowledge structure. People started to admit that the world and societies within it are not structurally permanent but an ever-evolving open structure that keeps changing. Theories, principles, terms and determinations are no longer accepted as confirmed knowledge but assumed as one of the possible explanations of society and nature. Education is viewed as discourses in different trends of explanation and determination of problems studied, wide opportunity of developing reflexive thinking, or one of methods to realization of subject’s individual abilities through obtaining and personalizing the national and global values. All the above can be assumed as key features of competence based education.

Since 2013, Mongolia has started intensive renovation of its curriculums in all stages of education into competence-based framework. Especially, preparation of teaching personnel, and basic and secondary education curriculum development processes are undergoing with serious changes towards this trend.

In addition to these changes, researchers have made ineffective changes in order to follow the global standards in the education system. It might be crucial for graduates of the local schools to study abroad or deal with gaps in transcripts and diplomas when they work in foreign countries and these are the advantages. However, it is important to highlight the content and structure of this type of education in line with its curricula and emphasize how many of its subjects are able to reflect Mongolia's needs and features. Therefore, many criticisms have been raised, for example, it is criticized that this type of education has ignored the national needs because it has followed the others’ examples too much (The Mongolian Academy of Science, 2013.22).

In this paper, based on the true nature of competency-based education, we have aimed to highlight the feature of the educational reform in Mongolia and some issues that affect the implementation process of the curricula.

The main feature of competency-based education is that it is important not to put boundaries in students' thinking with the established theories and disciplines, be free from techniques that make sciences as meta-conversations and become the problem-based knowledge ‘producer.’ Teaching methods have important roles in the implementation process of this goal. In other words, it is crucial to make the teaching as research that aims to create knowledge and the classrooms as discursive and practical environment.

What makes our renewed program differs from the previous program, which is oriented towards knowledge transmissions, is that the methodology for creating knowledge is required in all subjects. For example, in history and social science programs, it is stated to analyze events, solve and interpret problems, and obtain scientific language. In biology programs, it is stated to use information, identify issues and their causes, make and implement decisions, raise issues and evaluate results (Mongolian Ministry of Education, Culture and Science, 2016.15).

1. The use of problem-based methodology is often implemented in dialogue-oriented approaches in our country. Teachers have been trying not to make students as passive audiences but to make them as knowledge-producers by discussing in teams. The dialogue-oriented approaches have been implemented since the 1970s and 1980s in countries,

which have become exemplary practices in our country. To my understanding, postmodern social education, education in the online-communication environment and discursive methodology are discussed and written in many countries in the world today. The classic model of education (until the late 1980s) served as a platform for disseminating science and scientific thinking to the world. Non-class models (from the 1980s to the beginning of the 21st century) are used to make the use of knowledge and create survival abilities; in order to do so, to democratize the communication between education subjects and to create knowledge through live, creative communication or dialogue. However, in the information society (started from the beginning of the 21st century), the post-classic period, an attention was given to the postmodernist approaches towards knowledge. In terms of the education system in our country, there is not enough evidence to state that it has been developed in regard to the above-mentioned three stages (Nemekhjargal, 2017, p.44). In comparison to countries that provided science-oriented education, we have had relatively short history. If we consider that one of the criteria to define the development of compulsory education and to spread sciences is establishment and development of universities and colleges: the University of Chicago was founded in 1890, Columbia University in 1754 and Moscow University in 1755. However, the National University of Mongolia was founded in 1942 and the Teacher's Institute was established in 1951.

The process of transforming the teaching into conversation or dialogue-oriented can be seen as a feature of our educational reform, in which the face-to-face communication has been diminished and online communication has increased. Many channels to work with information has been created and education communication has become online, such as selecting and processing information, using of online tools, performing tasks online, taking online exams, online textbooks, lectures and seminars. In addition to the needs of learning to work in teams and conducting dialogues, students need to learn cultures of working, creating, using and spreading knowledge independently. It includes many issues, such as self-processing and reflecting information, using information to solve a problem, treating information with respect in regard to copyright and intellectual property and engaging in online communication with right manners.

2. In our renewed program, democratic values and intellectual values have been put with great importance. However, the implementation of the program has not been a matter of intellectual value, but it has been overlapped with the period, in which the desires for material welfare has increased overwhelmingly and it has become one of the encountered issues. The reason is that the societal viewpoint has not been fully emancipated from the Marxist viewpoint, in which people were limited on the primary needs of food and shelter. According to a 2009 survey conducted by the sociological sector of the Mongolian Academy of Sciences, 46.2 percent of youth answered that they did not participate in political elections because they thought that everything was corrupted and fraudulent, and 25.6 percent answered that they were not adults yet (Mongolian sociological research, 2015.41). This illustrates that there is a lack of experience in implementing fairness values in all areas of social life. There is a tendency that affects the formation of the youth's beliefs because of weak law enforcements, declined moralities and increased unfairness.

3. Competency-based education is oriented towards existential issues, such as individualization of individual identities, expanding individualism, quality of life, meaningfulness, self-determination, problem solving and security. However, there is a unique feature in our thinking that is consistent with our nomadic culture. It is a feature that people consider themselves as members of a group, attach themselves into someone and collectivism is predominated. According to a survey on traditional social values, 76.2 percent of the respondents agreed with the statement of "family interests should be at first and personal interests should be at second" in 2002 whereas 88.3 percent of the respondents agreed with this statement in 2006. In addition, in 2006, 76.2 percent of the respondents agreed with the statement of "although an individual has a different thought, the individual should ignore his/her own thought and follow what others think." (Political Education Academy, 2008, p. 124-125). In the survey of youth values and ideology, only 1.5 % of young people answered "to have one's own purpose and achieve one's goals" for the question of "welfare of life" (Mongolians in sociological research, 2015, p. 35). These show that factors such as collectivism, friends and people from the same geographical locations are found in social communications strongly. Therefore, there is a need to consider the feature of nomadic life and traditions and ethics and intellectual world of Mongolian people in our education and teaching.

4. It is worth noting that our educational researchers have been seeking ways to connect education and teaching with cultural freedom and make them as a tool to provide sustainable development education. In addition, in terms of evaluating the quality of competency-based education, we can assume that we are in the process of seeking expertise and new approaches. Evaluation includes not only educational standards, norms and curriculum criteria but also many aspects, including students and social expectations. There is a need to prepare professionals and experts in this field by treating it scientifically.

Conclusion. During the implementation of the competency-based program, our focus as teachers is on diversities of learning methods and differences of competences of our students, considering their interests, providing them an opportunity to push themselves and producing knowledge by conducting dialogues. This is a major achievement; however, there is also a need to do research and its results should be reflected in the education policy. The most important of these is to study the feature of the historical development of the compulsory education, the feature of country's nomadic and sedentary civilizations that exist simultaneously, the nation's evaluation, the feature of culture, broad exchange of information, impact of globalization and a need to study Mongolian children's learning methods. As a result, it can set an environment in which the foundational ideology and policy for education, which holds the nation's features, could be implemented.

REFERENCES

1. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна: пер. с франц. / Ж.Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998.
2. Cultural diversity and nurturing intercultural communication, UNESCO World Report, (2009) Luxembourg.
3. Ministry of Science and Education. (2016) Core Program of Secondary Education., UB.
4. Nemekhjargal, T. (2017) About the Modern Education Paradigm. (MNUE). № 5. UB, BIT Press LLC.
5. Political Education Academy (2008) (2006) Asian Barometer: A Comparative Study of Development of Democracy, UB.
6. The Mongolian Academy of Sciences, FSEH (2013). Changes in Mongolian Society / UB: "BIBLI SAN" LLC.
7. The Mongolian Academy of Sciences, FSEH. Mongolians in a Sociological Study. (2015), UB, Soyombo Printing LLC.

Материал поступил в редакцию 30.01.19.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (В РАМКАХ ИЗМЕНЕНИЙ И РЕФОРМ В СЕКТОРЕ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛИИ)

Нэмэхжаргал Тайсаа, доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общественных наук
Социально-гуманитарный факультет

Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор), Монголия

***Аннотация.** Статья посвящена некоторым вопросам компетентностного образования (в рамках изменений и реформ в секторе образования Монголии).*

***Ключевые слова:** информационная эпоха, компетентностное образование, национальная идентичность.*

Philological sciences
Филологические науки

УДК 80

ФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

М.Ч. Алиев, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** Статья посвящена решению проблемы формальной интерпретации содержания научного текста для интеллектуальных переводческих компьютерных программ. Показано применение методов структурно-семантического анализа текста для машинного поиска и перевода главного утверждения научного текста через структурно-схематическое представление зависимостей семантических полей.*

***Ключевые слова:** машинный перевод, научный текст, формальная интерпретация, структурно-семантический анализ, структурно-схематическое представление.*

Развитие общества на сегодняшний день во многом определяется степенью интеграционных процессов. Не исключением является и такая важная сфера, как наука. Интеграционные процессы в науке происходят в основном через открытые публикации, различные интернет-услуги, предоставляющие доступ к научным ресурсам, через обмен научной литературы в социальных сообществах, создание национальных или межведомственных электронных научных баз данных. Научные ресурсы создаются по всему миру на различных языках. Вот поэтому работа, связанная с масштабностью и корректностью перевода, становится на сегодняшний день особенно важной. Хотя научный текст и отличается глубиной и специфичностью изложения, использование в нем множества специальных научных терминов и достаточно стандартных конструкций делает вопрос машинного перевода научных текстов достаточно актуальным. Однако из-за некорректности перевода существующие автоматизированные переводческие программы, к сожалению, пока не удовлетворяют запросы пользователей.

Несмотря на то, что идея и в связи с ней задачи развития интеллектуальных программ-переводчиков представляются очень важными, всё же лингвистическое описание текста научного стиля с точки зрения машинного перевода является определяющим. В связи с этим необходимо решение некоторых задач, связанных с лингвистическим описанием научного текста. Лингвистическое описание текста поможет соотнести природу языка научного стиля с возможностями программ-переводчиков, что позволит, на наш взгляд, создать основу для разработки техники перевода для интеллектуальных программ-переводчиков.

Итак, строгость конструкций, обилие стереотипизированных выражений, специализированность терминов делает текст научной литературы привлекательным для машинного перевода.

Динамика научного текста отражается в его стандартной структуре, которая обычно состоит из вступления, постановки вопроса, суждения, вывода и заключения. Каждый научный текст исходит или ведёт к определенной идее (постановке или разрешению научного вопроса). Но общая идея научного текста раскрывается путём суждения и складывается из умозаключений, подкрепляемых аргументами и фактами.

Научный текст состоит из семантических единств, объединяемых в семантические поля, образующие вкпе гиперсемантическое поле.

С точки зрения общей семантики текста умозаключение является центральной семантической категорией, которая с функциональной точки зрения соотносится с высказыванием и может быть равна одному или нескольким предложениям. Структурным его признаком является объединенность аргументируемых фактов вокруг определенного умозаключения: в речи это выражается как объяснение какого-то явления. То есть определенное суждение основывается на определённых аргументах и приводит к определённом умозаключению. Суждение по отношению к умозаключению имеет всегда позитивный характер, так как подводит к констатации какого-то явления, хотя само умозаключение может быть положительным или отрицательным.

Умозаключения имеют в семантике текста различный статус. Он определяется значением конкретного умозаключения по отношению к семантическим единицам текста. Например, если умозаключения по своей значимости и завершённости покрывают весь текст, то речь идёт о главном утверждении, которое объединяет гиперсемантическое поле.

Гиперсемантическое поле образуется из нескольких семантических полей. Умозаключения семантических полей соотносятся друг с другом и выводится общее (главное) умозаключение. Семантическое поле образуется из семантических единств и, так же как и гиперсемантическое поле, имеет своё главное утверждение.

Суждение данного уровня происходит на основе дополнения или противопоставления семантических единиц. В итоге на основе противопоставления, а оно на том уровне должно быть обязательно, образуется как минимум два противопоставленных друг другу блока вопросов. Происходит эффект парадокса, когда «чаша весов» выравнивается, противостояние суждений обостряется, но должно быть найдено необходимое решение. В процессе этого противостояния возникают новые и новые семантические единства и, наконец, «чаша весов» падает на ту или иную сторону или возникает в противовес новое семантическое поле с новым утверждением – скорее всего, главным утверждением гиперсемантического поля. Главное утверждение равняется главному умозаключению.

Подобного рода «борьба аргументов» является неотъемлемой частью природы семантических полей, так как она приводит к появлению главного умозаключения данного уровня. Если же на уровне семантического поля нет ни дополнений, ни противостояний, то главное его умозаключение с научной точки зрения не является корректным.

Компьютерная программа, предназначенная для перевода научной литературы по специальности, легко справляется с соответствующими терминами, понятиями и даже выражениями. Современные машинные переводчики – это целые системы, с огромной памятью, высоким быстродействием, набором готовых клише. Но всё же корректность перевода научных текстов из-за отсутствия у машин соответствующего «интеллекта» обеспечивается компьютером не совсем удовлетворительно, отчего складывается ощущение полной научной неразберихи при даже правильном лексическом переводе. Поэтому пользователям таких программ приходится иметь технику коррекции машинного перевода, практику структурно-семантического анализа научной литературы.

А теперь зададимся вопросом, способна ли машина произвести структурно-семантический анализ научного текста? Какие методы и инструменты для этого могут быть использованы?

Существуют отработанные методы корпусной лингвистики, целью которых является выявление контекстуального значения текста на основе его семантического окружения путем формального контекстуального анализа. Методы, применяемые в корпусной лингвистике (это в основном математические и статистические), доказали свою эффективность и практическую пригодность. Корпусная лингвистика используется в основном для прагматического анализа. Например, в современной журналистике – для политических прогнозов на основе высказываний политических лидеров, медиа публикаций и т.д. Инструментом для подборки текстов и статистической их обработки используются специальные компьютерные программы. Также широкое распространение среди лингвистов обретают программы-конкордансеры, используемые для лингвистического анализа массива текстов и статистической их обработки.

Так можно ли использовать вышеуказанные методы и инструменты для интеллектуального машинного перевода? Какой внешний признак может отражать качество машинного перевода?

На наш взгляд, аннотация научного текста может быть отличным первичным показателем качества машинного перевода. В аннотации имеется два очень важных фактора: краткость и сущность. В данном контексте мы не имеем в виду аннотации, которые обычно даются в публикациях. Мы говорим об аннотации, в которой лаконично отражается сущность всего текста. Аннотация в данном контексте – это очень краткое изложение сущности содержания текста. Аннотацию можно составить только в том случае, если глубоко знать содержание текста, о чем на самом деле идет речь. Составить подобную аннотацию научного текста – это отличная задача для проверки «интеллектуальности» переводческих программ. Такая постановка вопроса, по всей видимости, приближает наше исследование к исследованиям, связанным с развитием искусственного интеллекта, такого, который был бы способен производить синтез на основе глубокого формально-семантического анализа научного текста. Мы считаем, что именно этому и нужно «учить» переводческие программы. Говоря иначе, переводческие программы должны уметь определять, находить главные утверждения, умозаключения научных текстов и осуществлять качественный научный перевод. Главное утверждение, не зависимо от того, где оно располагается в тексте – в начале, в середине или в конце, и есть цель поиска переводческой программы.

Сигнальные подсказки типа «Таким образом, ...», «...можно сделать вывод, что ...» и т.д., конечно, могут направить «интеллект» машины на нужное место. Но если таких сигнальных слов и выражений используется в тексте в достаточном количестве или они отсылают к достаточно объёмным выражениям, то данный подход может и не сработать. Да и поверхностно было бы утверждать, что данный способ может вообще лечь в основу интеллектуальных систем. Тем более, речь далее может пойти о корректности перевода, а это, как мы указали выше, – один из двух ключевых вопросов в машинном переводе.

Мы считаем, что успешный поиск главного утверждения может быть осуществлен только на основе многоуровневого анализа.

Первый уровень – структурно-семантический анализ текста. Поиск главного утверждения, на наш взгляд, можно осуществить на основе структурно-схематического представления зависимостей семантических полей. То есть, машина весь текст делит на семантические поля и определяет причинно-следственные зависимости между ними. Утверждение, стоящее на вершине иерархии данной схемы, и есть главное утверждение.

Второй уровень – лексическо-речевой анализ. Этот уровень анализа работает после того, как машина определила, как ей «кажется», главное утверждение на основе структурно-семантического анализа. Анализ на этом уровне не происходит по всему тексту, а лишь в той части, где расположено главное утверждение. Лексическо-речевой анализ выполняет функцию подтверждения правильности выбора.

Как видим, переводческие программы должны выполнять и аналитические функции. Поэтому, когда мы говорим о переводческих программах, мы должны подразумевать анализаторов-переводчиков или интерпретаторов.

Машинный перевод научного текста может быть корректным только в том случае, если смысл текста интерпретируется машиной корректно. Речь конечно же идет о формальной интерпретации. Но только в этом, и только в этом случае машина при переводе на другой язык сможет подбирать лексические и речевые формы выражения, соответствующие смыслу и стилю данного научного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев, М.Ч. Структура и семантика научного текста в вопросах машинного перевода / М.Ч. Алиев. – Ташкент: «Язык и культура». Материалы межвузовского семинара-совещания, 2004.
2. Будущее перевода или сможет ли машинный перевод составить конкуренцию переводчикам. URL: <http://m.oilcapital.ru/company/209575.html>
3. Котюрова, М.П. Стилистика научной речи / М.П. Котюрова. – М.: Академия, 2010. – 240 с.
4. Новиков, А.И. Семантика текста и его формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
5. Чапайкина, Н.Е. Семантический анализ текстов. Основные положения / Н.Е. Чапайкина. – Чита: Изд-во Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. – 2012. – № 5 (40). – С. 112-116.

Материал поступил в редакцию 09.01.19.

FORMAL INTERPRETATION OF SCIENTIFIC TEXT IN THE MACHINE-AIDED TRANSLATION

M.Ch. Aliyev, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Department
Uzbek State University of World Languages (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *The article deals with the solving problem of the formal interpretation of the scientific text for artificial intelligence translation programs. The application of the methods of structural-semantic analysis of the text for machine search and translation of the main statement of the scientific text through the structural-schematic representation of the dependencies of semantic fields is shown.*

Keywords: *machine-aided translation, scientific text, formal interpretation, structural and semantic analysis, structural and schematic representation.*

УДК 82-312.1

ТЕМА ЛИЦА И ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»

А.С. Косинская, аспирант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград), Россия

Аннотация. Исследуется тема обретения лица и личности в романе К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели». Описаны основные этапы обретения главной героиней неповторимой личности, намечены основные темы и затронуты особенности композиции и мифопоэтики романа. Прослеживается связь антропологического сценария и христианского мировоззрения автора. Впервые в истории изучения романа исследуется проявление пасхального архетипа в тексте повествования.

Ключевые слова: Клайв Стейплз Льюис, роман, лицо, личность, античный миф, любовь, радость, пасхальный архетип.

Роман К. С. Льюиса «Till We Have Faces» (русс. «Пока мы лиц не обрели») был написан в 1956 году и посвящён любимой жене писателя, Хелен Джой Дэвидмен, столкнувшейся с неизлечимой болезнью и проблемой смерти раньше автора (Джой умерла в 1960 году). Осмысление автором возможной потери любимой женщины, на наш взгляд, определило выбор пасхального архетипа в качестве доминирующего в тексте романа, представляющего собой христианскую (художественную) трактовку древнегреческого мифа об Амуре и Психее. Пасхальный архетип как идейная основа произведения даёт надежду на «пасхальную неотмирную победу» жизни над смертью [1; с. 83]. Так, роман К. С. Льюиса «Till We Have Faces» («Пока мы лиц не обрели») является пересказом и в то же время переводом в форму романного повествования вышеупомянутого мифа, который впервые встречается в тексте «Метаморфоз», известном также как «Золотой осёл», Луция Апулея Платоника. К. С. Льюис вносит в структуру мифа важные для раскрытия основной идеи романа изменения. К примеру, дворец Психеи становится невидимым для смертных, что, в свою очередь, меняет основной мотив действий сестры Психеи, Оруаль: в английском романе ею движет не зависть, а (эгоистическая) любовь к сестре. В то же время введённый автором мотив невидимого дворца на символическом уровне воплощает идею непостижимости Бога и неуловимости веры, мучающие человека вопросы к Богу, на которые Он не даёт ответа, сокровенность Божественного.

Повествование в романе ведётся от лица главной героини, Оруаль, царицы Глома (небольшого вымышленного царства времён античности, ориентировочно на границе с Персией). Состоящий из обвинительной и апологетической частей, роман К. С. Льюиса является сакральной автобиографией главной героини.

Первая часть содержит книгу царицы Оруаль и, таким образом, представляет собой текст-в-тексте. Книга героини содержит описание практически всей её жизни: от сохранившихся в памяти воспоминаний детства до старости. При этом целью написания книги жизни является вынесение обвинения богам. «I will accuse the gods, especially the god who lives on the Grey Mountain» [8; p. 1] (Русск. здесь и далее пер. с англ. И. Кормильцева: «В книге этой я буду обвинять богов: в первую очередь того, который обитает на Седой горе») [4; с. 11]. Видимо, для большей объективности выносить обвинение богу Оруаль хотелось бы перед лицом судьи: «That is, I will tell all he has done to me from the very beginning, as if I were making my complaint of him before a judge» [8; p. 1]. («Словно перед строгим судьей, я расскажу без утайки обо всем том зле, что этот бог причинил мне») [4; с. 11]. Полагая, что судьи, разрешающего тяжбы между людьми и богами, не существует (исходя из мифологии её народа), героиня отдаёт текст своего обвинения на суд читателю («You, who, read my book, judge») [8; p. 71]. («Читатель, будь мне судьей, скажи...») [4; с. 176]. При этом идеальный читатель (слушатель) текста – это древнегреческий мудрец (героиня пишет книгу на греческом, так как из всех известных ей народов, только греки могли свободно рассуждать о богах. «Perhaps their wise men will know whether my complaint is right or whether the god could have defended himself if he had made an answer» [8; p. 1]. («И может статься, тамошние мудрецы разберутся, справедливы ли мои обвинения, и удалось ли бы оправдаться богу Седой горы, снизойди он до ответа») [4; с. 12].

Обвиняя бога, Оруаль считает, что не боится его гнева, так как давно уже потеряла в своей жизни всё, чем может дорожить человек. «Being, for all these reasons, free from fear, I will write in this book what no one who has happiness would dare to write» [8; p. 1]. (русск. «Вот почему я не боюсь гнева богов, и вот почему я решилась написать эту книгу, ибо человек, которому есть что терять, никогда не осмелится написать подобную») [4; с. 11]. Более того, гнев на богов и негодование героини были столь велики, что Оруаль не знала покоя до тех пор, пока не начала писать обвинительную книгу. Так, написание книги становится для героини одновременно способом и пространством для саморефлексии и вопрошания богов. Работа над книгой придаёт смысл остатку трагической жизни Оруаль. «I could never be at peace again till I had written my charge against the gods. It burned me from within. It quickened; I was with book, as a woman is with child» [8; p. 100]. («... я окончательно решила, что моя душа не обретет покоя, пока я не напишу книгу – обвинение против богов. Мысль о книге жгла меня изнутри, она была для меня как младенец в чреве для матери») [4; с. 247]. Так, самосознание одинокой личности ищет опору и высшую судебную инстанцию в себе самой и непосредственно в сфере идей – в философии и религии. При этом сам процесс написания книги, предполагающий обращение к богам и саморефлексию, способен изменить внутренний мир героини. «The change which the writing

wrought in me (and of which I did not write) was only a beginning – only to prepare me for the gods' surgery. They used my own pen to probe my wound» [8; p. 101]. («То, что случилось со мной, когда я писала книгу, я в ней не упомянула, но эти перемены были только началом: боги, подобно врачам, использовали мое стило как щуп, чтобы исследовать мою рану, прежде чем взяться за нож» [4; с. 253–254]. Согласно метафоре К. С. Льюиса, в то время, когда героиня пишет свою «книгу жизни», боги заняты исцелением жизни Оруаль; при этом перо, которым она пишет, становится инструментом, при помощи которого боги зондируют главную рану её души. Так, предельно честное осмысление собственной жизни и обращение из глубины души к богам (даже обвинительное), является первым шагом на пути обретения лица. При этом следует отметить, что впервые отсутствие собственного лица (давнее название роману – «Till We Have Faces» – «Пока мы лиц не обрели») осознаётся главной героиней незадолго до написания книги и всё глубже осмысливается в процессе написания. В то же время Оруаль большую часть своей жизни скрывала лицо, и, в связи с этим, жители Глома строили самые разные догадки о сущности скрытого от их взоров лица, создавая тем самым фольклорный образ легендарной царицы. Царица знала об их догадках, но предпочитала ту из них, согласно которой лицо под шалью отсутствовало. «The best story was that I had no face at all; if you stripped off my veil you'd find emptiness [8; p. 93]. («Но мне больше нравились те, кто утверждал, что у меня вообще нет лица, и если отдернуть платок, то увидишь бездонную пустоту») [4; с. 230]. Тема лица, вынесенная автором в заглавие романа, безусловно, является доминирующей в тексте К. С. Льюиса. Заметим, что центральная в названии произведения лексема “faces”, “лица” используется в контексте временного отсутствия и желаемого обретения безликой героиней лица и личности.

Вторая часть повествования является дополнением к первой. Она, в свою очередь, оправдывает богов (написание второй части обусловлено невозможностью для Оруаль переписать свою первую книгу, т.к. она была слишком стара и слаба для этого). «It would be better to rewrite it from the beginning, but I think there's no time for that» [8; p. 101]. «По правде говоря, все, что я написала, стоило бы переписать с начала до конца, но боюсь, что мне не хватит времени [4; с. 253]. Поэтому цель второй части романа – преобразить и внести новый смысл в книгу жизни, которая пишется в первой части.

Если первая часть романа начинается с того, что Оруаль, обвиняя богов, подчёркивает, что ответа от них в любом случае не получит, и заканчивается словами «no answer» («нет ответа»), то в конце второй части уже ставшая Психеей, Оруаль получает долгожданный ответ. «I know now, Lord, why you utter no answer. You are yourself the answer. Before your face questions die away» [8; p. 123] «Теперь я знаю, Повелитель, почему ты не отвечаешь нам. Потому что ты сам – ответ. Пред твоим лицом умирают все вопросы» [4; с. 303]. Здесь героиня впервые пишет имя Бога с большой буквы (признавая таким образом существование Божественной Личности и своё предстояние перед лицом Бога). Отметим также, что роман имеет кольцевую композицию, подчёркивающую молчание Бога как одну из основных идей «романа об отношениях Бога и человека» [6; с. 319]. Для того, чтобы принять молчание Бога как ответ, героине необходимо прежде обрести лицо. «I saw well why the gods do not speak to us openly, nor let us answer. Till that word can be dug out of us, why should they hear the babble that we think we mean? **How can they meet us face to face till we have faces?**» [8; p.117] (*выделение и курсив наш – А.К.*) «Я отлично знаю, почему боги не говорят с нами открыто, и не нам ответить на их вопросы. Пока мы не научились говорить, почему они должны слушать наш бессмысленный лепет? Пока мы не обрели лиц, как они могут встретиться с нами лицом к лицу?» [4; с. 290]. Тема обретения лица в романе тесно связана с проблемой слова. До обретения лица человек, по мысли К. С. Льюиса, не говорит то, что действительно хочет высказать его душа, а лишь невинно мямлит то, что ему кажется, что он имеет в виду. (Ср. “Silentium” Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь»). Учитель Лис преподаёт главной героине следующий урок: “Child, to say the very thing you really mean, the whole of it, nothing more or less or other than what you really mean; that's the whole art and joy of words” [8; p.117]. («Дитя, сказать именно то, что ты намереваешься, все целиком, ничего не упустив и не прибавив, – в этом и заключается радостное искусство слов») [4; с. 290]. Заметим, что дар слова в художественном пространстве романа является искусством и радостью одновременно. Одним из значений лексемы «joy»/«радость» в концептосфере творчества К. С. Льюиса является значение «радость как критерий истины» (См., например, духовную автобиографию «Surprised by Joy» (русск. «Настигнут радостью»). Произнеся свою жалобу вслух, Оруаль понимает, что в её вопросе уже содержится ответ. «The complaint was the answer. To have heard myself making it was to be answered» [8; p.117]. («Моя жалоба и была ответом. Я должна была сама выслушать ее из собственных уст») [4; с. 290]. Таким образом решается проблема молчания Бога: не слышащий собственной речи человек редко бывает способен услышать ответ Бога. Но, научившись слышать себя, получает ответ (содержащийся, как правило, в самом вопросе). Та же проблема возникает и в межличностном общении героинь. Находясь в сакральном пространстве пещеры-замка Психеи, Оруаль удаётся не услышать сразу два голоса: голос младшей сестры Психеи и голос собственного сердца. Так, приближаясь к сакральному месту по «Священной Дороге» («the Holy Road»), печальная Оруаль ощущает неземную радость, которую принимает за безумие. Внутренний голос героини вступает в диалог с этим новым для будущей царицы чувством и, что особенно важно, сердце Оруаль готово принять радость. «Now, flung at me like frolic or insolence, there came as if it were a voice – no words – but if you made it into words it would be, “Why should your heart not dance?” It's the measure of my folly that my heart almost answered, “Why not?” [8; p. 38]. («Но теперь в ушах у меня все громче звучал проказливый и непочтительный голосок, и он будто нашептывал мне, хотя я не слышала слов: “Почему бы не пуститься в пляс твоему сердцу?” И безумие мое зашло так далеко, что сердце ответило: “И верно, почему?”») [4; с. 103]. Однако героиня из последних сил борется с радостью, заглушая тем самым голос собственного сердца. «And my struggle was this. ... I had to tell myself over like a lesson the infinite reasons it had not to dance» [8; p. 38]. («Теперь о том, что мучило меня. ... Мне приходилось вдальбивать самой себе, словно непонятливому

ученику, почему у меня нет ни малейшего права пуститься в пляс) [4; с. 103]. Интересно, что «как будто голос» обращается к сердцу Оруаль на языке радости (т.е. без слов) и сообщает ей то, что могло быть передано на языке людей как "Why should your heart not dance?" ("Почему бы не пуститься в пляс твоему сердцу?"); при этом в тексте Льюиса не ощущается «проказливости» и «непочтительности» «голоска», и он не звучит в ушах (как в переводе), а набрасывается на героиню (как и положено богу Westwind («западного ветра»). Слова о танце повторяет и Психея на вопрос сестры: "What are we to do now?" ("Do? Why, be merry, what else? Why should our hearts not dance?") [8; p. 42]. («Не дадим радости ослепить себя: нам необходимо решить, что делать дальше», – говорит Оруаль. «Что нам делать дальше? – Как что? Радоваться! Разве наши сердца не пляшут от радости?» – отвечает ей Психея) [4; с. 112]. Интересен образ танца как аллегории Божественной гармонии в художественном мире К. С. Льюиса (Ср. «Великий Танец» в «Переландре» К. С. Льюиса) [2; с. 66]. Ниспосланная Радость призывает героиню присоединиться к Великому танцу, и это приглашение на время меняет её мировосприятие: «I had misjudged the world; it seemed kind, and laughing, as if its heart also danced» [8; p. 38]. («...я недооценила мир; он оказался куда добрее и радостнее, чем я полагала, – он смеялся, а сердце его плясало вместе с моим») [4; с. 103]. Мотив радости и танца души в сакральном пространстве романа, на наш взгляд, соотносится с 30-31 стихами восьмой главы Книги притчей Соломоновых: «... тогда я была при Нём художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими» (Притч. 8: 30-31). Рассматривая данный текст Ветхого Завета как прецедентный для описания сакрального пространства романа К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели», можно сделать вывод о том, что восприятие духовной радости как явления Премудрости Божьей, актуально для рассматриваемого романа.

Встревоженная неземной радостью героиня впервые сомневается в своём уродстве. «Even my ugliness I could not quite believe in» [8; p. 38]. «Я усомнилась даже в своем уродстве» [4; с. 103]. Так, уродство лица главной героини (а позже и мифическое отсутствие лица) является в романе «Till we have faces» (русс. «Пока мы лиц не обрели») постоянным атрибутом условно-исторического хронотопа. Приближаясь к Седой Горе (открывающей сакральное пространство в романе), и ощущая невыразимую радость как приглашение приобщиться к сакральному времени Великого Танца («Why should our hearts not dance?»), героиня уже с трудом верит в реальность своего уродства. И если в условиях исторического хронотопа уродство лица было абсолютным и безусловным, что в тексте подчёркивается частицей «even» перед словосочетанием «my ugliness» (русс. «даже моё уродство»), то в сакральном хронотопе уродство (а позже и отсутствие лица) перестаёт быть незыблемым. «Who can feel ugly when the heart meets delight? It is as if, somewhere inside, within the hideous face and bony limbs, one is soft, fresh, lissom and desirable» [8; p. 38]. («Как можно ощущать себя уродливой, когда твоё сердце ликует? Там, в глубине неловкого тела, под маской уродливого лица притаилась совсем другая женщина – свежая, желанная, проворная») [4; с. 103]. Так, от встречи с божественной радостью (Премудростью), уродливое раньше лицо начинает преображаться, и героиня интуитивно чувствует («It is as if»/ «как если»), что за её уродством может скрываться образ новой (прекрасной) Оруаль. (позже бог Горы назовёт её новой Психеей, дав, таким образом, новому лицу героини новое имя). Мотив возможного преображения героини в романном повествовании связан с идеей совести, как совместного с богами знания. Заметим, что английское слово *conscience*, подобно русскому эквиваленту, имеет этимологию совместного знания: от лат. *con* (со-, совместное) - *scientia* (знание) [7; p. 98]. Очевидно, речь идёт о совместном с Богом знании. Ради справедливости следует отметить, что Оруаль, которая в данном случае борется («And my struggle was this») против собственной совести, стараясь не проникнуть в сакральное время произведения, ещё не обретает прекрасного лица, а лишь предчувствует его возможность.

Эпиграфом к роману К. С. Льюиса «Till We Have Faces» («Пока мы лиц не обрели») послужило начало 151-го сонета У. Шекспира «Love is too young to know what conscience is» (русс. «Любовь слишком молода, чтобы знать, что такое совесть»). Данная строка сонета является квинтэссенцией смысла первой части романа. Любовь Оруаль к Психее действительно не знает совести (*conscience*) в характерном для художественного мышления К. С. Льюиса христоцентричном смысле. В статье «Образы античных богов в творчестве К.С. Льюиса» С. В. Шешунова подчёркивает христоцентризм романа «Till We Have Faces» («Пока мы лиц не обрели»). По мнению исследователя, данный роман воплощает «присущую Льюису картину мира, в которой античный миф гармонично вписан во вселенную, радостно славящую христианского Бога» [6; с. 319].

При этом основой любви Оруаль является желание героини обладать душами любимых ею людей (Психеи, позже Бардии). Жена Бардии Ансит охарактеризует любовь королевы Оруаль следующим образом: «Yours is Queen's love, not commoners'. Perhaps you who spring from the gods love like the gods. Like the Shadow-brute. They say the loving and the devouring are all one, don't they?» [8; p. 106]. «... царская любовь не такова, как наша. Вы ведёте свой род от богов и любите, как боги. Как любит Чудище. Говорят, для него любить и пожирать – одно и то же, не так ли?» [4; с. 264]. Оруаль осознаёт, что Ансит права. «Ansit's right. I've batted on the lives of men. It's true» [8; p. 118]. «Ансит права. Я утучняла себя человечиною...» [4; с. 292]. Апогеем безликой эгоистической любви героини является её утверждение в обвинении, которое она произносит в адрес богов в подземном царстве смерти: «We'd rather they were ours and dead than yours and made immortal» [8; p. 116]. «Пусть лучше любимые будут нашими мертвецами, чем бессмертными у вас» [4; с. 288].

Встретив сестру в сакральном пространстве пещеры в Седой Горе, наблюдательная Оруаль замечает, что она и Психея представляют собой два противоположных (художественных) образа любви. «We might have been two images of love, the happy and the stern – she so young, so brightface, joy in her eye and limbs – I, burdened and resolute, bringing pain in my hand» [8; p. 65]. «Мы были похожи на два олицетворения любви – любви счастливой и любви суровой.

Психея излучала молодость и счастье, она вся светила изнутри, я же была исполнена решимости, обременена ответственностью, и в руке моей притаилось жало». [4; с. 162]. Заметим, что в данном противопоставлении лицо имеет только Психея («brightface»), она же исполнена радости, у безликой Оруаль есть лишь твёрдое намерение причинить боль. Если любовь Психеи характеризует словосочетание *unspeakable joy* (невывразимая радость), то плодом любви Оруаль является *the inconsolable grief* (неисцелимое горе), так как любовь её трагична. Психея сравнивает любовь Оруаль с глубокой ямой и не уверена в том, что такая форма любви лучше ненависти. «It is like looking into a deep pit. I am not sure whether I like your kind better than hatred» [8; p. 69]. «Я и вправду не со всякой любовью знакома. По мне, такая, как твоя, ничем не лучше ненависти. Я словно в темную яму заглянула» [4; с. 169-170]. Пожалуй, основное отличие такой любви от ненависти в том, что она думает, что желает блага любимому. «Oh, Orual – to take my love for you, because you know it goes down to my very roots ..., and then to make of it a tool, a weapon, a thing of policy and mastery, an instrument of torture» [8; p. 69]. «Ах, Оруаль, ты взяла мою любовь к тебе, глубокую, из самого сердца..., – эту любовь ты взяла в заложницы, чтобы обратить ее против меня. Ты превратила ее в орудие пытки» [4; с. 170]. Такая форма любви, на наш взгляд, является характерным признаком трагедии безликого человека. Именно поэтому Ансит подчёркивает сходство Оруаль с безликими богами. (Статуя богини Унгит представляет собой бесформенный камень с некрасивыми трещинами вместо лица «the old, hungry, faceless Ungit» – «старая, кровожадная, безликая Унгит»). Боги в романе антропоморфны, люди – богоподобны. «It was I who was Ungit. That ruinous face was mine» [8; p. 111]. («Это я была Унгит. Это раскисшее лицо в зеркале было моим») [4; с. 275].

Осознав своё внутреннее родство с безликой Унгит, которой боялась в детстве, Оруаль ужасается перед образом своей души. «I was ... that all-devouring womblake, yet barren, thing. Glome was a web – I the swollen spider, squat at its center, gorged with men's stolen lives» [8; p. 111]. «Я была ... всепожирающей, но бесплодной утробой. Глом был моей паутиной, а я – старой вздувшейся паучихой, объевшейся жизнями» [4; с. 275]. Подобная саморефлексия рождает сначала мысль о смерти, позже – осознание необходимости преобразования жизни и обретения лица. Так, Оруаль вспоминает мысль Сократа о том, что истинная мудрость состоит в искусстве умирать. Размышляя, героиня приходит к следующему пониманию мысли древнегреческого философа: «But by the death which is wisdom I supposed he meant the death of our passions and desires and vain opinions» [8; p. 113]. («Но мне все-таки кажется, что под смертью, которая есть мудрость, Сократ разумел смерть наших страстей, желаний и сомнений») [4; с. 279]. Исходя из этого, Оруаль пытается жить согласно истине (по учению Сократа), преодолевая в себе Унгит. «To say that I was Ungit meant that I was as ugly in soul as she; greedy, blood-gorged. But if I practiced true philosophy, as Socrates meant it, I should change my ugly soul into a fair one» [8; p. 113]. («Сказать, что я – Унгит, означает, что моя душа подобна ее душе, что она ненасытна и кровожадна. Но если я буду, подобно Сократу, жить в согласии с истиной, моя уродливая душа станет прекрасной») [4; с. 279]. Однако здесь героиню ждёт разочарование. Вскоре Оруаль на собственном опыте убеждается, что сама она не в силах изменить ни свою душу, ни лицо. «I could mend my soul no more than my face. Unless the gods helped. And why did the gods not help?» [8; p. 113]. («Так не удалось приукрасить даже лицо, что же говорить о душе! И с чего я взяла, что боги мне не помогут в этом?») [4; с. 280]. Пожалуй, самое сложное в жизненном опыте царицы Оруаль – это упование на помощь богов. Из последних сил героиня пытается покончить с той трагедией, которой она считает собственную жизнь, и тут, перед последним шагом, она слышит голос Бога (того, имя которого напишет потом с большой буквы). Голос останавливает её и сообщает, что должно делать в её так называемой ситуации. «Die before you die. There is no chance after» [8; p. 112]. «Умри прежде смерти, потом будет поздно» [4; с. 277].

Таким образом, обретение лица, согласно антропологическому сценарию К. С. Льюиса, возможно только со смертью безликого существования. Героиня идёт на это и недолгое время ощущает себя безусловно мудро правящим Гломом «живым мертвецом». «It was as if I were dead already, but not as the god, or Socrates, bade me die. Yet all the time I was able to go about my work, doing and saying whatever was needful, and no one knew that there was anything amiss» [8; p. 114]. («Казалось, я уже умерла, но не в том смысле, о котором говорили боги и Сократ. Несмотря на это, я продолжала ходить, говорить, отдавать распоряжения, и никто не смог бы найти во мне никакого изъяна») [4; с. 282]. Этот период жизни героини длился недолго. Вскоре в форме видения перед ней вновь открывается сакральное время, и Оруаль попадает в сакральное пространство царства мёртвых. Здесь героиня произносит своё обвинение богам. Этот эпизод, на наш взгляд, является ключевым в романе: внутренний текст здесь звучит во внешнем, переходя в него. В то же время в области осмысления жизни главной героиней наступает «момент истины»: в ответ на своё обвинение она получает знание, превышающее все её вопрошания. Ей открывается смысл её пожизненных душевных страданий (в снах и наяву): героиня узнаёт, что долгое время претерпевала те страдания, которые предназначались любимой ею Психее. «Then it was really I – Who bore the anguish. But she achieved the tasks» [8; p. 120]. «Значит, это и в самом деле я! ... – ...несла ее муки. Но благодаря этому она со всем справилась» [4; с. 296]. Здесь прецедентным текстом выступает второй стих шестой главы послания апостола Павла к Галатам: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2).

Лис добавляет к этому известную Евангельскую истину о единстве людей в Боге. «We're all limbs and parts of one Whole. Hence, of each other. Men, and gods, flow in and out and mingle» [8; p. 120]. («Мы все – члены и органы единого целого, значит, мы – как одно тело, одно существо: боги, люди, все живое. Трудно сказать, где кончается одно бытие и начинается другое») [4; с. 296]. Заметим, что лексема «Whole» (единое Целое) выделена в оригинале написанием с заглавной буквы, что подчёркивает корреляцию к тексту двенадцатой главы первого послания апостола Павла к Коринфянам: «И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12:27). Осознав высший смысл пережитых страданий, Оруаль благословляет богов. «Oh, I give thanks. I bless the gods» [8; p. 120]. («О великие боги!

Как я благодарна вам» [4; с. 296]. С этого момента происходит переворот в сознании героини и в её отношении с любимыми людьми. Об этом свидетельствует обращение Оруаль к Психее. «Never again will I call you mine; but all there is of me shall be yours ... I never wished you well, never had one selfless thought of you. I was a craven» [8; p. 122]. «О Психея, богиня ... Никогда более не назову я тебя своей, но все, что считала моим, отдаю тебе. ... Я никогда не желала тебе истинного добра, никогда не думала о тебе так, чтобы не думать в первую очередь о себе. Я была алчущей бездной» [4; с. 301]. В ответ Психея вручает сестре «ларец с красотой для Унгит», – символ нового лица Оруаль. Завершающим этапом обретения героиней лица является голос Бога в дворцовом саду. «You also are Psyche» [8; p. 123] («Ты теперь тоже Психея») [4; с. 303], – сообщение об обретении нового имени, соответствующего прекрасному лицу как отражению души личности. Современник К. С. Льюиса, известный богослов русского зарубежья В. Н. Лосский в труде «По образу и подобию» даёт следующие определение личности: «Кратко говоря, личность может быть полностью личностью лишь в той мере, в какой она не имеет ничего того, чем она хотела бы обладать только для себя, исключая других; то есть когда она имеет природу, общую с другими» [3; с. 641]. Таким образом, с точки зрения христианской аксиологии, можно сделать вывод об обретении героиней собственной личности (в сакральном времени и пространстве романа).

Метаморфоза, произошедшая с лицом (символом души) Оруаль: героиня с уродливым лицом теряет лицо и умирает, пройдя через страну мёртвых (подземное царство Аид), обретает новое прекрасное лицо, – восходит к пасхальному архетипу и символизирует воскресение души в обновлённом теле. К этому же архетипу восходит и мотив воскрешения Психеи богом западного ветра. Путь страданий Оруаль, таким образом, прочитывается как аллегория страданий души, потерявшей любимого человека (когда душа возлюбленной находится во власти смерти). Радость встречи с Психеей в сакральном времени видения Оруаль – как пасхальная радость победы над смертью.

Анализируя «память» пасхального архетипа в мотивах, сюжетах и жанрах русской литературы, И. А. Есаулов замечает: «Пасхальный архетип может обнаружить себя и в стилистике, отсылающей к дохристианскому античному мирозерцанию» [1; с. 82]. Данное наблюдение, на наш взгляд, в полной мере применимо к роману К. С. Льюиса «Till We Have Faces» («Пока мы лиц не обрели»).

С. В. Шешунова указывает на радостный итог исследуемого романа: «Финал романа о Психее назвать трагическим сложно. История брака Психеи с Амуром для христианина Льюиса была не просто языческой сказкой. ... По замыслу писателя брак Психеи становится образом соединения человеческой души с истинным, библейским Богом» [6; с. 319]. В данном случае исследователь не согласна с утверждением С. В. Максимовой о том, что «миф в романе «Пока мы лиц не обрели» есть миф трагический» [5; с. 19]. Выявленная С. В. Шешуновой тема соединения человеческой души с Богом как основная тема романа «Till We Have Faces» («Пока мы лиц не обрели»), на наш взгляд, сближает роман К. С. Льюиса и Песнь Песней Царя Соломона, которая в ветхозаветном храме читалась на Пасху. С. В. Шешунова цитирует книгу «Размышлениях о псалмах», в которой К. С. Льюис высказал своё мнение о том, что «всё лучшее в религиозной истории мира предвосхищало Христа» [6; с. 319]. К «лучшему», замечает исследователь, «английский писатель относил с детства любимую им античную мифологию» [6; с. 319]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М.: Круг, 2004. – 560 с.
2. Ефимова, Л. Н. Философское осмысление библейского мифа о грехопадении в романе К. Льюиса «Переландра» / Л. Н. Ефимова // «Вестник МГПУ», серия «Философские науки». – 2015. – № 3 (15). – С. 60-69.
3. Лосский, В. Н. Боговидение. Пер. с фр. В. А. Решиковой. / В. Н. Лосский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 759 с.
4. Льюис, К. С. Пока мы лиц не обрели / К. С. Льюис. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 230 с.
5. Максимова, С. В. Античный миф в прозе К. С. Льюиса и Г. Э. Носсака 40-50-х гг. Автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. В. Максимова. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2009. – 27 с.
6. Шешунова, С. В. Образы античных богов в творчестве К. С. Льюиса / С. В. Шешунова // «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского». – 2013. – № 6(2). – с. 316-320.
7. Skeat, W. W. Concise Dictionary of English Etymology / W. W. Skeat. – London, Wordsworth Editions Limited, 2007.
8. Lewis C. S. Till We Have Faces электронная книга [Lewis_Clive_Staples]_Til_We_Have_Faces(BookFi).pdf (version2.0).

Материал поступил в редакцию 28.01.19.

THE LINE OF FACE AND PERSONALITY IN C. S. LEWIS'S NOVEL *TILL WE HAVE FACES*

A.S. Kosinskaya, Postgraduate Student
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), Russia

Abstract. The line of attainment of a face and a person in the novel by C. S. Lewis *Till We Have Faces* is investigated in this paper. The main stages of attainment of unique personality by the main character are described, the main topics are outlined, and the features of the composition and mythopoetics of the novel are touched on. The relation between the anthropological scenario and the author's Christian worldview is traced. For the first time in the history of the novel study, the manifestation of the Easter archetype in the narration text is investigated.

Keywords: Clive Staples Lewis, novel, face, personality, ancient myth, love, joy, the Easter archetype.

УДК 821. 512. 122. 09

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.К. Сейпутанова¹, А.М. Картаева²¹ кандидат филологических наук, ² доктор филологических наук

Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск), Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы литературной связи и сравнительного литературоведения. Анализируется с научной точки зрения один из аспектов изучения литературы – сравнительное историческое исследование, а также обсуждается значимость литературной связи в развитии национальной литературы.

Ключевые слова: литературоведение, сравнительно-исторический метод, литературная связь, искусство, литература, параллельное исследование.

В настоящее время в науке мирового литературоведения широкое место занимает проблема сравнительного и сопоставительного исследования литературы, искусства двух или нескольких стран. Исследования в таком направлении определяют эстетические ценности каждой нации, раскрывают национальные особенности в произведении, традиции и социальные проблемы, общелитературные закономерности. Следовательно, сравнение уровня развития литературы каждого народа, схожих сторон искусства способствует более основательному познанию национальных ценностей.

Если вникнуть в объект исследования науки сравнительного литературоведения, то прежде всего понятие «компаративизм» происходит от латинского слова «comparatives», что означает сравнение. Многие ученые автором термина «литературное сравнение» считают французского литератора Нозля Ф., так как он впервые в 1817 году использовал термин «literature compares» в литературоведческой науке.

Специальной отраслью, исследующей литературные связи искусства слова, является сравнительное литературоведение. Метод сравнительного исследования литературы позволяет наряду с раскрытием общих закономерностей, общих тенденций искусства слова, рассматривать литературу как целостный организм. Самым сложным среди различных аспектов исследования является сравнительно-исторический метод исследования. В этом отношении ученый Жирмунский В.М. данный метод разделяет на несколько видов:

1) Историко-генетическое сравнение. Здесь рассматриваются причины зарождения схожих явлений в литературе, их родственное происхождение и с истечением времени в силу исторических условий их разведение.

2) Историко-типологическое сравнение. Этот метод с точки зрения родового происхождения не выявляет никакой близости между схожими явлениями, однако, разъясняет наличие схожих обстоятельств в развитии общества.

3) Сравнительно-сопоставительное культурное отношение. Здесь в развитии общественного развития выдвигается влияние на основе исторической близости [1].

В 1954 году в Париже было создано общество «Международное сравнительное литературоведение» (CLA), в том же году во Франции и Японии, в 1960 году в Китае, в 1985 году и в других развитых странах образовались общества сравнительного литературоведения и начали продуктивную деятельность. Начиная с упомянутого периода США наряду с тем, что явились основным центром науки сравнительного литературоведения, стали родиной направления «параллельного исследования» сравнительного литературоведения.

Параллельное исследование, как видно из названия, один из установившихся в общей научно-исследовательской работе ведущих приемов и методов, рассматривающих одновременно две литературы, две культуры. Данный метод исследования и в условиях отсутствия конкретной взаимосвязи, взаимодействия и взаимоотношения между литературными произведениями двух стран, писателями различных направлений рассматривает их в качестве живой цельной личности эстетической культуры человечества. К тому же изучение присущих им связей эстетических ценностей, сходств и особенностей ставит главной целью раскрытие их внутренней сути, актуальных свойств, основных особенностей посредством исторического анализа, сопоставительного рассмотрения.

Если говорить о развитии национальной литературы, известно, что без взаимосвязей, взаимоотношений какая бы ни была литература не может совершенствоваться в полной мере. Стыки, отношения, духовные взаимообогащения в мире литературы составляют литературные связи. Говоря словами Сатбаевой Ш.: «Литературные связи способствуют таким благим целям, как взаимопознание, понимание, солидарность, сближение, целенаправленность, объединение, дружба между народами» [4].

Основы науки национального сравнительного литературоведения в 30-40-ые годы XX века заложил Ауэзов М. Спустя почти полвека после этого стала развиваться, возродившись как наука. Есть своеобразные причины такого отставания в развитии. Одной из главных причин можно назвать невозможность специального

рассмотрения возрождения науки сравнительного литературоведения в советское время, закрепившей репутацию «буржуазной науки» как исследовательского метода. Вторая причина в том, что укоренилось такое понимание: все казахские писатели и поэты, явившись «выходцами из кафтана (чекменя) русских писателей, русской литературы», что бы ни писали с позиции «науки сравнительного литературоведения», вынуждены были «доводить до конца, доказывать» одну только эту идею. Конечно, мы в этом смысле далеки от мысли: «Русская литература не имела благотворного влияния на казахскую литературу, не было писателей и поэтов, последовавших примеру русских писателей». Даже само исследование «воздействия, взаимопоучения» в этом направлении явилось одной из ветвей, одной из отраслей науки сравнительного литературоведения. То есть, сама наука сравнительного литературоведения различается как «теория взаимодействия» и «теория параллельного исследования», и советская идеология отдавала предпочтение «теории взаимодействия». Даже в эти трудные времена профессор Нурғали Р. на основе позиций науки сравнительного литературоведения рассматривал величие Абая, сопоставляя и сравнивая его с русскими мыслителями. «Написание произведения на один сюжет двумя великанами Абаем Кунанбаевым и Иваном Тургеневым без всякой взаимосвязи свидетельствует об их внутреннем родстве. Речь идет о поэме «Масгут» и рассказе «Восточная легенда». Ясно, что лейтмотивом обоих произведений является событие, происшедшее с мастером Хасаном из «Тысячи и одной ночи». Тургенев написал лишь маленький рассказ, Абай же создал поэму» [3].

Известно, что с приобретением независимости Республики Казахстан, начиная с 1990-х годов перед научно-исследовательской работой были поставлены задачи исследования и изучения масштабных проблем, сравнительный отбор на мировом уровне казахского духовного наследия, не ограничение национальными рамками, раскрытие объекта исследования во взаимосвязи с другими видами науки. Проявление в литературных связях схожих между собой обстоятельств в конкретном произведении свидетельствует не только о преемственности истоков исторического отбора на национальной почве, где писатель родился, но и о его мировоззрении, секретах его духовной гармонии в ходе изучения другой национальной литературы, в целом, показывает подъем художественной литературы с национального уровня на мировую высоту. Среди опубликованных в эти годы фундаментальных научных трудов в полной мере можно назвать основательные монографические исследования Сагындыковой Н., Мадановой М., Алтынбаевой С., Тусуповой А., Есембекова Т., Алпысбаева К., Исмаиловой Ф.

Академик Нурғали Р. в своем монографическом исследовании («Телағыс») «Равные течения» заключает: «Большой талант, будь то деятель, или художник, или заслуженный человек, относящийся к одной нации, не должен оставаться в пределах одной страны, так как при всем различии языка, религии, веры, людям присущи общие чувства, стремление к прекрасному, мечты» [2].

Вот, как видно из высказывания ученого, хотя название науки «сравнительного литературоведения» и не заявляет о себе так громко, при раскрытии свойственных человеку общих «чувств, стремления к прекрасному, мечты» особую роль играет наука сравнительного литературоведения. Таким образом, академик Нурғали Р. считает, что наука сравнительного литературоведения обогащает науку казахского литературоведения существенными заключениями, пополняет неизведанным теоретическим кругозором, даже поднимает само литературное творчество к нетронутым новым высотам, к неизведанным горизонтам.

Нурғали Р. в одном из направлений исследования творчества Ауэзова М. сравнивает известный рассказ писателя «Серый лютый» («Көксек») с рассказом «Лобо» Эрнеста Сетон-Томпсона, романом «Белый клык» («Ақазу») Джека Лондона. Он всесторонне анализирует и подробно раскрывает тематическую схожесть, концептуальную созвучность, идейное сходство рассказа казахского писателя с вышеназванными произведениями. Обращая внимание на такие сходства и соответствия, можно гордиться тем, что «Серый лютый», выйдя за рамки одной литературы, стал шедевром одной эпохи, тем самым примкнув к ряду мировых жемчужин, однако, стоит заметить, что совершенно не нужно понимать это как «общее сходство, возникшее из свойства, объективной особенности явления, а не как готовый сюжет, неизменный шаблон, легко скопированный одним писателем у другого, воспользовавшись правом собственного выбора» [2].

Основываясь на таких конкретных доказательствах и научных мнениях, мы убедились в том, что сравнительное исследование весьма важно для родной литературы. Актуальной проблемой сегодняшнего дня является сравнительное сопоставительное изучение национальной литературы с целью поднять ее на мировой уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В.М. Литературные течения как явление международное. XX в. / В.М. Жирмунский. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 280 с.
2. Нұрғали, Р. Арқау. II том. / Р. Нұрғали. – Алматы: Жазушы, 1991. – 576 б.
3. Нұрғали, Р. Телағыс. Әдеби дәстүр мен әдеби даму. Монография / Р. Нұрғали. – А., Жазушы, 1986. – 440 б.
4. Сәтбаева, Ш.Қ. және салыстырмалы әдебиеттану ғылымы / Ш.Қ. Сәтбаева // ҚР ҰҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы. – Алматы, 2003. № 2. – Б. 22-25.

Материал поступил в редакцию 22.01.19.

LITERARY RELATIONS AND COMPARATIVE LITERARY STUDIES

A.K. Seyputanova¹, A.M. Kartayeva²

¹ Candidate of Philology, ² Doctor of Philology

S. Amanzholov East-Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk), Kazakhstan

Abstract. *The article deals with the issues of literary relations and comparative literary studies. One of the aspects of the study of literature, the comparative historical study is analyzed in science terms. And also the importance of literary relations in the development of national literature is discussed.*

Keywords: *literary studies, comparative historical method, literary relations, art, literature, parallel research.*

УДК 81-25

СЕМАНТИЧЕСКИЙ МИКРОКЛАСС «ПЬЯНСТВО» В РАЗГОВОРНОЙ И ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

А.Н. Юрьев, старший преподаватель

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы), Казахстан

Аннотация. Семантический класс «Человек» содержит в себе положительную и отрицательную характеристику человека. В данной статье мы рассмотрим семантический микрокласс «Пьянство», который отличается тем, что с одной стороны, проходит лексикографический анализ слов по толковым словарям XIX – XX вв., а с другой стороны, приведены пояснения поведения человека из церковной литературы.

Ключевые слова: заповедь, бес, грех, гнев, блуд, семантическое поле, пьянство, сквернословие.

Одним из самых популярных сегодня продуктов является алкоголь. Спиртные напитки всех видов и марок пользуются спросом у подавляющего большинства современных людей, и каждый, так или иначе, потребляет алкоголь. Различны лишь виды употребляемых напитков, поводы их распития и регулярность потребления.

Алкоголизм – заболевание, возникающее при систематическом злоупотреблении алкоголем, характеризуется психической зависимостью в опьянении, соматическими и неврологическими нарушениями, деградацией личности. Заболевание может прогрессировать и при воздержании от спиртного [1].

Как видим из приведенной цитаты, алкоголизм пагубно действует на «физическую и психическую природу человека». В Толковом словаре В.И. Даля (далее по тексту СД) также приводится статья, связанная с общим понятием – *опьянеть*: «стать пьяным, охмелеть, одуреть от пьяного напитка» [3].

В семантический микрокласс «Пьянство» вошли три семантических поля: 1) «Употребление спиртных напитков» (*выпивать, глушить, зашибать, набраться, накачаться, наклюкаться, нализаться, напиться, нахлестаться, окосеть, перепить, перепиться, подпоить, пропустить, тянуть*), 2) «Поведение пьяного человека» (*бузить, бушевать, дебоширить, скандалить*) и 3) «Состояние человека после приема алкогольных напитков» (*допиться, накачаться, разобрать*). Однако с микроклассом «Пьянство» связаны и другие семантические поля и микроклассы.

Семантическое поле «Употребление спиртных напитков» констатирует тот факт, как русский народ пьет – *Сапожник настукался; портной настегался; музыкант наканифолился; немец насвистался; лакей налился; барин налимонился; солдат употребил; Сапожник накуликался; портной наутюжился; купчик начокался; приказный нахлестался; чиновник нахрюкался; служивый подгулял* и это подтверждается разговорными и просторечными глаголами русского языка (*выпивать, глушить, зашибать, набраться, накачаться, наклюкаться, нализаться, напиться, нахлестаться, окосеть, перепить, перепиться, подпоить, пропустить, тянуть*). В языке существует множество примеров, которые показывают «любовь» к данному напитку: *Пью за здоровье Мэри* (Пушкин); *Мы пируем пир веселый и за родину мы пьем* (Языков); *Баба пьяна – вся чужа; Только бы пить, да гулять, да дела не знать; Напьемся – подеремся, проспимся – помиримся; Вино веселит, да от вина же и голова болит* и многие другие.

Таким образом, семантическое поле «Употребление спиртных напитков» показывает нам, что человек может пить в любое время суток и по любому поводу.

Однако следующие две группы «Состояние человека после приема напитков» и «Поведение пьяного человека» имеют выход в другие семантические классы, как «Болезнь человека», «Гнев», «Любовь».

Русская Православная Церковь отрицательно относится к чрезмерному употреблению спиртных напитков. Так Святой Димитрий Ростовский в своем «Слове о пьянстве» говорит: *«Не винно вино, но проклято пьянство»* (Прит. XX. 1), *от которого сколь великий вред бывает, об этом нет нужды говорить... Мы же, если пожелаем подробно рассмотреть силу пьянства и если пьянство назовем виноградом, то найдем родящиеся от пьянства гроздья нравов, приносящих человеку не пользу, но вред и печаль, и найдем не три, но больше, а именно – десять... Поистине, пьянство есть содомоморрский виноград и не иные гроздья, как только гроздья желчи, горести, исполненные змеиного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо каков сад, таковы и плоды бывают!* (Лук. VI. 45)» [7].

В данной статье мы остановимся на нескольких гроздьях винограда, которые показывают человека с отрицательной стороны и подтверждают, что принятие алкогольного напитка ведет к нарушению заповедей Божьих.

Семантическое поле «Состояние человека после приема напитков» имеет выход в семантический класс «Болезнь человека», так как основным значением глаголов является состояние сильного опьянения: *допиться* – «неумеренным пьянством довести себя до тяжелого состояния». *Допился до чертиков, до белой или пер(за)пойной горячки. Попей, попей – увидишь чертей!; накачать* – «напоить, довести до состояния полного опьянения». *Человека накачали и забыли* (Некрасов); *разобрать* – «о состоянии сильного опьянения». *Не один*

приказчик пил вино. Понемногу оно разобрало всех (Тургенев), что и подтверждается следующим высказыванием: «Первая гроздь желчного пьянственного винограда заключается в помрачении ума, изменения разума и погубления памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает часто то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как безумные; если же с ними приключится какое-нибудь бедствие или несчастье, или раны, то они наутро не помнят. На таковых исполняются слова, написанные в Притчах: “Биша мя, и не поболех, и поругаша меня, аз же не разумех” (Прит. XXIII. 35)» [7].

Семантическое поле «Поведение пьяного человека» взаимосвязано с семантическим микроклассом «Гнев», так как в нем выделяется семантическое поле «Сквернословие». Сюда входят слова с общей семантикой – ругаться, браниться.

Вторая гроздь содомогоморского винограда включает в себя «бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные, хульные, бесстыдные, нелепые, скаредные и недостойные целомудренного слуха, и бывают его уста как бы некоей пустой хлевинкой, исполненной смрадного гноя, а язык уподобляется лопате, которой выкидывается гной. «Человек злой от злого сокровища сердца своего износит злое, от избытка бо сердца глаголет уста его» (Лук. VI. 45)» [7].

В микрополе «Воздействие на объект» нас интересует только один глагол – *напуститься*.

Глагол *напуститься* показывает состояние человека, который пьет. Если посмотреть на значение этого слова, то мы увидим следующее – «накинуться с бранью, с упреками». Он *напустился на меня, как бешеный*. Если обратимся к слову «бешеный», то в примерах к нему найдем: *Пьяный, что бешеный*.

В семантическое поле «Ругаться» вошло 26 глаголов, но мы рассмотрим только некоторые из них: *бесить, сатанеть, бушевать, буянить, чертыхаться*.

Глаголы *бесить* и *сатанеть*. **Бес** и **сатана** – Человѣкъ мстительный и злобный, или же хитрый, лукавый, ловкий, изворотливый → 1. **Беситься** – гнѣваться, сердиться, лютѣть, выходить изъ себя, неистовствовать; шалить, дурить, рѣзвиться безъ мѣры. || Сходить съ ума. В СОШ-3 [9] это слово имеет следующее значение – *Быть, находиться в крайнем раздражении*. 2. **Сатанеть** – становиться сатаной (см. бѣсъ) или **Сатанить** – Бѣсноваться, или вдаваться въ сатанинскія дѣла; а в СОШ-3 – Становиться яростно-злым.

Из вышесказанного можно с уверенностью говорить, что эти глаголы в своей семантике имеют общий смысл – неистовствовать, то есть вести себя буйно по отношению к другим людям.

Глаголы *бушевать* и *буянить* несут в своей семантике: *Буйствовать, скандалить*. Обратимся к толковому словарю и посмотрим, что же это такое. Буйство – *буйное поведение, драка, бесчинство* → бесчинство – *грубое нарушение порядка, скандальное поведение*. В подтверждение этого можно привести примеры к данным словам из Словаря В.И. Даля: *Напьется – буянит; проспится – на полати прет. Опять забуянил. Набуянились вдоволь, и кабак разбили*. Таким образом, глаголы *бушевать* и *буянить* относятся к семантическому полю «Сквернословие» и семантическому микроклассу «Пьянство», так как человек в нетрезвом состоянии всегда ругается.

И, наконец, последним глаголом нашего семантического поля выступает слово *чертыхаться*. По всем трем толковым словарям данное слово выступает в одном значении «ругаться, поминая черта». Если внимательно приглядеться к данному семантическому полю, то можно увидеть следующее: первый глагол *беситься* и последний глагол *чертыхаться* отражают одно мифическое или религиозное существо, которое имеет множество синонимов, но обозначает одно и то же – *бес*. Кроме этого, слова, имеющие общее значение «ругаться», по Словарю В.И. Даля объединены общей семьей – «ругнуть, ругивать, бранить, поносить, обзывать бранными словами, бесчестить на словах; журить, счувать. Ругать пошлее и грубее чем бранить», что в свою очередь подразумевает употребление матерных слов.

Пятая же гроздь винограда несет в себе следующее значение: «исполненная змеиного и аспидного яда, есть ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития. Пророк Осия говорит: “Начаша князи яритися от вина, не токмо же князи, но и простолюдины, исполнившиеся вина, возстают друг на друга яростию” (Осии VII. 5). Посему-то и Приточник выражает порицание: “Кому лютее? Кому молва? Кому суды. Кому туга и понос? Кому сокрушение вотще? Кому сини очи? Не пребывающем ли в вине и не надзирающим ли, где когда пирове бывают?” (Притч. XXIII. 29, 30). И Сирах увещевает: “В вине не мужайся, многих бо погуби вино: нещъ искушает железо, вином же искушается сердце в сware гордых” (Сирах. XXXI. 29,30). И еще тот же говорит: “Горестъ душам вино много пиваемо, с гневом и клеветою умножит ярость безумного” (Сирах. XXXI. 34,35)» [7].

В подтверждении этого можно привести ряд глаголов, которые в своей семантике несут общий смысл – устраивать скандалы и безобразничать: *бузить, дебоширить, скандалить*. Данные глаголы относятся к этому семантическому полю по одной причине, что человек в нетрезвом состоянии ищет виновного во всем, а если находит, то начинает ругаться. Тем более глаголы: *бузить* – «устраивать шум, скандал, беспорядок»; *дебоширить* – «устраивать скандал с шумом и дракой»; *скандалить* – «устраивать скандалы, безобразничать» являются синонимами. К слову *дебош* в дан пример – *Пьяные устроили дебош на улице*.

В работе «Грех» Н.О. Козиной говорится, что «Грех является одним из наиболее значимых для русского сознания концептов духовной культуры, в котором нашли отражение мировидение русского народа, его психология, этические и моральные принципы, религиозные и мирские знания.

Общеславянский корень *грех*, изначально выражал общую идею несоответствия норме («против правил», «обратно принятому»). В ходе семантических процессов корень *грех* в разных славянских языках, в том числе и русском, стал образовывать собственные дериваты, регулярно выражающие оценку действия с точки зрения его правильности или неправильности: *грешишь* «*делать неверно*». В то же время дериваты корня *грех* явились наиболее употребительными в области религиозно-этических оценок и означали «неправильно» в религиозном аспекте. В соответствии с религиозными языческими представлениями грехом считалось бить землю, плевать в огонь и сквернословить над ним, надругаться над идолами и проч.» [4, с. 293-294].

Потеря нравственности выражается, прежде всего, в потере стыда. В ряде научных исследований доказано, что спиртные напитки понижают силу и тонкость чувства стыдливости. Потеря стыда ведет к утрате совести, правдивости и искренности. Трезвому человеку с неутраченными нравственными установками совестно совершить правонарушение. Известно свойство вина заглушать голос совести, поэтому отдельные личности сознательно употребляют алкогольные напитки с этой целью. Всем хорошо известно, что безнравственные люди, ведущие аморальный образ жизни, склонны к пьянству [5].

Библейская энциклопедия так определяет *грех*: «Грѣхъ (преступленіе закона). Грѣхъ есть беззаконіе (І Іоан. – III, 4). Онъ перешелъ къ человѣку отъ діавола, прельстившаго Адама и Еву и склонившаго ихъ преступить заповѣдь Божию. Отъ грѣха Адамова произошли проклятіе и смерть» [2, с. 175]. В «Новом завете» дано подробное разъяснение относительно греха прелюбодеяния:

«²⁷ Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

²⁸ А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

²⁹ Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

³⁰ И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

³¹ Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

³² А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» [9].

Проанализируем более подробно слово *прелюбодействовать*. В Словаре В.И. Даля (далее СД) дается следующее значение: «**Прелюбодействовать** – грешить против седьмой заповеди, или прелюбы творити. **Прелюбодеяние, прелюбодейство** – грех сей на деле. **Прелюбодей, -деец, -дейка, -денца** – виновный в сем. **Прелюбодейчищ** м. церк. – незаконное, безбрачное дитя». В свою очередь в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова (далее ТСУ) [8] дано следующее значение: «**Прелюбодействовать** -ствую, -ствуешь, несов. (церк.-книжн. устар.). Быть прелюбодеем, совершать прелюбодеяние. **Прелюбодеяние**, я, ср. (церк.-книжн. устар.). Нарушение супружеской верности мужем или женой».

Хоть на первый взгляд и кажется, что прелюбодеяние хуже, чем употребление спиртных напитков, но в некоторых случаях может быть и наоборот. В хадисах говорится: «*Все зло закрыто в одном месте. Ключом к этому является вино, а замком – прелюбодеяние*» [6].

Функционирование слова «прелюбодеяние» и его дериватов ограничивалось книжной и богослужебной сферами, однако в языке в обиходно-бытовом употреблении возникли многочисленные разговорные и просторечные вербализаторы концепта «прелюбодеяние». В рамках нашей статьи мы рассмотрим некоторые из них: *блудливый, греховодник, развратник, развратничать*, объединяемые интегральной семой «грех».

Рассмотрим их лексикографическую интерпретацию по СД, ТСУ и СОШ-3, хронологически представляющих соответственно: вторую половину XIX в., первую половину XX в. и XX – начало XXI вв. Однако мы коснемся некоторых из них, которые в себе несут оттенок пьянства.

Первым словом является *блудливый*, которое в СД выходит к первому элементу – блуд (*церковный или книжный: относясь собственно к незаконному, безбрачному сожитию, к любодейству; посему слова этого лучше в общежитии избегать. Блудодей и другие сложные слова этого рода понятны без объяснений и непристойны*). В ТСУ это слово не имеет помет и выступает как нейтральное и просто характеризует человека как *распутного, похотливого. Блудлив как кот, труслив как заяц*. (Поговорка); в СОШ-3 данное слово так же имеет экспрессивную окраску, которая передает отрицательную характеристику человеку: *распутный, похотливый* и выступает с пометой «разговорное». Глагол *блудить* проходит по двум словарям XX века, но только в одном имеет помету «прост.»: ТСУ – *вести распутную половую жизнь*; СОШ-3 – *вести распутный образ жизни* (прост.). Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает уточнение к пояснению этого слова – *распутную половую жизнь*, в отличие от СОШ-3, где указано – *распутный образ жизни*.

Следующим словом нашего анализа является слово *греховодник*. Значение этого слова особо интересно тем, что в словарях по-разному лексикографируется его связь с концептом «прелюбодеяние». В СД эта связь явно выражена (*поступок, противный закону Божию; вина перед Господом*). Так же в данной словарной статье дается толкование глаголам **Греховодить** или **греховодничать** – *соблазнять, совращать, вводить других в грех*.

Слово *развратник* в СД сопровождается синонимом *распутник* и имеет значение *непотребный человек*. Это значение детализируется словом *распутность* – *развращенье, распущенность нравов, распутная жизнь*,

быт, непотребство. В ТСУ и СОШ-3 данные слова выступают в одинаковых значениях, за исключением перемены мест слов в самих значениях: ТСУ – *Человек, склонный к половому разврату, занимающийся развратом*, а в СОШ-3 – *(разг.). Человек, предающийся половой распущенности*. Однако в данном значении слова в СД есть переход к следующему интересующему нас слову *развратничать*. Если основное значение этого слова «развратить кого, совращать с пути истины; исказить умственно, лжеучением, или нравственно, склоняя на распутство, на дурную и преступную жизнь» включает в себя все виды греха, то слова из гнезда *распутство* – *распутничать, распутствовать* (быть распутным, жить в распутстве, развратничать) подтверждает половую распущенность человека. В ТСУ и СОШ-3 глагол *развратничать* выступает с пометой «разговорное» и имеет значение: «заниматься половым развратом, быть развратником». *Дворянство пьянствует на белом свете, ... развратничает с горничными, ведет дурно свои дела и еще хуже семейную жизнь* (Герцен).

Таким образом, представленный семантический микрокласс «Любовь» показывает, что чрезмерное употребление вина приводит к нарушению седьмой заповеди, запрещающей любодеяния и преступную плотскую любовь, что и подтверждается следующим высказыванием Святого Димитрия Ростовского: «*Четвертая гроздь пьянственного содомоморрского винограда есть распаление похоти на плотское смешение. Посему-то апостол и увещивает: «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд» (Ефес. V. 18), а святой Василий Великий говорит: «Несомненно от вина, как от некоего источника, протекает безудержная похоть, которая много превосходит даже неистовство всех бессловесных по отношению к женскому полу; ибо бессловесные животные не переходят границ естественного, а упивающиеся вином в мужчинах ищут женского пола и в женщинах – мужского пола»* [7].

Таким образом, у человека нет врожденного влечения к алкогольным напиткам. Причина тяги людей к алкоголю заключается в его наркотическом действии. В состоянии опьянения у индивидуума, как правило, появляются иллюзии легкого преодоления трудностей, житейских невзгод. Поэтому алкоголю легко подчиняются, прежде всего, слабые и безвольные люди. Главное психотропное действие алкоголя состоит в том, что он вызывает ложно-повышенное настроение. В состоянии опьянения человеку становится все нипочем, он весел и беззаботен. Алкогольные «радости» кратковременны, они создают у пьющего иллюзии, которые очень скоро рассеиваются, оставляя неприятные ощущения, а иногда и тяжелую болезнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алкоголизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://medside.ru/alkogolizm> (дата обращения 06.01.2019).
2. Библийская энциклопедия. – М.: NB-pres; Центурион; АПС. В 2 книгах. Т. 1. А – Н. 1991. – 494 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: РМГ Мультимедиа, 2003 (1 CD) – (СД).
4. Козина, Н.О. Грех // Антология концептов / Н.О. Козина/ Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
5. Механизм воздействия алкоголя на поведение человека [Электронный ресурс]. – URL: http://alkogolunet.ru/blog/mekhanizm_vozdejstviya_alkogolja_na_povedenie_cheloveka/2012-11-28-563 (дата обращения 06.01.2019).
6. Правда ли, что употребление спиртного хуже, чем прелюбодеяние? [Электронный ресурс]. – URL: <https://islam-today.ru/veroucenie/vopros-otvet/pravda-li-cto-upotreblenie-spirtnogo-huze-chem-prelubodeanie/> (дата обращения 06.01.2019)
7. Святой Димитрий Ростовский. Слово о пьянстве / Библиотека православной литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://libholy.narod.ru/dimrost.htm> (дата обращения 06.01.2019).
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., Издательство ООО «РМГ Мультимедиа», 2003. 1 CD – (ТСУ).
9. Электронная версия «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия». – М.: Большая Российская энциклопедия, с изменениями и дополнениями, 2003 10 CD. (БЭКиМ) – (СОШ-3).

Материал поступил в редакцию 23.01.19.

SEMANTIC MICRO-CLASS ALCOHOL ABUSE IN RUSSIAN CONVERSATION AND COLLOQUIAL VOCABULARY

A.N. Yuryev, Senior Lecturer

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty), Kazakhstan

Abstract. The semantic micro-class "person" contains the positive and negative characteristics of a person. In this article, we consider the semantic micro-class "Alcohol abuse", which differs in that, on the one hand, there is a lexicographic analysis of words in thesaurus of the XIX-XX centuries, and on the other hand, there are explanations of a person's behavior taken from the ecclesiastical literature.

Keywords: commandment, evil spirit, sin, anger, lechery, semantic field, alcohol abuse, filthy communication.

Jurisprudence
Юридические науки

UDC 34

**SYSTEM OF NOTIFYING FAMILY MEMBERS AFTER PRETRIAL
DETENTION IN CHINESE CRIMINAL PROCEEDINGS**

Yu Zengzun, Lecturer

Law School, Research Direction: Criminal Procedure Law, Judicial System
Tianjin Normal University, China

Abstract. As human beings have the nature of caring for family members, protecting the interests of detainees and maintaining the stability of social order, China's Criminal Procedure Law established the system of notifying families of relevant information after pretrial detention. However, the system still has many unreasonable, unclear and incomplete aspects at the rule level after modification, which should be further perfected through hermeneutics.

Keywords: Chinese criminal proceedings; pretrial detention; notifying family members.

Family, as the main unit of the society, is a foundation for the survival of individuals. To respect and protect family relations and facilitate the exercise of other criminal rights of criminal suspects, China's *Criminal Procedure Law* established a system of notifying family members after pretrial detention. Articles 73, 83 and 91 of *Criminal Procedure Law* stipulate that the families of detainees, arrestees and residents under surveillance of the detention, arrest or residence surveillance within 24 hours except for statutory circumstances. *Regulations* of the Ministry of Public Security and *Rules* of Supreme People's Procuratorate have further refined and improved the system. Generally speaking, the interpretative provisions have certain promotion effects on filling the gaps in the system and enhancing the operability of the legislation. However, there are still some deficiencies and ambiguity in the legislation for further modification.

I. Objects of notification

The object of notification after the pretrial detention has been changed and adjusted with a times brand. *Regulations of the People's Republic of China on Arrest and Detention* promulgated in 1954 limited the notification objects to the families of arrestees. On the basis of *Criminal Procedure Law* of 1979, the objects of notification were extended to the units of the suspects, which was consistent with the background of the times. Under the planned economic system, "units are the central system that controls and regulates the operation of the entire society". "By strictly controlling and distributing social resources, monopolizing the development opportunities of unit members and necessary resources for their social, political, economic and cultural life, units have formed a dominant relationship with the members, and effectively controlled the entire social life"¹ Moreover, the security function of the family has been even replaced. Under the conditions of this era, guarantee the right of the unit to know the custody of its personnel in a timely manner is not only the need to protect the normal operation of the unit and the society, but also an important prerequisite for the suspect to obtain help.

With the deepening of reform and opening up and the gradual formation of the market economic system, the traditional "independent kingdom-style" unit organization has gradually disintegrated and disappeared. The control and support capabilities of units in household registration, personnel, and welfare have declined, and can no longer be responsible for the lives of its members. The unit was not notified of taking criminal enforcement measures against individuals, which neither influenced the right of hiring a lawyer or obtaining a defense nor broke management order or management function of the unit. Therefore, at the request of the times, *Criminal Procedure Law* removed the provision of notifying the unit after the detention, and only the families would be notified. However, the relevant explanation should clarify the meaning and scope of "families".

First of all, "family" is not a legal term but a sociological concept. *Modern Chinese Dictionary* defines "family" as "the members other than the head of a household of a family, or the family members other than the person himself".² Who can be defined as the "family" of the criminal suspect, that is, "family members other than the person himself" has not been stipulated in law, which can only be judged by the case-handling personnel. Second, "family" generally refer to family members who live together. The range was relatively wide in traditional society. However, with the social development and population movement, the traditional concept of "family" has changed, and the situation of several generations living together has become less and less, thereby narrowing the scope of notification objects. In contrast, "direct relative" belongs to a statutory concept determined by *Criminal Procedure Law*, which greatly reduces the space for the investigation authority to abuse the discretionary power and fail to fulfill the notification obligation. As *Criminal Procedure Law* cannot be amended immediately, it is recommended to narrow the concept of "family" in the interpretation and limit it to "direct relatives" of the suspect.

II. Contents of notification

There are differences in what notification of family members after pretrial detention belongs to in legislation and interpretation. The same interpretation has different provisions for detention, arrest, and residential surveillance. *Criminal Procedure Law* only requires the case-handling agency to notify the family members after performing detention, arrest, and residential surveillance, but not mentioning the contents of notification. Literally, the content of notification only includes the fact that mandatory measures are taken, while not including the reasons for detention and arrests or the residence under surveillance.³ According to the drafters, such legislation is resulted from the vast contents of notification in complicated cases. Moreover, it is impossible to make provision about different cases in the law. In practice, the judicial organ shall notify the actual situation of each case in accordance with this provision.

The explanations about the contents of notification are not consistent. Articles 123 and 141 of *Regulations* stipulate that the notice of detention and the notice of arrest shall state the reasons for detention or arrest and the residence under surveillance. In the case of a designated residence, Article 109 only stipulates that a surveillance residence notice should be made to notify the family of the monitored resident. The provisions of *Rules* are more complicated. Article 114 stipulates that the procuratorate shall notify the family of the monitored resident of the reasons for the surveillance within 24 hours after the execution of residence surveillance. Article 336 stipulates that, except for those who cannot be notified, the investigating department of the procuratorate at a lower level shall notify the family members of the arrestee of the reason for arrest and the residence under surveillance within 24 hours. The provisions of the notification after detention are consistent in *Rules* and *Criminal Procedure Law*, but do not cover the specific contents of notification.

The contents of notification after detention in the judicial interpretation do not violate the principle of legality, but the need to refine the legal norms and improve the operability of the law. However, according to the purpose interpretation, the judicial interpretation seems to be inadequate, and cannot implement the value expectation of preventing family members from being panicked by the detention of the criminal suspect, or allowing the family members to hire lawyers, provide other assistance or effectively exercise various lawsuit rights. First of all, only by understanding the reasons for the detention of the suspect can the family members hire professional lawyers in a targeted manner, thereby improving the quality of criminal defense. Secondly, *Criminal Procedure Law* stipulates that a criminal suspect may appoint a defender from the date of taking enforcement measures, and the defense lawyer may meet and communicate with the criminal suspect in custody. Article 28 of *Regulations of the Detention Center* stipulates that the criminal in custody may communicate and meet with direct relatives with the consent of the case-handling authority and the approval of the public security organ. Obviously, the premise of the right to meet and the right of correspondence is that family members and defense lawyers know where the suspect is being held.

It is necessary to discuss whether the family members should be notified of the residence under surveillance. There is a view that notifying family members of the residence under surveillance may raise security issues, especially in against national security crimes and terrorist activities. "The notification of the residence under surveillance may lead to attacks or jail delivery by terrorists."⁴ Different from the detention center, the residence under surveillance has a low alert level, and the ability to prevent external interference is limited. If the residence under surveillance is notified to the family, it is not conducive to the safety and confidentiality of the residence."⁵ Such worry is reasonable and comprehensible. Choosing a safer designated residence in cases of endangering national security and terrorist activities is an effective response strategy. In contrast, if the designated residence is not notified for security, serious flaws of justice exist. If the place of detention in compulsory measures (detention and arrest) can be notified, the designated residence under surveillance, which is actually a quasi-custodial measure, is not notified, which violates the principle of proportionality of legal construction. Moreover, the reaction of the public to "secret arrest" in *Amendment (Draft)* has shown that such a scheme of not notifying the detention place cannot obtain social identity and may affect the authority of the law. Therefore, to protect the family's right to know and the criminal suspect's right to defend, both *Regulations* and *Rules* should stipulate that the reasons for detention and the residence under surveillance should be notified to the families within 24 hours after detention, arrest and designated residence surveillance.

Some scholars pointed out that the notification of the family members of 秘密拘留人 is limited to "the reason for detention" and "the detention place" is not thorough-going, and can hardly meet the expectation to know the fact of the family members. It is necessary to appropriately expand the contents of notification to show the care for human nature. Based on China's criminal litigation legislation and judicial practice, it is suggested that the information about the health status and the change of the detention place should be added to the contents of notification to families in relevant explanations. The former is based on the primary institutional purpose of avoid worry and fear of family members of the suspects, while the latter reflects the meaning of notifying the detention place.

III. Ways of notification

After the compulsory coercive measures are taken, *Criminal Procedure Law* does not stipulate the ways of notification of the suspect's family. According to the empirical investigation, the investigation agency mainly notifies the family members by mailing *Detention (Arrest) Notice* or letting the family members sign. Telephone notification is seldom adopted. Moreover, family members need to sign even if telephone notification is adopted.

Notifying family members through registered has the convenience of the after-the-fact proof, but its drawbacks are obvious. First of all, the timeliness is poor, which affects the function of the system. Neither *Criminal Procedure Law* nor the legal interpretation stipulates the notification of family members within 24 hours refer to notice issuance or notice delivery. Considering the differences in work, life, and economic and social conditions of the family members of suspects in different cases, it is impractical to know the facts of detention, arrest, and designated residences within 24 hours. Therefore, the notice period here should refer to notice insurance. It is legal for the case-handling agency to mail

a registered letter within 24 hours after taking enforcement measures. However, mailing has the problem of delay, and it often takes several days from mailing to signing. The intention of notifying family members is to let them know the whereabouts of their loved ones as soon as possible and to hire defense lawyers in time. The delay caused by the mailing of notices has greatly weakened the functions of the system. Second, forging the notice is possible. The most important reason why the substantive department favors mailing notice is its strong proof function. As an instrument issued by the “national” unit, the mail receipt can be used as a valid certificate to prove that the case handling agency fulfills the notification obligation according to law. However, the case-handling agency may collude with the postal system to falsify the “notice” in practice. Some scholars found that the investigators of some public security organs had implemented “secret detention” in violation of the law, but they should have implemented “public detention”. In order to cope with the law enforcement inspections of higher-level public security organs, the postal enterprises would issue false “mail receipt”. In this case, mailing has become a means to prevent family members from knowing the whereabouts of criminal suspects, thereby decreasing the effectiveness and legitimacy of notice.

Based on the fact that the family members of the suspects can know the facts of detention as soon as possible so as to avoid the fear of missing relatives and hire lawyers as soon as possible, the existing notification methods should be reformed, and the handling organs should be required to use instant messaging such as telephone, email or WeChat to fulfill the notification obligation. In view of the concern that “the telephone notification can hardly prove whether the notification and the time of the notification can be recorded in a written form”, the notification behavior can be fixed through audio, video recording, screenshots, etc. In the meanwhile, the criminal suspect can be required to sign the notification.

IV. Situations without notification

In *Criminal Procedure Law* 1996, after detention or arrest, the situations that hinder investigation and cannot be notified constitute a statutory exception to inform the family members or units of detainees and arrestees. Some scholars hold that such regulations are too general and simplistic. First, the extension of the two exceptions that hinder investigation and cannot be notified is not clear enough, which can only be determined through the discretion of the case-handling authority in judicial practice. Second, there are exactly the same provisions for the issue of compulsory measures to notify family members of the two severity levels of arrest, and serious violations of the principle of proportionality and necessity.⁶ The revision of *Criminal Procedure Law* and the relevant interpretations have improved the stipulations for the two situations. First of all, the provision that arrest and designated residence surveillance can be notified to family members because “hindrance to investigation” is deleted. Second, the relevant explanations define the situations of “hindrance to investigation” and “cannot notify”.

(1) Identification of hindrance to investigation

In the process of soliciting opinions on *Amendment (Draft) of Criminal Procedure Law 2012*, some departments propose that the provisions that the rule of not notifying family members in the case of hindrance to investigation is likely to be abused and become an excuse for the investigation organs not to notify the families. It is suggested to stipulate notifying family members, deleting the exclusion rule without notice, or deleting the situation of hindrance to investigation.⁷ This view is debatable. The establishment of the legal system should be consistent with the rule of law. *Criminal Procedure Law* has incorporated the content of “respecting and protecting human rights”. The establishment and adjustment of many systems reflect the spirit of promoting procedural fairness and pursuing human rights protection. However, it is undeniable that authoritarianism is still the basic feature of criminal proceedings in China. The goal of combating crime has always been an important litigation task. The function of notifying the family system after detention aims to protect the family's right to know and the criminal prosecutor's right to defend. In some serious cases, the values of right protection and combating crimes need to be weighed. From a global perspective, it is not unique to China to limit the right of family members to know in a timely manner based on the purpose of safeguarding the investigation effects. Article 9 of Chapter 24 of *Swedish Litigation Code* states, “When a person is detained or arrested, or when an arrest warrant under paragraph 1 of Article 8 is enforced, he shall be informed of the alleged crime and the grounds for the arrest. In the case of hindrance to investigation, the arrest should be notified to the immediate family members”.⁸ Of course, acknowledging the legitimacy of not notifying family members based on the purpose of investigation does not negate the necessity of refining and detailing “hindrance to investigations”. Vague legal norms manifest the imperfection of legislation. Even tiny legislative loopholes may become “black holes” of law enforcement.

The explanatory documents of the Ministry of Public Security mention the issue. *Provisions* promulgated in 1998 removed the concerns of the group crimes without changing the legislation, and adjusted the cases of hindrance to investigation to: “(1) The criminal suspect in the same case may escape, conceal, destroy or forge evidence; (2) conceal the real name and address; (3) other cases of hindrance to investigation or failure to notify.” According to Paragraph 3 of Article 123 of the revised *Provisions* promulgated in 2012, the following cases belong to “hindrance to investigation”: (1) Evidence may be destroyed or falsified, witnesses' testimony may be interfere or cross-confidence; (2) accomplices evade or hinder investigation; and (3) the family members of the criminal suspect are involved in the crime. First, the situation of “not telling the real name, address, and unidentified status” was cancelled, and included in the case of “cannot notify”. Second, more importantly, the save clause of “other hindrance to investigation” is deleted, which is conducive to reducing abuse in practice.

This revision of *Regulations* is conducive to further narrowing the space abused on the grounds of “hindrance to investigations”. However, some scholars worry that the so-called regulations may destroy evidence, interfere witness testimony, and cause accomplices to abscond are still unavoidable. The doubt of vague and flexible expression cannot be avoided. The author believes that the inherent tension between the refinement of legislative language and the complexity

of investigation practice determines that it is difficult to define the situation of “hindrance to investigation” with several legal norms, and block all discretionary space. In this case, a breakthrough should be sought from the decision-making body and the approval mechanism. The current legislation does not stipulate the judgment subject of whether the notice is “hindrance to investigation”. With regard to the system of criminal prosecution and compulsory measures in China, the case-handling organ should be responsible for crimes against national security crimes and terrorist activities. In order to prevent from the expanded explanation of the “hindrance to investigation”, the detention is alienated as “disappeared”.⁹ It is suggested that notification of family members should be judged the procuratorial organ. If the public security organ believes that notifying family members immediately after the detention will affect the investigation activities, they should apply to the investigation and supervision department at the same level for review. First of all, this is the need of power constraints and the effectiveness of the notification system. Different from the extra-territorial countries, China’s compulsory measures have not established a judicial review system. The process of deciding and implementing compulsory measures by investigative organs and departments are not standardized. Therefore, most scholars advocate adjusting the main body of the decision on pending custody. A more feasible solution is to adopt the “dual system review mode combining the judicial review of the court with the dual-review mechanism of the procuratorate”. Based on the this dual-review mechanism, the review authority of not notifying family members for hindrance to investigation should be delivered to the procuratorial organs so as to ensure the neutrality of the review activities and ensure the effective implementation of the notification system. Secondly, the procuratorate will not bear heavy workload. Although the drafters said “there are often different understandings of the situations belonging to hindrance to investigations, and some investigative agencies do not notify family members in the cases that have no special circumstances.” However, according to previous empirical research, there are few cases in which family members are not notified on the grounds of hindrance to investigation. Moreover, *Criminal Procedure Law* of 2012 limits the hindrance to investigation to the crimes against national security and terrorist activities. The two types of criminal cases occupy a small proportion, which means that undertaking such task will not impose a heavy burden on the investigation department of the procuratorate.

(2) The situation in which the family members cannot be notified

The *Criminal Procedure Law* stipulates that after detaining, arresting, or residence surveillance, if the family of the suspect is not notified, it constitutes a legitimate cause for derogating from the reporting authority. However, the expression “cannot notify” is principled with a large interpretation space. In a narrow sense, “the situation that cannot be notified” shall mean the case where all means of notification have been exhausted but the notification is still impossible. However, in terms of practical preferences, strict interpretation often gives way to the minimum standard.¹⁰ To this end, the relevant explanations refine the law and clarify the specific circumstances of “cannot notify”.

Article 2, Paragraph 109 of *Regulations* stipulates: the following situations belong to “cannot notify” as stipulated in this Article: (1) the real name, address, or identity is unknown; (2) without family members; (3) The contact information of the family members provided is unavailable; (4) Unable to notify family members due to force majeure such as natural disasters. Article 2, Paragraph 114 of *Rules* stipulates: the situations of “cannot notify” as follows: (1) the monitored resident has no family member; (2) cannot contact with his family; (3) subject to force majeure like natural disasters. Through further comparison, there is no substantial difference between the situations stipulated in *Regulations* and *Rules*, and the only difference is that the *Rules* contain the situation in which the real name, address, or identity is unknown, which is consistent to the characteristics of the cases investigated by the Procuratorial organ. Different from ordinary criminal cases of “seeking people for things”, the evidence of duty crime cases is often investigated and collected against specific criminal suspects. Therefore, there is no situation in which the family members of the suspects cannot be notified due to unknown identity. It should be noted that, for the criminal suspects and defendants whose identity and address are unknown, their identity should be first investigated, instead of not notifying their families on the grounds of “cannot notify”.¹¹

In the three situations of “cannot notify” jointly prescribed in the two interpretation documents, the situations of the monitored occupants have no family members and force majeure can be judged easily, and the provisions “cannot contact with families” are subject to broad interpretation. From the value trend of legislation, the notice of pre-trial detention should be regarded as a principle, and “cannot notify” should be limited to objective reasons. If the case-handling agency holds a negative attitude when contacting the family of the suspect, it seriously violates the original intention of the system. In order to limit the space for passive case handling, it is recommended to refer to the interpretation of the legal drafting authority to change the situation of “cannot contact with families” to “the identity, address and contact information is unknown or the contact information is unavailable”.

(3) Re-notification after the disappearance of the situation without notification

The exemption from the obligation of notifying the family is premised on “hindrance to investigation” and “cannot notify”. As the proceedings progress, the situation affecting the notification may disappear, leading to the possibility of re-notification. Article 83 of the *Criminal Procedure Law* stipulates that the family of the detainee shall be notified immediately after the situation of “hindrance to investigation” disappears. However, the treatment after the disappearance of the “cannot notify” situation in detention, arrest, and designated residence surveillance is not clear, and the relevant explanations fail to play their due function. In response to arrests and designated residence surveillance, both *Regulations* and *Rules* stipulate that the family members of the suspects should be notified immediately after the “cannot notify” situation disappears. As far as detention measures are concerned, the provisions of judicial interpretation are quite different from those of the *Criminal Procedure Law*. *Rules* stipulate the disappearance of the situation “cannot notify”, which is expanded to “the disappearance of “cannot notify” or “hindrance to investigation”.

The system of notifying family members after detention aims to ensure that the family members of the suspect can know their whereabouts and situation in a timely manner. If there is no legislative norm, it is appropriate and reasonable to follow the method of substantive interpretation and to require fulfilling the notification obligation after the disappearance of the "cannot notify" situation. In fact, such situation is unlikely to occur in practice. With the progress of the cases, the identity of the suspect may be unknown, and the force majeure leading to "cannot notify" may no longer exist. In this case, there is still the necessity of notifying the family. Accordingly, it should be clarified in the explanation that after the situations of "hindrance to investigation" and "cannot notify" disappear, the family members of the detainee, arrestee, and designated residents should be notified. In view of the uncertainty of the term "in time", the case-handling authority should fulfill the notification obligation within 12 hours after the disappearance of the causes of "cannot notify" or "unsuitable for notification".

Of course, the practical implementation of the regulation is inseparable from the timely and accurate judgment of the "disappearance" of "hindrance to notification. If it is handed over to the case-handling authority, there will be situations in which it is never appropriate or impossible to notify the family. Therefore, in accordance with the judgment of "not notification", the investigation and supervision department of the procuratorial organ should exercise this power. To be specific, the case handling agency regularly states that the situation in which the family members are not notified, and the investigation and monitoring department of the procuratorate examines whether the reasons are true and whether to resume the notification obligation. Regarding the time interval of the description activities, since "72 hours", namely, "three days and three nights" is the time when losing contact or leaving home is most likely to cause concern to family and friends in common sense¹², the time for the first notification of family members shall be declared as 72 hours after detention, arrest and designated residence surveillance, and the explanation and review shall be conducted every 72 hours thereafter.

Notes

¹ Qin Bo: "System of Units" in Social Transition-With Inevitability of Development of "Community System". Innovation, 2009 (10), p. 79.

² Modern Chinese Dictionary (Fifth Edition). The Commercial Press, 2005, p. 654.

³ Chen Guangzhong. Annotations and Comments on the Revised Articles of the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China. People's Court Press, 2012, p. 151.

⁴ Li Zhong and Liu Lang: "Analysis of Surveillance and Residence System - From the Perspective of the Draft Amendment to the Criminal Procedure Law of 2011", in Journal of Law, 2012, No. 1, p. 17.

⁵ Research Group of the People's Procuratorate of Nanchang City, Jiangxi Province. Study on Several Practical Issues Concerning the Surveillance of Designated Residences. People's Procuratorial Semimonthly, 2014 (18), p.17.

⁶ Chen Weidong. Analysis and Evaluation of People's Procuratorate Criminal Procedure Rules (Trial). China Democracy and Legal Publishing House, 2013, p.148.

⁷ Yang Weihuan, Chen Fei, Cui Qingxin: Exceptions to notify family members after strict arrest. Xinhua Daily Telegraph, December 27, 2011, 4th edition.

⁸ Swedish Litigation Code, translated by Liu Weijun, China Legal Publishing House, 2008, p. 86.

⁹ See Chen Guangzhong, Editor-in-Chief: Interpretation and Review of the Amendment to the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China, People's Court Press, 2012, p. 150.

¹⁰ Ling Qian: The Regulation of "Enforced Disappearance" - Seeing the New Criminal Procedure Law from an International Perspective, in the "Gansu Law News", November 2, 2012, 006th Edition.

¹¹ See the Criminal Law Office of the Legislative Affairs Commission of the Standing Committee of the National People's Congress: Decision on Amending the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China, Articles, Legislative Reasons and Related Provisions, Peking University Press, 2012, p. 100.

¹² Gao Yifei and Nie Zilong: "The Difficult Balance of Combating Crime and Protecting Human Rights--Discussing the Controversial Issues in the Investigation Procedures in the Amendment of the Criminal Procedure Law", in Hebei Law, No. 2, 2012, p. 50.

Материал поступил в редакцию 18.01.19.

СИСТЕМА УВЕДОМЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ПОСЛЕ ДОСУДЕБНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В КИТАЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Юй Чжэнцзунь, преподаватель
Юридический факультет

Научное направление: уголовно-процессуальное право, судебная система
Тяньцзиньский педагогический университет, Китай

Аннотация. Поскольку люди имеют характер заботы о членах семьи, защиты интересов заключённых и поддержания стабильности социального порядка, уголовно-процессуальное законодательство Китая установило систему уведомления семей о соответствующей информации после досудебного содержания под стражей. Тем не менее, система все еще имеет много необоснованных, неясных и неполных аспектов на уровне правил после модификации, которые должны быть дополнительно усовершенствованы с помощью герменевтики.

Ключевые слова: Китайское уголовное производство, предварительное заключение, уведомление членов семьи.

Pedagogical sciences
Педагогические науки

УДК 378.95+378.14+159

**О ЗНАЧЕНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ МУЗЫКИ В ШКОЛЕ**

В.П. Андриященко¹, Е.Л. Веселова²

¹ кандидат педагогических наук, ² доцент

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

Федеральное образовательное автономное учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (Ялта), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы формирования познавательного интереса младших школьников на уроках музыки в школе.*

***Ключевые слова:** познавательный интерес, хоровая музыка, музыкальные способности, методы, приёмы.*

Постановка проблемы. Основными показателями развития познавательного интереса детей являются: появление вопросов; стремление наблюдать, длительно рассматривать объект; выяснять свойства и особенности интересующих ребенка предметов и явлений; эмоционально-познавательная активность.

Для пробуждения и развития познавательного интереса существенное значение имеет содержание знаний. Педагоги, психологи, родители стремятся сделать все возможное, чтобы обучение младших школьников было успешным, чтобы каждый ребенок в своей учебной деятельности достигал более высоких результатов.

Анализ исследований и публикаций по теме. Интерес определяется «как следствие, как одно из интегральных проявлений сложных процессов мотивационной сферы» и здесь важна дифференциация видов интереса и отношения к учению. Интерес к учению может быть широким, планирующим, результативным, процессуально-содержательным, учебно-познавательным и его преобразующим [3].

Чтобы возбудить интерес, не нужно указывать цель, а затем пытаться мотивационно оправдать действие в направлении данной цели, но нужно, наоборот, создать мотив, а затем открыть возможность нахождения цели. Интересный учебный предмет – это и есть учебный предмет, ставший «сферой целей» учащегося в связи с тем или иным побуждающим его мотивом.

Цель статьи. Определить и рассмотреть формы и методы работы по формированию познавательного интереса младших школьников на уроках музыки.

Изложение основного материала. Для образования интересов существенное значение имеет как начальный этап – возникновение ситуативного интереса, – так и его дальнейшее развитие. С одной стороны, особенности объекта, их яркость, сила влияют на возникновение внимания. С другой – такие особенности индивида, как впечатлительность, чувствительность, подвижность нервных процессов, также влияют на активность отражения. В дальнейшем интерес поддерживается как наличием определенных предпосылок способностей, так и стимулированием, положительным отношением, поощрением.

Высокий уровень развития интереса возможен лишь в результате определенной деятельности, определенной ситуации, но это повторение должно сопровождаться эмоциональным подкреплением – как организуемым со стороны, так и образующийся в зависимости от создания успеха, от удовлетворения определенного вида потребностей.

Наше исследование направлено на теоретическое обоснование и разработку педагогических условий развития музыкального интереса учащихся младших классов на уроках музыки.

Для развития музыкального интереса учащихся младших классов предлагаем использовать следующие педагогические условия:

– накопление и расширение познавательного опыта на основе включения в учебный репертуар произведений, обладающих специфическими возможностями в музыкально-эстетическом и профессионально-личностном развитии учащихся;

– использование хорового исполнения, направленного на формирование вокального интеллекта учащихся в процессе практического освоения ими вокально-теоретических и исторических знаний при поддержании эмоциональной увлеченности на всех этапах интерпретационной работы;

– стимулирование творческой активности учащихся в процессе работы над музыкальными произведениями.

Рассмотрим каждое из педагогических условий подробнее.

Первое педагогическое условие – накопление и расширение познавательного опыта на основе включения в учебный репертуар произведений как для сольного исполнения, так и для хора.

В сольном и хоровом исполнении учащийся обогащает свой музыкальный опыт, овладевая различными типами фактур (особенно это касается исполнения партий сопровождения). Овладение воспитанниками музыкальными знаниями, умениями и навыками пения, обеспечивает накопление музыкального опыта школьников, развивает музыкальное сознание, а в дальнейшем пробуждает интерес к сольному или хоровому исполнению.

Второе педагогическое условие – использование хорового исполнения, направленного на формирование вокального интеллекта учащихся в процессе практического освоения ими теоретических и исторических знаний при поддержании эмоциональной увлеченности на всех этапах интерпретационной работы.

Ученику необходимо глубоко осмыслить содержание произведения, воссоздать художественно-идейный замысел композитора, донести до слушателя всё богатство, всю значимость данного произведения. Лучше всего начать работу с ознакомления с музыкальным произведением, прослушать его в профессиональном исполнении; затем пояснить, почему ария имеет именно такое название; растолковать иностранные музыкальные термины; определить особенности вокального движения и его изменений; проанализировать фактуру, тональность; обратить внимание на технически сложные места. Необходимо не только понять содержание и поэтический образ произведения, но и определить форму и структуру, проанализировать гармонию, мелодию.

Третье педагогическое условие – стимулирование творческой активности учащихся в процессе работы над музыкальными произведениями. К ним относятся разные виды самостоятельной творческой деятельности.

Чтение с листа – умение учащихся самостоятельно знакомиться с новым произведением наполняет смыслом и радостью весь последующий процесс работы. Очень важно, чтобы первое знакомство пробуждало интерес, а не гасило его. Для этого следует развивать навыки беглого чтения. Следует добиваться длительной концентрации внимания и плавной непрерывности охвата текста, идущего несколько впереди исполнения. Уже на начальном этапе обучения рекомендуется исполнять легкие песни в два голоса (с педагогом или другим учеником). Переходить к более трудным произведениям следует не раньше, чем будет закреплён предыдущий уровень трудности. Усложнение задач должно быть постепенным и почти не заметным для ученика.

Выводы. Сольное и хоровое исполнение способствует развитию комплекса специфических музыкальных умений, способностей: музыкального слуха, ритмического чувства, памяти, двигательного-моторных навыков.

Хоровое исполнение может быть включено в различные виды деятельности учащихся на уроках музыки. Это еще больше повышает ее развивающий потенциал.

Рассмотренные теоретические основы формирования музыкального интереса младших школьников на уроках музыки обеспечивают условия для их творческого самовыражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альманах. КГТИ. Выпуск №3. – Ялта, 2001. – С. 54.
2. Афанасьев, М.Н. Проблемы функций искусства / М.Н. Афанасьев // Эстетика и жизнь. – Вып. 3 – М; 1974. – С. 123.
3. Андрищенко, В.П. Теория и практика подготовки учителей к музыкально-эстетической деятельности / В.П. Андрищенко // Науковий вісник Південно-українського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського / 36. наук. пр. – 2000. – Вип. 4. – С. 161-166.
4. Толмачев, Ю.А. Учебное пособие / Ю.А. Толмачев, В.Ю. Дубок. – ГОУ ВПО, 2006. – 106 с.

Материал поступил в редакцию 24.01.19.

THE VALUE OF THE COGNITIVE INTEREST OF THE JUNIOR PUPILS AT THE MUSIC CLASSES IN SCHOOL

V.P. Andriushchenko¹, Ye.L. Veselova²

¹ Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, ² Associate Professor
Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russia

Abstract. This article discusses the issues of the cognitive interest formation at junior pupils at the music classes in school.

Keywords: cognitive interest, choral music, musical abilities, methods, techniques.

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

Б.Т. Барсай¹, Ж.Т. Билялова², Б.Т. Абыканова³¹ доктор педагогических наук, ассоциированный профессор
кафедры математики и методики преподавания математики,² кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор
кафедры математики и методики преподавания математики,³ кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор кафедры физики и технических дисциплин
Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются пути формирования историко-математической компетентности будущих учителей математики и сформирована модель формирования историко-математической компетентности будущего учителя математики, построенная на основе комплексной реализации компетентностного, модульного, деятельностного подходов.

Ключевые слова: историко-математическая компетентность, модель формирования.

В настоящее время система образования Республики Казахстан находится в состоянии модернизации, обусловленной общими тенденциями мирового развития, главной целью которой является обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Одним из направлений модернизации образования является повышение профессионализма педагогических кадров за счет разработки и экспериментальной апробации моделей реформирования системы профессиональной подготовки: организации, структуры, содержания, принципов взаимосвязи с образовательной практикой и инновационными процессами в образовании.

Главная цель Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 годы является повышение конкурентоспособности образования и науки, развитие человеческого капитала для устойчивого роста экономики. В программе обоснована необходимость перехода в оценивании результатов образования от понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность», к понятиям «компетенция», «компетентность» обучающихся [1]. Все это требует ориентации системы образования на компетентностный подход.

Основными категориями компетентностного подхода являются понятия «компетенция» и «компетентность». В различных отечественных и зарубежных исследованиях выделены следующие характеристики данных понятий: компетенция – комплекс вопросов, в которых данное лицо должно обладать познаниями, способностями, потребностями и опытом; компетентность – владение компетенцией, т.е. совокупностью способов деятельности, знаний, опыта и рефлексивных умений, позволяющих делать выводы о чем-либо, успешно выполнять какую-либо деятельность.

О формировании профессионального мастерства сказано в наследиях представителей классической педагогики А. Дистервега, Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, А.В. Луначарского, П.П. Блонского, Н.К. Крупской, казахских просветителей А. Кунанбаева, Ы. Алтынсарина, Ш. Кудайбердиева, Ш. Уалиханова и др.

Ученые исследовали основу формирований профессионально-педагогической компетентности в разных направлениях:

1. Ученые в первом направлении (Т.Г. Браже, Н.Н. Лобанова, Н.И. Запрудский и т.д.) профессионально-педагогическую компетентность понимали как систему «качества и деловитости» и рассматривали как философическую, психологическую, культурную, социологическую и личностную систему.

2. Ученые во втором направлении (Ю.П. Азаров, Н.В. Кузьмина, А.И. Щербаков, Л.И. Загвязинский, А.И. Мищенко, Г.И. Хозяинов и др.) идентифицируют профессиональную компетентность специалиста с педагогическим мастерством и творчеством.

3. Ученые в третьем направлении (Е.В. Бондаревская, А.А. Вербицкий, Б.С. Гершунский, Н.С. Розов и др.) профессионально-педагогическую компетентность связывают с образованностью, развитием, способностью личности, постоянным стремлением к совершенствованию знаний, культурной связью с людьми.

4. Ученые в четвертом направлении (Н.В. Кузьмина, М.И. Лукьянова, А.К. Маркова, Л.И. Митина, Е.М. Павлютенков и т.д.) профессионально-педагогическую компетентность рассматривают как деятельность.

Психолого-педагогические особенности совершенствования профессиональной компетентности педагогов раскрыты в работах В.И. Андреева, Ю.В. Варданяна, В.И. Загвязинского, А.И. Панарина, В.А. Сластенина.

Зарубежные ученые S. Appleton, L. Davies, N. Stromquist, Y. Schriewer рассматривают ключевые компетентности в контексте их профессионально-личной значимости. D. Mc. Clelland, M. Linard, B. Vinsfield, T. Hoffman понимают компетентность как внутреннюю мотивацию индивида к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности.

Иную трактовку понятия «компетентность» дает М.А. Чошанов. Он считает, что компетентность одним словом выражает значение традиционной триады «знания, умения, навыки» и служит связующим звеном между ее компонентами.

Изучение представлений о профессиональной компетентности учителя показывает, что они претерпели значительные изменения. Выявлению сущности профессиональной компетентности посвящены работы философов, психологов, педагогов: И.А. Зимней, А.К. Марковой, Дж. Равена, А.В. Хуторского, В.Д. Шадрикова.

В работах С.И. Архангельского, Е.П. Белозерцева, М.Н. Карапетовой, Л.П. Кибардиной, И.А. Колесниковой, Н.В. Кузьминой, Н.Д. Левитова, И.Я. Лернер, А.И. Мищенко, Т.Б. Руденко, М.Н. Скаткина, В.А. Сластенина и др. исследуются профессионально важные (или профессионально значимые) качества, необходимые учителю в практической деятельности, среди которых особое место отводится профессиональной компетентности.

Н.В. Кузьмина рассматривает профессиональную компетентность педагога как его осведомленность и авторитетность, рассчитанные в первую очередь на продуктивное формирование личности другого человека.

Близкой по значению дефиницией к понятию «профессиональная компетентность педагога» является определение А.К. Марковой, в котором говорится, что профессионально компетентным является такой труд учителя, в котором на достаточно высоком уровне осуществляется педагогическая деятельность, педагогическое общение, в котором реализуется личность учителя. А.К. Маркова уточняет определение профессиональной компетентности, как «психического состояния, позволяющего действовать самостоятельно и ответственно, обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции, заключающиеся в результатах труда человека» [3]. Понятие «компетентность» автор связывает с формированием личности и обретением такого состояния, которое позволяет ему продуктивно действовать при выполнении трудовых функций и достигать ощутимых результатов.

В понимании Н.Д. Хмель профессиональная компетентность педагога – это единство его теоретической и практической готовности к осуществлению педагогической деятельности [8].

С началом активной разработки компетентностного подхода в образовании проводятся исследования по отдельным аспектам профессиональной компетентности: изучаются проблемы дидактической (В.А. Сластенин), методической (В.А. Адольф, И.Е. Малова, Т.Э. Кочарян, Н.Д. Кучугурова), информационной (Л.В. Бочарова, Е.М. Машбиц, И.В. Роберт, О. К. Тихомирова), языковой (И.Л. Бим, И.А. Гетманская, Е.С. Полат, О.М. Шиян), математической (О.В. Аверина, А.М. Амагулов, Н.В. Стеценко, Н.В. Ходырева) компетентности. Таким образом, в рамках исследования профессиональной компетентности происходит выделение и исследование ее предметных составляющих.

Казахстанские ученые Б.Т. Кенжебеков (профессиональная компетентность в системе высшего образования), Г.Ж. Менлибекова (социально-профессиональная компетентность будущих учителей), С.И. Ферхо (профессиональная компетентность учителей в использовании электронной учебной издания), М.В. Семенова (педагогические условия формирования профессиональной компетенции в ВУЗ-е) рассматривали формирование профессиональной компетенции в разных аспектах.

Б.Т. Кенжебеков дал определение профессиональной компетенции таким образом: «профессиональная компетентность – это интегрированные знания, объединение человеческих способностей и умений, важных профессиональных качеств, освоение технологии на высшем уровне, культуры и мастерства, готовность саморазвития» [2].

Г.Ж. Менлибекова придает большое значение формированию социальной компетенции будущего учителя. По ее мнению, социальная компетентность – это качественный показатель человека, который понимает социальную реальность в качестве ценности, конкретное социальное знание при управлении деятельностью, при познании себя – субъективная способность, при осуществлении социальной технологии – объединенность профессионализма [4].

С.И. Ферхо, исследуя профессиональную компетентность учителей в использовании электронных учебных изданий, описывает как сплоченность когнитивного, дисциплинарного и мотивационного развития знаний личности [7].

М.В. Семёнова понятие «профессиональной компетентности» понимает как субъект профессиональной деятельности, выявляющий личность педагога в виде гностического, деятельностного, личностного, коммуникативного, творческого и рефлексивного компонентов [5].

Б.А. Тургынбаева характеризует компетентность творческого педагога как видение проблемы в истине, способность найти информацию его быстрого положительного решения; умение выявить основную часть; предполагать результат; внедрение новшества в практику; уметь анализировать деятельность; уметь критично творчески оценивать [6].

В компетентностной модели специалиста цели образования связываются не только с выполнением конкретных функций, но и с интегрированными требованиями к результату образовательного процесса. Рассматривая состав и содержание компонентов, характеризующих профессиональную компетентность педагога,

большинство авторов выделяют три основные группы компетентностей: ключевые (общие, социально-личностные); педагогические (общепрофессиональные, базовые) и специальные (академические, предметные). Конкретизируя их применительно к профессиональной компетентности учителя математики и выявляя средства их формирования, важно учитывать возможности таких учебных дисциплин, которые многофункциональны в своем влиянии на формирование профессиональной компетентности педагога.

Такая многофункциональность является особенностью курса истории математики. Овладение его содержанием способствует не только пополнению собственно педагогических и математических знаний, но и формирует способность критически оценивать и творчески преобразовывать их, непосредственно влияя на развитие профессиональной компетентности будущего учителя. Возможности курса истории математики в подготовке будущего учителя распространяются не только на усвоение историко-математического материала, но и на овладение способами работы с ним в учебном процессе. Этот курс, являясь основой для формирования историко-математической компетентности, позволяет формировать готовность и способность учителя использовать разнообразные методы, формы и приемы учебной работы, основанные на истории науки и соответствующие возрастным особенностям обучающихся. Кроме того, особенностью курса истории математики является его гуманитарная, аксиологическая составляющая, связанная с рассмотрением персоналий ученых, их деятельности в контексте той исторической эпохи, в которой они жили. Таким образом, историко-математическая компетентность будущего учителя математики является условием его готовности к эффективному решению задач педагогической деятельности.

Большой образовательный, культурологический и воспитательный потенциал истории математики указывает на значимость соответствующего курса в профессиональной подготовке учителя и обосновывает целесообразность и актуальность исследования проблемы формирования историко-математической компетентности будущего учителя математики в процессе его профессиональной подготовки в вузе.

В настоящее время достаточно полно изучены различные аспекты историко-математической подготовки будущих учителей: гуманитарный потенциал истории математики (Н.Я. Виленкин, Б.В. Гнеденко, Г.В. Дорофеев, А.И. Маркушевич, А.Д. Тайманов, В.М. Тихомиров, И.М. Яглом); осуществление гуманизации и гуманитаризации математического образования средствами истории математики (О.А. Жаутиков, М.У. Искаков, А. Машанов, А. Кубесов, С.Н. Назаров,); историзация школьного математического образования (И. Акбергенов, В.А. Алексеева, Ю.В. Романов, О.А. Саввина, О.В. Фискович); использование истории математики в школе (З. Атаджанова, Б.В. Болгарский, С. Елубаев, А. Закарин, А.С. Жумадилдаев, О.Н. Журавлева, К.А. Малыгин, У.К. Шерматова); совершенствование образовательного процесса в средней и высшей школе с использованием истории математики (Е.А. Галдина, М.Ф. Гильмуллин, Г.Д. Глейзер, Н.Т. Данаев, К.К. Кабдыкаиров, Л.П. Латышева, М. Утелбаев, В.А. Оганесян и др.); разработка содержания и методики подготовки учителей математики с использованием истории науки (Б.Б. Баймуханов, С.В. Белобородова, Б.В. Гнеденко, С.С. Демидов, А.Н. Колмогоров, Р.А. Майер, К.А. Рыбников, С.Е. Чакликова и др.); подготовка будущих учителей к использованию истории математики в учебном процессе (Ю.А. Дробышев, Е.О. Медеуов, А.Н. Нугусова, Д. Рахымбек, С. Полякова и др.).

Анализ исследований, посвященных проблемам использования ресурсов истории математики в школе, историко-математической подготовки будущего учителя математики, показывает, что только в работах Ю.В. Романова и О.В. Витченко рассматривается историко-математическая компетентность. Авторы трактуют указанную компетентность в качестве критерия историко-математической подготовки студентов, что сужает возможности оценки потенциала историко-математической компетентности в профессиональной подготовке будущего учителя математики.

Модель формирования историко-математической компетентности будущего учителя математики, построенная на основе комплексной реализации компетентностного, модульного, деятельностного подходов, характеризующаяся целостностью следующих компонентов: *целевого*, определяющего цель функционирования модели, состоящую в формировании компонентов историко-математической компетенции; *теоретического*, включающего теоретические основы проектирования процесса формирования историко-математической компетентности; *содержательно-организационного*, включающего проектно-модульную программу дисциплины «История математики» и ее технологическое обеспечение; *результативного*, характеризующего уровни сформированности ИМК, критерии, показатели и диагностические методики отслеживания результатов.

Совокупность педагогических условий, способствующих эффективному формированию историко-математической компетентности будущего учителя математики: проектно-модульное структурирование учебного материала, содержащего исторические сведения и органичное включение его в содержание профессиональной подготовки; использование практико-ориентированных задач и заданий, позволяющих формировать навыки применения исторического материала в воспитательных целях; использование комплекса активных методов и приемов, обеспечивающих включение будущих учителей в самостоятельную практико-ориентированную деятельность исследовательского характера, приобретение рефлексивных умений, стимулирование их личностных достижений.

Обобщив существующие подходы, можно утверждать, что профессиональная компетентность педагога представляет собой присвоенную, отрефлексированную им в ходе профессиональной деятельности систему социально-значимых, профессионально-значимых и личностно-значимых компетенций. В научной литературе

подчеркивается связь педагогической компетентности с педагогическим профессионализмом, который, с одной стороны, отражает общие, объективно-нормативные требования профессии к личности учителя, а с другой – определяет необходимый нормативный набор его психических качеств. В целом, можно следующим образом определить содержание анализируемой категории: профессиональная компетентность учителя – это сущностная характеристика профессионализма, представляющая собой интегративное личностное образование, основанное на владении совокупностью компетенций, свидетельствующих о готовности и способности педагога успешно осуществлять профессионально-педагогическую деятельность, мобилизовать имеющиеся знания и опыт в нестандартной ситуации.

Рассматривая профессиональную компетентность, ученые выделяют следующие ее различные виды и составляющие: общекультурная (В.А. Демин, Н.Х. Розов), методическая (В.А. Адольф, Е.С. Дубинина, Н.Д. Кучугурова, И.Е. Малова), содержательная, технологическая, личностная (В.А. Адольф, Г.С. Вяликова, И.А. Гетманская, А.К. Маркова, В.А. Тестов), психолого-педагогическая (В.А. Адольф), предметная (В.А. Адольф, Т.С. Полякова), специальная (И.А. Гетманская), социальная, индивидуальная (А.К. Маркова) и другие.

Эффективность процесса и качество результата формирования профессиональной компетентности учителя математики определяется комплексным взаимодействием всех его компонентов. Особенностью историко-математической компетентности является ее влияние на осмысление профессиональной деятельности, проектирование и осуществление самообразования. Наряду со значимостью историко-математической компетенции для формирования специальной компетентности учителя математики, данная компетентность также способствует формированию современной системы ценностей, культуры учителя и его профессионального поведения, повышению общего кругозора, эрудиции, заинтересованности в учении и саморазвитии. Все это указывает на значимость историко-математической компетенции как интегрирующего элемента, воздействующего на все основные компоненты профессиональной компетентности будущего учителя математики.

Историко-математическую компетентность будущего учителя математики целесообразно рассматривать в рамках специальной компетентности, которая отражает специфику конкретной предметной и надпредметной сферы профессиональной деятельности. Наряду с этим, историко-математическая компетенция выражается через конкретизацию ключевых и базовых компетентностей применительно к обучению математике.

Таким образом, историко-математическая компетентность учителя математики определяется через владение совокупностью следующих специальных компетенций и свойств личности:

- понимание роли и значения использования исторического материала в обучении математике и реализации ее функций;
- наличие глубоких и прочных знаний по истории математики;
- владение технологией построения учебного процесса с применением исторического материала;
- способность применять имеющиеся знания в нестандартных педагогических ситуациях;
- стремление к достижению значимых результатов и качества в педагогической деятельности на основе использования историко-математического материала;
- способность к рефлексии процесса и результатов педагогической деятельности.

Историко-математическая компетентность предполагает наличие познаний и опыта работы с историко-математическим материалом в рамках учебного процесса, что позволяет достигать высокого уровня в осуществлении самостоятельной деятельности на их основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019. – Астана. – 57 с.
2. Кенжебеков, Б.Т. Теория и практика формирований профессиональной компетентности студентов университета (монография) / Б.Т. Кенжебеков. – Астана, 2001. – 275 б.
3. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М., 1996. – 308 с.
4. Мендібекова, Г.Ж. Социальная компетентность, сущность, структура, содержание / Г.Ж. Мендібекова // Высшая школа Казахстана. – 2001. – №4-5. – С. 153-159.
5. Семёнова, М.В. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности будущих педагогов в вузе: дисс. ...канд.пед.наук: 13.00.08 / М.В. Семёнова. – Караганда, 2005. – 162 с.
6. Тургынбаева, Б.А. Развитие творческих потенциалов учителей в условиях повышения квалификации: теория и практика / Б.А. Тургынбаева. – Алматы, 2005. – Б. 174.
7. Ферхо, С.И. Формирование профессиональной компетентности учителей по использованию электронных учебных изданий в процессе обучения : автореф. ...канд.пед.наук / С.И. Ферхо. – Алматы, 2004. – 24 с.
8. Хмель, Н.Д. Теоретические основы профессиональной подготовки учителя / Н.Д. Хмель. – Алматы: Гылым, 1998. – 319 с.

Материал поступил в редакцию 22.01.19.

**FORMATION OF HISTORICAL AND MATHEMATICAL
COMPETENCE OF FUTURE MATHEMATICS TEACHERS
IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE UNIVERSITY**

B.T. Barsay¹, Zh.T. Bilyalova², B.T. Abykanova³

¹ Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the mathematics and mathematics teaching methods department,

² Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the mathematics and mathematics teaching methods department,

³ Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the physics and technical disciplines department
Atyrau State University, Republic of Kazakhstan

Abstract. *The article considers the ways of formation of the historical and mathematical competence of future mathematics teachers. We formed the model of the formation of the historical and mathematical competence of the future mathematics teacher, built on the basis of the integrated implementation of competence, modular, activity approaches.*

Keywords: *historical and mathematical competence, model of formation.*

УДК 371

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО В ТВОРЧЕСТВЕ УЧИТЕЛЯ

Т.Г. Гаппарова¹, О.К. Хайдарова²¹ кандидат педагогических наук, профессор, ² кандидат педагогических наук, доцент
Каршинский государственный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. Педагогическое общение выполняет функции познания личности, обмена информацией, организации деятельности, обмена ролями, сопереживания и самоутверждения. Исходя из этого, в статье рассматриваются пути формирования творческой педагогической деятельности, необходимое развитие отдельных функций, умений, навыков, а также структура педагогической деятельности, которая используется как инструмент воздействия на деятельность другого субъекта (ученика).

Ключевые слова: общение, отношение, коммуникация, взаимопонимание, взаимодействие, субъект-объектное, субъект-субъектное, манипуляция, мотивационно-смысловое ядро, творчество учителя.

С давних пор и по сегодняшний день общение между учителем и учеником – это организованный процесс, который обеспечивает эффективность обучения.

Что представляет собой педагогическое общение? Педагогическое общение – это интерактивный процесс организации, установления и развития коммуникации, взаимопонимания и взаимодействия между педагогами и учащимися, порождаемый отношениями и содержанием их совместной деятельности. Специфика педагогического общения проявляется в том, что она при помощи мотива возбуждает у учеников интерес сознательно и желанно воспринимать информацию, передаваемую учителем.

Педагог должен знать закономерности педагогического общения, обладать коммуникативными способностями и культурой общения. Педагогическое общение выполняет функции познания личности, обмена информацией, организации деятельности, обмена ролями, сопереживания и самоутверждения. Основные объекты и субъекты в школе – учитель и ученик. Разработка учителем интересных, развлекательных методов общения на уроке становится важным условием эффективности учебно-воспитательного процесса, средством формирования личности школьника.

Нынешнее информационное развитие в значительной мере изменило и усложнило роль педагога. Учитель теперь является не только источником информации, но человеком, организующим и направляющим учебно-воспитательный процесс.

Исходя из этого, нам представляется, что в основание нашей позиции должно быть положено рассмотрение специфики педагогической деятельности. Хорошо известно, что человек как субъект деятельности вступает в двоякого рода отношения: в предметные отношения (субъект-объектное, S-O) и в отношении к другим людям (Субъект-субъектные, S-S). Эти двоякого рода отношения, характерные для любой деятельности человека, в зависимости от того, какой тип этих отношений является для той или иной деятельности определяющим, ведущим, позволяет говорить о ее специфике.

Несмотря на то, что отношения S – O педагогической деятельности играют огромную роль (составляя ее непосредственно предметное содержание), но в ней субъект-субъектные отношения являются наиболее существенными, ибо они оказывают сильное влияние на весь процесс воспитания личности школьника. Более того, субъект-субъектные отношения являются в рамках педагогической деятельности ведущими, ибо для учителя предметное содержание должно выступать не как самоцель, а как способ воздействия на ученика, для ученика же оно преломляется сквозь призму его субъект-субъектных отношений с учителем.

Рассматривая две ведущие формы отношения человека к действительности – научно-теоретическую и духовно-практическую, – ведущим в теоретическом отношении является отношение субъект-субъект. С этой точки зрения педагогический процесс есть соединение двух типов отношений. Во-первых, это отношение к изучаемому предмету, который при научно-теоретическом подходе выступает как внешняя вещь (т.е. отношение субъект-субъект). Во-вторых, это отношение между учителем и учеником (т.е. отношение субъект-субъект). Подчинение его научно-теоретическому подходу нежелательно, так как переводит его в объективно-вещный план, что делает ученика объектом технологически-вещных манипуляций учителя, воспитывая частичного человека вместо нравственного существа.

Эта мысль представляется очень важной, так как для нас она означает, что если при продвижении в логике предмета как внешнего объекта возможна передача отдельных навыков, умений, знаний, словом, операционно-исполнительского звена, то для передачи ее мотивационно-смыслового ядра необходимым и важнейшим условием выступает движение учебно-воспитательного процесса в логике субъекта, т.е. реализация субъект-субъектного отношения. Это же в свою очередь приводит к тому, что анализ педагогической деятельности должен происходить не изолированно от деятельности самого обучающегося.

Для формирования творческой педагогической деятельности необходимо не просто некое абсолютное

развитие отдельных функций, умений, навыков, а также, когда, входя в структуру педагогической деятельности, они могут использоваться как инструмент воздействия на деятельность другого субъекта (ученика), т.е. когда все эти качества, умения и навыки становятся операциональными, инструментальными по отношению к главной функции – воздействию на «другую» деятельность. Ибо все основные события педагогического процесса, определяющие его эффективность, их успешность или неуспешность, происходят как раз в точке пересечения этих двух деятельностей обучающего и обучающегося, воспитывающего и воспитываемого, в момент или в процесс их взаимодействия.

Таким образом, общение, именно оно, выступает тем искомым «ядром» учебно-воспитательного процесса и педагогической деятельности, которое определяет, задает инструментальную, операциональную направленность отдельным навыкам, умениям, знаниям и качествам. Оно выступает и как условие, и как способ реализации любого педагогического воздействия, направленного на управление деятельностью обучающегося, совместной деятельностью.

Из этих положений можно делать следующий вывод о творческой педагогической деятельности: творческие элементы педагогического труда развиваются в общении и посредством совершенствования деятельности общения, так как оно вбирает в себя, аккумулирует все важнейшие функции этой деятельности.

Обобщая в целом все вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы, определившие основу нашей исследовательской позиции:

1. Творчество является неотъемлемой характеристикой педагогической деятельности. Достижение творческого уровня владения профессией выступает как одна из важнейших задач совершенствования процесса подготовки будущих учителей в системе высшего педагогического образования. Решение этой задачи лежит на пути освоения студентами целостной педагогической деятельности, включающей знания, умения и навыки, а также мотивы деятельности. Овладение мотивами выбранной деятельности имеет первостепенное значение для обеспечения творческого уровня владения педагогическим процессом.

2. В передаче и овладении студентами знаниями, навыками и умениями, необходимыми для осуществления педагогической деятельности, к настоящему моменту достигнуты значительные успехи, в частности, благодаря уже достаточно развитому направлению, результатом которого является поставление определённой цели, намеренного конечного результата в процессе обучения.

3. Поиск путей решения этой проблемы начинается от анализа специфики педагогической деятельности, которая раскрывается через отношение субъект-субъектных (S-S) и субъект-объектных (S-O) отношений, в которые вступает в процессе своего труда. Воспитание у студентов педвузов творческого отношения к педагогическому труду связано с гармоническим развитием у них личностно-значимых мотивов деятельности, профессиональных знаний и умений, важнейшими из которых являются те, что проявляют себя в сфере педагогического общения.

4. Такая позиция выдвинула понятие «общение» как центральное, а отдельны коммуникативный акт – как основную единицу при анализе творческих аспектов педагогической деятельности.

5. «Ролевые» и «личностные» типы общения обнаруживают существенные различия между собой по содержанию и по результату.

6. Развитие в стенах вуза умения будущих учителей вступать в контакт с учащимися, осуществлять, развёртывать все формы и виды педагогического общения, является важнейшей предпосылкой и важным условием, под воздействием которых деятельность педагога приобретает творческий характер.

Таким образом, подготовка будущего педагога предполагает формирование мотива, выражающего потребность в личном общении с учениками, который должен придавать определённый смысл процессу овладения студентом техникой личностного общения и служить основой для развития его способности к творчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амяга, Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении. Личность. Общение. Групповые процессы / Н.В. Амяга. – М., 1991.
2. Мирзиёев, Ш.М. Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство / Ш.М. Мирзиёев. – Ташкент: Узбекистон, 2018.
3. Мирзиёев, Ш.М. Необходимо поднять качество общего среднего образования на новый этап / Ш.М. Мирзиёев. – Ташкент, Совещание, посвященное вопросам реформирования в развития системы общего среднего образования. – 17.07.2018.

Материал поступил в редакцию 11.01.19.

COMMUNICATION IN EDUCATION AS A MAJOR PLANK IN TEACHER'S CREATIVITY

T.G. Gapparova¹, O.K. Khaydarova²

¹ Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, ² Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Karshi State University, Republic of Uzbekistan

Abstract. *Communication in education performs the functions of personality cognition, information exchange, activity organization, role exchange, empathy and self-affirmation. In this basis, the article discusses the ways of forming the creative pedagogical activity, the necessary development of individual functions and skills, as well as the structure of pedagogical activity that is used as a tool to influence the activities of another subject (student).*

Keywords: *converse, relationship, communication, mutual understanding, interaction, subject-object, subject-subject, manipulation, motivational-semantic core, teacher's creativity.*

УДК 681.3:378.1

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНФОРМАТИКИ

А.М. Суяров¹, Э.И. Хайриев²^{1, 2} преподаватель

Самаркандский государственный университет, Узбекистан

Аннотация. В настоящее время современные инновационные технологии в обществе предъявляют новые требования к технологиям реализации образовательных процессов. В статье рассмотрены основные вопросы информационного и методического обеспечения для эффективного обучения информатики. Выделены основные задачи и факторы для обеспечения эффективности обучения информатики с применением современных инновационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, обучение с применением современных инновационных технологий, информационное и методическое обеспечение, основные задачи и факторы для эффективно обучения информатике с применением современных инновационных технологий.

Сегодня на современном рубеже развития средних учебных заведений выдвигается задача переустройства классической и традиционной системы изучения в отменно новую систему образования – задача воспитания грамотного, продуктивно думающего и мыслящего человека, приспособленного и адаптированного к свежим условиям жизни в обществе. В настоящее время выросла потребность в учителе, способном модернизировать качество собственной работы при помощи критичного, креативного её освоения и использования, достижений науки и современного педагогического навыка. Целью образования считается значительное увеличение свойств и качества учебного процесса за счет интенсификации, дифференциации, индивидуализации процесса изучения, воспитания и развития, более совершенного удовлетворения образовательных потребностей студентов по задачам и вопросам свежих и новых передовых технологий. В связи с научно-техническим прогрессом и развитием прогрессивной и современной технологии в настоящее время задачам и проблемам преподавания информатики стали уделять больше интереса.

Информатика в образовании принимает участие в формировании и развитии личности, особая забота при исследовании предмета уделяется развитию закономерного и алгоритмического мышления, в следствие этого актуальность преподавания информатики в настоящее время не вызывает сомнений, впрочем, есть ряд задач в организации учебного процесса и способах преподавания. В критериях модернизации образования все более последователей считают важным усиление автономного и самостоятельного креативного и творческого мышления студентов, их личностной ориентации, усиление эффективных компонентов в образовании. Важную роль в обеспечении эффективности при обучении информатике играет его активизация, основанная на использовании новых современных технологий, в том числе инновационных [2].

В связи с этим в настоящее время при обучении информатике в школе особое внимание уделяется индивидуальному подходу учащихся, созданию условий, для того чтобы ученик овладел многообразными способами самостоятельного получения и усвоения знаний, развивал свой творческий потенциал. Внедрение новых инновационных технологий дает возможность более действенно осуществить учебный процесс, дает студентам свежие и новые способы, методы и источники получения учебного материала. Одним из способов интенсивного обучения информатике с использованием инновационных технологий считается проблемное изучение, способ проектов, интерактивные технологии, игровые технологии, интегрированные уроки и т.д. [3].

Игровые технологии относятся к педагогическим технологиям, базирующимся на активизации и интенсификации работы студентов. Игра – это вид деятельности в критериях и условиях обстановок и ситуаций, нацеленных на воссоздание и усвоение социального навыка, в котором формируется и улучшается самоуправление поведением. Внедрение игровых технологий считается одним из методик заслуги намеренной и интенсивной роли обучаемых в самом процессе изучения. Не полагая того, что игра гарантирует наибольшее эмоциональное втягивание и вовлечение участников в действия и события, допуская возможность вернуть ход и попробовать другую стратегию, готовит подходящие условия для развития предусмотрительности, гибкости и эластичности мышления и целеустремленности. Она приучает к коллективным корпоративным действиям, принятию как самостоятельных, так и скоординированных решений, увеличивает способность рулить и подчиняться, активизирует практические возможности, развивает воображение, фантазию, и интуицию. В деловой игре взаимодействуют несколько игроков, принимающих решения в ситуации, моделирующей действительную, а учитель информатики ориентирует и направляет игру, подвергает анализу и рассматривает воздействия игроков. Любой из участников играет некую роль, он воспринимает решения и имеет возможность проворно увидеть итог, получая личный собственный навык.

Занятия с использованием интерактивных технологий, в том числе мультимедийных презентаций, позволяют студентам зрительно усваивать учебный материал. Мультимедийные презентации в преподавании

информатики обеспечивают: интенсификацию обучения, активность студентов, индивидуализацию обучения, развитие самостоятельности, повышение мотивации и т.д.

Использование инновационных технологий в учебном процессе позволяет сделать групповые и индивидуальные занятия студентами более интересными, динамичными и убедительными, а огромный поток изучаемой информации более доступным. Современные инновационные технологии предоставляют преподавателю большой резерв технической и технологической поддержки, высвобождающей значительную часть его времени именно для живого общения с учениками.

Использование прогрессивной инновационной технологии при обучении информатике дает возможность: активизировать познавательную работу студентов; обеспечить позитивную мотивацию обучения; проводить обучение на высочайшем эстетическом и эмоциональном уровне; обеспечить высший уровень дифференциации изучения; повысить размер производимой работы при обучении; усовершенствовать контроль знаний; рационально осуществить учебный процесс, увеличить эффективность обучения; формировать способности действительно исследовательской деятельности; обеспечить доступ к разным справочным системам, электронным библиотекам и иным информационным ресурсам. Введение в образовательную среду инновационных технологий, базирующихся на диалектическом единстве методологии и средств их осуществления, важным образом увеличивает эффективность учебной деятельности за счет автоматизации обработки информации и вычислений, на которых формируется понимание сути учебного материала [1].

Организация преподавания информатики на базе инновационных технологий гарантирует более высочайшее качество познаний учащихся за счет отчетливого планирования занятий, увеличения мотивации при исследовании содержания предмета. Их внедрение делает способности доступа к актуально новой информации, воплощения «диалога» с источником познаний, разрешает добиться более высочайших итог свойств и качества обученности при малой затрате временного ресурса.

Таким образом, современные инновационные технологии при исследовании информатики в ВУЗе обращены на индивидуализацию, дистанционность и мобильность учебного процесса, не смотря на возраст студентов и степень знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Педагогические технологии: что такое и как их использовать в школе. / Науч. ред. Т.И. Шамова, П.И. Третьяков. – М. Тюмень, 1994.
2. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др. – М., Академия, 2000.
3. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998.

Материал поступил в редакцию 17.12.18.

EFFICIENCY OF THE INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN INFORMATICS TEACHING

A.M. Suyarov¹, E.I. Khayriyev²

^{1, 2} Lecturer

Samarkand State University, Uzbekistan

Abstract. The modern innovative technologies in society impose new requirements to the technologies of the educational processes implementation. The article discusses the main issues of information and methodological support for the effective learning of informatics. The main tasks and factors for ensuring the effectiveness of computer science training using modern innovative technologies are given.

Keywords: information technologies, training with the use of modern innovative technologies, information and methodological support, the main tasks and factors for effectively learning informatics using modern innovative technologies.

UDC 785

CONTINUITY IN MUSIC EDUCATION – STRATEGY OF MODERNITY IN THE PREPARATION OF MUSICAL-PEDAGOGICAL PERSONNEL

V.G. Hlystun¹, T.V. Zhukova², I.V. Uvarova³

^{1,3} Senior Lecturer, ² Master of Pedagogic Sciences, Senior Lecturer

^{1,2} M. Kozybayev North Kazakhstan State University (Petropavlovsk), Kazakhstan,

³ Leningrad State University named after A. Pushkin (Saint-Petersburg), Russia

Abstract. *The article deals with the training of musical and pedagogical personnel on the basis of modern methods, taking into account regional peculiarities. The training of music teachers is viewed as a process aimed at mastering special musical knowledge, professional thinking, the formation of pedagogical and musical performing skills and abilities, readiness to implement musical pedagogical activity.*

Keywords: *education, music education, pedagogical system, continuous education system.*

Socio-economic processes occurring in our countries have a significant impact on all aspects of education, including music. The reasons that call for the need for reforms in various levels of education are due both to the change in the social situation and the very stage in the development of music education.

The problems of music education include: the fall of the prestige of the teacher-musician; the lack of a concept and a comprehensive program for the future development of the system of music education at the state and local levels; the lack of genuine continuity between the links school-college-high school; lack of qualifications of teaching staff; weak financial and material and technical base of music schools, etc. The existing system of music education in the sociocultural and economic conditions of the regions, with different levels of teacher training and the lack of an effective system of advanced training for music teachers, did not allow for the creation of a genuine continuity of content, forms of work, and pedagogical technologies. One of the important factors ensuring the integrity of the educational process and its results in the “school-college-university” system should be continuity.

Continuity or continuity involves the development and adoption of a unified system of goals and content of education at all stages of training. Continuity in education is a system of relations that ensures the interaction of the main tasks, content and methods of training and education in order to create a unified continuous educational process at related stages of child development. Continuity is not only preparation for the new, but, more importantly and significantly, the preservation and development of the necessary and expedient old, the relationship between the new and the old as the basis for the progressive development of the process [1, p. 18].

Continuing education is the process of growth of the educational potential of an individual during life, the holistic development of a person as an individual, the enhancement of opportunities for his work and social adaptation in a rapidly changing world, the development of abilities, aspirations and opportunities. The main criteria for efficiency in this regard should be the compliance of graduates with vocational training requirements of the labor market, the graduates' ability to learn, including self-education, which will help the successful process of advanced training. The implementation of training in the system of continuing professional education should be based on a multi-stage training of specialists, and each level of training has the character of completion.

In the system of continuing professional education, continuity is the basic mechanism. Researchers of the problem of continuity in vocational education note that the integration between the secondary vocational and higher educational institutions makes it possible to effectively solve regional problems of accelerated and high-quality training of specialists. A multi-stage vocational education system is focused on training a specialist in different levels of qualification, its essence is to create an integrated system of interacting through the coordination and mutual adaptation of curricula and programs of educational institutions [3, p. 7].

Successive coordination of the curricula and programs of the college and the university results in the release of a considerable reserve of time, which at the university can be used to more actively involve students in research and experimental work. Integration is considered as a necessary component of the pedagogical process, which allows for continuity, which acts as a fundamental requirement for the activities of the subjects of the educational process in the system “music school – music and pedagogical college-university”. Moreover, at each stage of development, the continuity of the complex of knowledge, skills, personality traits is taken into account and the prospect of their integration for the future is predicted. As a result, graduates of music schools (the first stage of vocational education) and graduates of a secondary educational institution (second stage of vocational education) become a special reserve for raising their level of qualification in a higher educational institution (third stage of professional education). This system has advantages: a student – a student purposefully engaged in one type of professional activity, gains experience and develops professional skills and skills to a highly qualified specialist, moving from one vocational educational level to another, which is relevant for continuing education of a specialist.

Continuity in education is the establishment of communication and balance between parts of a training course

at different stages of study. It covers not only specific subjects, but also the interaction between them. A key task in this case is the reduction of student employment in related and even repetitive subjects at different levels of instruction. An analysis of the current state of musical pedagogical practice shows that there is no special work relating to the continuity of the musical-theoretical training of future teachers-musicians in the school-college-university pedagogical system, and the notion of continuity itself is often interpreted in many meanings and narrowly. Meanwhile, continuity should be considered broader, as an important, independent category of musical pedagogy.

The formation and development of music teacher training can be viewed as a process aimed at mastering special musical knowledge, developing professional thinking, developing pedagogical and performing music skills and results, and is characterized by a certain level of personality development of a music teacher, his readiness to carry out musical pedagogical activity.

Considering that the vocational training of music teachers was conducted and conducted by educational institutions of both secondary and higher musical and pedagogical education, it is necessary to identify common approaches to the content and technological aspects of training future specialists, their change depending on the goals of mass music education. The need to create pedagogical conditions conducive to vocational training requires the search for an effective factor that would contribute to the integrity of professional musical and pedagogical training at various levels of the pedagogical system. For this, a whole pedagogical system is needed, revealing the mechanisms of interaction between various educational components.

Pedagogical system – the concept is used to designate the characteristics of a vertical slice of pedagogical activity depending on the educational level under consideration (pedagogical system of general education, vocational and technical, higher education, adult education, etc.) [3, p. 19].

Continuing education system is a set of educational institutions. Each link in the education system can be explored as a pedagogical system. There are integrative pedagogical systems of such order as school – college, school – university, college – university, university – production. For music education in our region, this is an art school, a music school, a school for aesthetic education – the college of arts – the department of “Musical disciplines” of a university. The main components of this education system are its links: additional, primary vocational, secondary vocational, higher vocational education. Consideration of education as an integrated system will allow considering the interrelations between the main components, finding opportunities for their improvement and planning its further development.

Preparing a professional teacher who is capable of organizing activities for the implementation of continuity between the stages of the educational system is the most important task of musical pedagogical education and upbringing. When training teachers of musicians in the system of secondary and higher vocational education, the issues of musical education of children of early, preschool and school age in unity, as a rule, are not considered, which leads to the lack of formation of readiness of future teachers to implement ideas of continuity in teaching practice. Effective direction in overcoming the existing contradictions can be additional vocational education, where teachers can improve their skills in the problems of the methodology and methodology for the implementation of continuity in the system of education and upbringing. The continuity of advanced training of educational specialists should be based not only on the deepening of knowledge and skills in their subject area [2, p. 28].

It is necessary to improve the system of continuity in additional education of teachers through the development and implementation of integrated curricula aimed at the development of general cultural competence of specialists, the formation of interprofessional and interpersonal relations, the development of “experience of artistic communication”, etc. Great work in the organization of advanced training within the system of musical education in our region for several years, leads the department of “Musical Disciplines” NKSU them. M. Kozybaev.

Effective organization of problem-themed seminars, participation in the work of pedagogical and methodological councils, the organization of scientific research on the problems of continuity and competitions of performance skills of students contributes to the development of problem-innovative pedagogical space as a space for the self-development of teachers and their students in their professional practice.

All activities conducted by the departments of “Musical Disciplines” NKSU them. M. Kozybayev and LSU named after A. Pushkin are aimed at solving problems that determine the pivotal foundations of continuity in the formation of the musical culture of a person between educational levels: the essence and content of continuity in the mass musical education of children; the possibility of building “horizontal” and “vertical” successive links between the preschool, school, secondary vocational and higher educational levels and dialogue relations within each of them; the use of the educational potential of musical art in transitional periods in order to prevent asocial manifestations in the children's and youth environment, etc. Scientific, practical and methodological development of a wide range of issues related to the implementation of the continuity between the educational steps in the musical formation of children and young people are reflected in collections of publications published at the department.

Thus, the musical development of a person must be “cross-cutting” in nature and occur continuously and in stages. Musical and aesthetic experience accumulated at the previous age level is a necessary foundation for comprehending a new experience; therefore, successful formation of musical culture as a part of the spiritual culture of a person can be realized only if there is continuity between educational elements. Following the demands of modern times, the training of musical and pedagogical personnel should be carried out on the basis of modern methods, taking into account regional peculiarities.

And of course, an effective system of succession in the musical education of children and young people should be due to the presence of legal and regulatory support, the unity of the value-oriented aims of the implemented educational and training programs at different levels of the educational system.

REFERENCES

1. Дроботенко, Ю.Б. Непрерывное образование как фактор развития автономности и самостоятельности личности / Сборник научных статей V международной научно-практической конференции «Управление качеством образования: проблемы непрерывного образования» / Ю.Б. Дроботенко. – Екатеринбург, 2006. – Ч. I. – С. 17–19.
2. Есаулова, М.Б. Преемственность в профессиональном педагогическом образовании: современная интерпретация и научно-практическое обеспечение: современная интерпретация и научно-практическое обеспечение: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / М.Б. Есаулова. – СПб., РГБ ОД, 71:06-13/77, 2005 – 378 с.
3. Семенова, Л.А. Преемственность профессионального образования как понятие / Л.А. Семенова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 1436–1440. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/85288.htm>.

Материал поступил в редакцию 08.02.19.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ – СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ В ПОДГОТОВКЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

В.Г. Хлыстун¹, Т.В. Жукова², И.В. Уварова³

^{1, 3} старший преподаватель, ² магистр педагогических наук, старший преподаватель,
^{1, 2} Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева (Петропавловск), Казахстан
³ Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. В статье рассматривается подготовка музыкально-педагогических кадров на основе современных методик, с учетом регионального своеобразия. Подготовка учителей музыки рассматривается как процесс, направленный на усвоение специальных музыкальных знаний, профессионального мышления, формирование педагогических и музыкально-исполнительских умений и навыков, готовность к осуществлению музыкально-педагогической деятельности.

Ключевые слова: образование, музыкальное образование, педагогическая система, непрерывная система образования.

Medical sciences
Медицинские науки

УДК 61

**ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ИЗМЕРЕНИЯ И КОНТРОЛЯ
ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ, ДОСТУПНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ
И СХЕМА ВЫБОРКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ РИСКОВ ДЛЯ РАБОТНИКОВ**

Ц.В. Иванова¹, М.Г. Янчева-Стойчева²

¹ кандидат наук, ² PhD, доцент

Факультет общественного здравоохранения
Медицинский университет – София, Болгария

***Аннотация.** Работники по всему миру подвергаются воздействию вредных химических факторов в процессе работы. Химические вещества оказывают различные токсические воздействия на организм человека. Важной задачей является выявление и устранение этих опасностей. Обеспечение здоровых и безопасных условий труда является одной из основных целей трудового законодательства Европейского Союза, и был принят ряд директив и правил в этой области, часть из которых представлена в настоящем исследовании. Предотвращение вредного воздействия химических агентов является задачей работодателей, и они часто сталкиваются с трудностями в выявлении вредности и их воздействия на организм и окружающую среду. В этой обзорной статье перечислены некоторые из крупнейших общедоступных баз данных, которые можно использовать, а также представлена комплексная схема оценки риска химических факторов.*

***Ключевые слова:** здоровье и безопасность на работе; химические факторы рабочей среды; оценка риска.*

Одним из наиболее важных и экономически эффективных факторов развития экономики является состояние здоровья рабочей силы. Состояние здоровья напрямую зависит от производительности и удовлетворённости работой, что, в свою очередь, является важным фактором экономического роста. Поэтому важно изучить факторы, с помощью которых рабочая среда влияет на состояние здоровья работников, выявлять профессиональные заболевания и профессиональные травмы.

Изучение общественного и профессионального здоровья является важной частью медицинской науки, профилактика несчастных случаев и болезней является одним из важных социально-экономических значений. Исследования в этой области предоставляют информацию о текущей ситуации в области здравоохранения, будущие проблемы специалистов в области медицины труда, эпидемиология болезней, политики и стандартов здравоохранения в этой области в стране.

По данным Международной организации труда (МОТ), более 337 000 000 несчастных случаев в год вызваны рабочей средой.

Миллионы трудящихся во всём мире подвергаются воздействию вредных химических факторов. Вредные химические вещества – это вещества, которые при контакте с телом вызывают вредные эффекты в конкретной биологической системе, нарушают ее функции в разной степени, в том числе до смерти. Пагубное действие измеряется их токсичностью и кумуляцией. Для возникновения интоксикации в конкретном организме большое значение имеют пол, возраст, общее состояние организма, состояние внутреннего метаболизма, ранее существовавшие и сопутствующие заболевания. Количественная оценка токсической опасности соединения производится на основе следующих показателей: отторжение, устойчивость к токсическому веществу, степень использования, токсичность, способность проникать в организм, наличие поздних эффектов, отношение числа жертв к числу умерших.

Опасные химические вещества на рабочем месте подразделяются на три категории: физические опасности, опасности для здоровья и опасности для окружающей среды.

Под воздействием химические вещества могут быть разделены на поступление в организм человека при вдыхании, проглатывании или кожном контакте. Вдыхание и воздействие на кожу являются основными путями воздействия опасных веществ на рабочем месте.

По типу воздействия на здоровье ядовитые химические вещества можно разделить на вызывающие местные или сложные последствия для здоровья. В месте контакта с телом появляются местные эффекты, такие как раздражение кожи или глаз.

При сложных эффектах системные эффекты возникают в месте, удалённом от пути проникновения химических веществ, таких как повреждение печени или почек. Результирующий эффект для здоровья может быть острым или хроническим. Острые эффекты возникают через короткое время и при сильном воздействии вредного фактора.

По типу воздействия на здоровье ядовитые химические вещества можно разделить на вызывающие местные или сложные последствия для здоровья. В месте контакта с телом появляются местные эффекты, такие как раздражение кожи или глаз.

При сложных эффектах системные эффекты возникают в месте, удалённом от пути проникновения химических веществ, таких как повреждение печени или почек. Результирующий эффект для здоровья может быть острым или хроническим. Острые эффекты возникают через короткое время и при сильном воздействии вредного фактора. Хронический эффект проявляется во временных расстояниях, замедленном воздействии на здоровье и длительном воздействии вредного химического вещества.

Воздействие химических веществ на здоровье может быть обратимым или необратимым.

По механизму токсического действия химические вещества подразделяются на раздражители, сенсибилизаторы, генотоксины, канцерогены, мутагены, тератогены, репродуктивные токсины.

Химические вещества, присутствующие в рабочей среде, также могут оказывать комбинированное воздействие на организм через совместное действие, синергизм, антагонистическое действие и независимое действие.

Аддитивное действие – это комбинированное действие, равное сумме одностороннего и одновременно-го воздействия отдельных химических веществ. Они влияют на одни и те же системы организма.

Синергетический тип действия – это комбинированное действие, которое превышает сумму отдельных воздействий веществ (например, хлорированных углеводородов и спиртов, дымящих и раздражающих газов, асбеста и цемента).

Усиление воздействия химического вещества представляет собой процесс, в котором присутствие одного вещества усиливает токсичность другого вещества при сопутствующем воздействии. Примером синергии является действие сероводорода в смеси с углеводородами, монооксидом углерода в присутствии оксида азота, анилина в присутствии спиртов и тому подобного.

Антагонистический эффект приводит к меньшему проявлению, чем ожидалось (например, антидоты, кадмий и цинк, рутений и селен).

В независимой операции компоненты смеси действуют по-разному на различные органы и системы, не связанные друг с другом. Эффект наиболее токсичного вещества является преобладающим. Комбинации химических веществ с независимым действием очень часто встречаются в рабочей среде, например, бензол и галоген-углеводороды, продукты сгорания и др.

Принимая во внимание совокупный эффект химических веществ имеет первостепенное значение при оценке риска на рабочем месте, а также доказательство профессионального характера определённых заболеваний.

Воздействие на рабочем месте происходит во время работы и может поставить работника под угрозу. Воздействие высоких концентраций опасных химических веществ на рабочем месте влияет на здоровье работников. Отдельные работники и потребители не могут самостоятельно защитить себя от химических опасностей, создаваемых современной промышленностью. Регулирование безопасности имеет важное значение.

В современной промышленности нет способа устранить химические вещества, но законодательство Европейского союза является чрезвычайно подробным и всеобъемлющим для сведения к минимуму вредного воздействия на здоровье работников.

Первые европейские директивы по безопасности и гигиене труда были приняты на основе общих положений о гармонизации рынка. Примеры включают Директиву 77/576/ЕЕС о согласовании национальных законов о функциях безопасности на рабочем месте и Директиве 78/610/ЕЕС [9] о согласовании пределов профессионального облучения винилхлоридных мономеров.

Единый европейский закон 1987 года [26] ввёл новое правовое положение о социальной политике, направленное на «улучшение, особенно условий труда, здоровья и безопасности работников». Это подчёркивает важность безопасных условий труда. Кроме того, в положениях новой главы по социальным вопросам Европейская комиссия должна содействовать социальному диалогу между работодателями и представителями трудящихся.

Законодательство обязывает работодателей защищать работников от воздействия вредных воздействий на рабочем месте. Это включает в себя оценку риска и предотвращение рисков, подготовку к авариям, пожарам и чрезвычайным ситуациям, информацию и подготовку работников. Кроме того, работодатели также должны включать работников, которые непосредственно участвуют в разработке политики безопасности и гигиены труда на рабочем месте.

В соответствии со статьёй 153 Договора о функционировании Европейского союза ЕС [28] имеет право принимать директивы в области безопасности и гигиены труда. Директива 89/391, Рамочная директива [8] и другие директивы по конкретным аспектам безопасности и гигиены труда являются основой европейского законодательства о безопасности и гигиене труда.

Они приводят к значительным нововведениям, включая введение термина «рабочая среда» в соответствии с Конвенцией № 10 Международной организации труда (МОТ) и определение современного подхода, учитывающего техническую безопасность и общую профилактику проблем со здоровьем. Они устанавливают равный уровень безопасности и здоровья, который принесёт пользу всем работникам в ЕС и обязателен для работодателей принять надлежащие превентивные меры, чтобы сделать работу более безопасной и здоровой.

Рамочная директива вводит принцип оценки риска в качестве важного элемента и определяет его основные элементы (идентификация опасности, участие работников, внедрение соответствующих мер для определения

приоритетности удаления риска у источника, документация и периодическая переоценка опасностей на рабочем месте).

В 2004 году Комиссия опубликовала сообщение (COM (2004) 62) [6] о практическом применении положений настоящих Директив, а именно Директивы 89/391 ЕЕС (Рамочная директива), Директивы 89/654 ЕЕС (Занятость), Директива 89/655 ЕЕС (рабочее оборудование), Директива 89/656 ЕЕС (Средства индивидуальной защиты), Директива 90/269 ЕЕС (Ручная обработка товаров) и Директива 90/270 ЕЕС (Экранное оборудование). В сообщении говорится, что есть данные о положительном влиянии законодательства ЕС на национальные стандарты безопасности и гигиены труда во всех государствах-членах.

Постановление ЕС о регистрации, оценке, разрешении и ограничении химических веществ (REACH) [24] вступает в силу 1 июня 2007 года. Он был принят для лучшей защиты населения и окружающей среды от рисков, связанных с использованием химических веществ, и повышения конкурентоспособности европейской химической промышленности.

REACH распространяется на все химические вещества, используемые в промышленных процессах, а также на вещества, используемые ежедневно. Регулирование оказывает влияние на большинство компаний в ЕС.

Согласно REACH, бремя доказательства воздействия химического вещества на человека и окружающую среду лежит на компаниях. Чтобы соответствовать требованиям Регламента, они должны идентифицировать и управлять рисками, связанными с веществами, которые они производят и продают в ЕС.

REACH устанавливает процедуры сбора и оценки информации о свойствах веществ и связанных с ними опасностях. Все производители химических веществ обязаны регистрировать свои вещества.

Европейское агентство по химическим веществам (ECHA) получает и оценивает индивидуальные регистрации в отношении их воздействия на здоровье человека и окружающую среду. Компетентные органы и научные комитеты ECHA оценивают, можно ли управлять рисками веществ.

Регламент REACH влияет на широкий круг компаний во многих секторах. Большинство компаний используют химикаты, иногда даже не осознавая этого. Это положение и связанные с ним обязанности по оценке риска заражения вредными химическими веществами и управлению ими в рабочей среде являются особенно ценными.

Европейское законодательство и, соответственно, законодательство Республики Болгария предусматривают, что целью контроля над химическими агентами в рабочей среде является определение риска (вероятность вреда, причиняемого их воздействием на организм человека), и определение мер по его сокращению или ликвидации.

Профессиональное воздействие относится к определённым пределам допустимой концентрации опасных веществ на рабочем месте для конкретного материала. Профессиональное воздействие химических веществ может привести к нарушениям, которые оказывают большое влияние на здоровье человека. Неконтролируемость связанных с этим рисков приводит к снижению состояния здоровья рабочей силы и к нанесению ущерба работодателям от сокращения производительности и увеличению числа случаев судебных разбирательств и претензий со стороны работников.

Классификация веществ в одной или нескольких категориях опасности должна основываться на их физико-химических, токсикологических и экотоксикологических свойствах. Одной из наиболее важных задач для работодателей является определение опасных химических веществ на каждом рабочем месте и изготовление информационных карт. Проблемы изучения химических факторов и их воздействия – это, с одной стороны, их разнообразие, с другой стороны, их нормализация, а третье – то, как они доказывают своё влияние после того, как они попадают в организм.

Реестр химических рефератов (CAS) содержит более 144 миллионов химических веществ, каждый из которых имеет уникальный номер. Количество произведённых химических веществ и их дополнение к регистру указывает на трудность принятия профилактических мер на рабочем месте, поскольку первые 10 000 000 веществ зарегистрированы в течение 15 лет, и за последние два года было зарегистрировано только более 75 000 000 веществ. В дополнение к самой полной химической базе данных и систематизированной информации, CAS также предлагает несколько инструментов для поиска, классификации и оценки как химических веществ и смесей, так и научной информации, доступной на веб-сайте организации – www.cas.org.

Это огромное количество синтезированных химических веществ также приводит к трудностям в оценке риска профессиональных заболеваний, в частности, путем кумуляции эффектов более чем одного химического вещества химическое вещество.

Информация о химических веществах, их свойствах и их влияния на здоровье человека и окружающую среду могут быть найдены из различных источников, в том числе научно-исследовательских баз данных производителей, официальных документов или пользовательских оценок.

При оценке рабочих места рисков, связанных с использованием химических веществ, может быть использованы все средства Международной программы по химической безопасности (IPCS), созданной в 1980 году является совместной программой три сотрудничающих организаций (Всемирная организация здравоохранения, Программа МОТ, Агентства Организации Объединённых Наций по окружающей среде), которая осуществляет деятельность в области химической безопасности.

IPCS проводит химические оценки, призванные обеспечить научно обоснованное описание рисков химических воздействий. Эти описания являются общедоступными и могут использоваться для принятия превентивных мер против неблагоприятного воздействия на здоровье и окружающую среду. Экологические критерии здоровья создаются для предоставления информации о воздействии химических веществ или комбинаций

химических веществ и физических и биологических агентов на здоровье человека и окружающую среду. Каждый критерий даёт информацию для идентификации химического вещества, источников воздействия, частоты и возможных эффектов, уровней в окружающей среде, приемлемого воздействия на человека, кинетики и метаболизма у лабораторных животных и человека. Доступно по адресу: www.who.int/ipcs/publications/ehc/ehc_numerical/en/index.html.

Другим источником информации о свойствах и воздействии химических веществ является eChemPortal, который обеспечивает свободный доступ, поиск химического имени или номер CAS. Это база данных свойств существующих химических веществ, которая обычно доступна и предоставляется бесплатно. Этот глобальный информационный портал обеспечивает быструю и надёжную информацию о свойствах, опасностях и рисках химических веществ. eChemPortal является достижением Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при содействии Европейской комиссии, Соединённых Штатов, Японии, Канады, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Международной программы химической безопасности (МПХБ), Программы Организации Объединённых Наций по окружающей среде (ЮНЕП), Консультативный комитет по бизнесу и промышленности (BIAC), Совет международных химических ассоциаций (ICCA) и экологические НПО.

На практике также используются руководства по охране здоровья и безопасности (HSG), которые предоставляют краткую нетехническую информацию для лиц, ответственных за принятие решений, по рискам химических рисков, а также практические рекомендации по медицинским и административным вопросам. Копии HSG доступны по адресу www.inchem.org/pages/hsg.html.

CICAD могут использоваться в качестве источника информации о химическом вреде на рабочем месте. Они направлены на то, чтобы охарактеризовать опасность и причину воздействия химических веществ и представить примеры оценки воздействия и характеристики риска для их применения. Они суммируют информацию, которая считается достаточно важной для оценки рисков, достаточно подробно, чтобы обеспечить независимую оценку, но являются краткой и не дублируют всю имеющуюся информацию о конкретном химическом веществе. Копии CICAD можно найти по адресу: www.who.int/ipcs/publications/cicad/en/.

Одной из основных мероприятий ВОЗ и МОТ по сокращению химического вреда является подготовка Международной карты химической безопасности (КМГС), в которой содержится важная информация о здоровье и безопасности химических веществ в целях содействия их безопасному использованию. Они используются сотрудниками на заводах, в сельском хозяйстве, строительстве и других работах и часто являются частью образовательной и учебной деятельности. КМГС предоставляют информацию о внутренних опасностях конкретных химических веществ вместе с мерами первой помощи и пожаротушения и информацией о мерах предосторожности при утечке, удалении, хранении, упаковке, маркировке и транспортировке.

Информация может также использоваться исследованиями и базами данных Международного агентства по исследованию рака (IARC). IARC определяет факторы окружающей среды, которые могут увеличить риск развития рака человека. К ним относятся химикаты, сложные смеси, профессиональные воздействия, физические и биологические агенты и факторы образа жизни. Национальные учреждения здравоохранения используют эту информацию в качестве научной поддержки своих действий для предотвращения воздействия потенциальных канцерогенов. Междисциплинарные рабочие группы экспертов изучают опубликованные исследования и оценивают бремя доказательств того, что агент может увеличить риск развития рака. С 1971 года было оценено более 900 агентов, из которых примерно 400 были идентифицированы как канцерогены или потенциально канцерогенные для человека. Это можно найти по адресу <http://monographs.iarc.fr/>.

Надёжная информация в оценке риска химических агентов также может быть найдена в базе данных СИДС. Они ориентированы на разработку тестовых данных для примерно 600 крупных химических реактивов большого объёма (ВПЧ), характеризующихся отрицательным риском. В системе имеются данные о физико-химических свойствах, результатах испытаний на воздействие окружающей среды, результатах воздействия на окружающую среду, о влиянии на здоровье. Это можно найти по адресу <http://www.inchem.org/pages/sids.html>.

Бюро химических веществ ЕК предлагает информацию об утверждённых и запрещённых веществах и оценке рисков по адресу http://ec.europa.eu/enterprise/chemicals/legislation/markrestr/index_en.htm.

Сбор информации о конкретных химических веществах и их воздействии на рабочую среду и здоровье работников должен быть частью передового опыта описания любого рабочего места, потенциально химически опасного для здоровья работников. Большое значение имеет долгосрочный контакт каждого работника с различными химическими веществами, поскольку могут возникать болезни от кумулятивного воздействия различных химических факторов.

В нынешних условиях лёгкого доступа к информации, оцифровке и глобализации крайне важно создавать передовые методы для оценки и защиты рисков на основе науки для каждого конкретного рабочего места и каждого отдельного работника.

Рабочие в отношении вредных химических веществ, должны быть информированы, подготовлены и защищены законодательными, административными и техническими мерами. По данным ВОЗ в 2016 году в мире насчитывается 4,5 миллиона случаев смерти, связанных с профессиональной и непрофессиональной воздействия химических веществ. Воздействие химических веществ в рабочей среде имеет решающее значение для развития многих профессиональных заболеваний. Список профессиональных заболеваний, в основном вызванных химическими веществами, периодически пересматривается на международном трёхстороннем форуме экспертов.

По данным Международной организации труда [13] предоставлять информацию, что воздействие вредных химических факторов является более распространённым и длительным воздействием при низкой

квалификации работников. При рассмотрении дела с традиционным использованием химических веществ, такими как химические, нефтехимические, горнодобывающая промышленность, строительстве и сельское хозяйство, меры контроля строго регламентированы и требуют административной проверки на соответствие. Защита должна учитывать все виды деятельности работников, которые могут вступить в контакт с вредным веществом – производство, хранение, транспортировка, уничтожение, ремонт объектов и т.д. Частными случаями являются случаи, когда вредные химические факторы сильно недооцениваются и неопределённые. Например, при работе с копировальными аппаратами в офисах [11, 12, 17, 22], работа в парикмахерских [3, 4, 16, 18] уборка зданий [1, 2, 20], утилизация отходов [14, 21, 27], в заведениях общественного питания [25, 30] Новые методы также должны обеспечивать оценку воздействия на окружающую среду.

В реальной рабочей среде концентрация определённых веществ контролируется измерениями и контролируется не превышать MRL. Другие потенциально опасные свойства веществ очень редко принимаются во внимание. Подход к решению проблемы вредного воздействия отдельных веществ без учёта кумулятивного эффекта в целом не может полностью защитить здоровье рабочего.

Физические факторы также учитываются при определении вредного воздействия химических веществ, поскольку их свойства зависят от температуры, давления, влажности и т. д. Наиболее распространённым способом воздействия является вдыхание воздуха, загрязнённого опасными веществами. Летучие жидкости создают высокие концентрации в атмосфере даже при комнатной температуре. Даже низколетучие вещества могут быть опасны в аэрозольной форме [10] Такими, например, являются растворители [19], краски [15], адгезивы, используемые в строительстве. Поэтому обращение с ними в закрытых, отапливаемых помещениях может вызвать повреждение центральной нервной системы – головокружение, тошнота и т.д. Твёрдые материалы в тонкодисперсном состоянии также опасны для здоровья рабочего [23].

Многие промышленные процессы создают загрязнители, которые опасны для здоровья. Они могут быть сгенерированы путем сжигания, механического истирания (измельчения, шлифовки, резки) или других процессов, которые физически или химически разрушают исходный материал. Процесс создания загрязняющих веществ иногда трудно идентифицировать, и часто нет данных по безопасности, чтобы помочь в процессе оценки риска. Существует неотложная реакция на внедрение новых химических веществ в рабочую среду – поиск информации о влиянии на здоровье человека и принятие защитных мер, даже если это явно не требуется законом.

Основываясь на исследованиях многих материалов ЕС по оценке рисков, научных работах и передовой практике, а также на основе законодательства ЕС, мы считаем, что наилучшие результаты в области профилактики здоровья от химических факторов рабочей среды достигаются путем применения следующей схемы:

1) Идентификация доступных вредных веществ */Перечислите опасные вещества, используемые на рабочем месте, и вещества, создаваемые рабочими процессами. Это должно включать сырье, промежуточные продукты и конечные продукты и вещества, генерируемые технологическим процессом.*

2) Классификация по типу и степени опасности. *Более жёсткие правила применяются к канцерогенам или мутагенам.*

3) Группировка веществ в действии и поиск кумулятивного эффекта. *Комбинированное воздействие веществ и комбинированных эффектов (пожароопасность вблизи легковоспламеняющихся веществ, серьёзная физическая работа, которая может увеличить потребление химических веществ, влажную среду, которая может увеличить воздействие химических веществ на кожу, работать в закрытых помещениях или в определённых климатических условиях условия и т. д.).*

4) Оценка риска для каждой конкретной позиции. *Включает работников, непосредственно вовлечённых в процесс и других работников. Особое внимание следует уделять группам работников, которые могут быть подвержены повышенному риску, например, молодых работников, беременных и кормящих женщин, мигрантов, неподготовленных или неопытного персонала. Оценка должна включать обработку, транспортные задачи, управление отходами и хранение. Комбинированное воздействие веществ и комбинированные эффекты (опасность пожара в непосредственной близости от горючих веществ, тяжёлой физической работы, которая может увеличить потребление химических веществ, в форсированном режиме, что может увеличить эффект химических веществ на коже, работа в замкнутых пространствах или в определённых климатических условиях).*

5) Разработка карточек информации о рисках и соответствующих мер предосторожности.

6) Разработка системы инженерного контроля экспозиции.

7) Разработка строгих административных правил для соблюдения процедур безопасности и охраны труда. Стратегии контроля воздействия должны основываться на принципах хорошей практики гигиены труда и иерархии контроля.

8) Разработка правил действий при авариях и несчастных случаях.

9) Обучение работников.

10) Постоянный мониторинг уровней воздействия.

11) Периодический мониторинг здоровья работников.

12) Расследование и отчётность о несчастных случаях на производстве и вновь выявленных профессиональных заболеваниях.

13) Сбор, обработка и использование контрольных данных для оценки риска и улучшения условий работы.

Иерархия контролирует химические вещества в рабочей среде и устанавливает их в порядке контроля

экспозиции. Способность контролировать различные способы контроля, такие как принципы практики ужасов. Как определено в статье 6.2 Директив по химическим веществам [5].

Согласно Директиве, наиболее предпочтительным вариантом является полное устранение опасности, за которой следует замена менее опасным материалом. В иерархии в порядке надёжности перечислены различные инженерные, процедурные и контрольные решения на основе средств индивидуальной защиты (СИЗ), и общий принцип заключается в обеспечении контроля выбросов в источнике по сравнению с мерами, наиболее близкими к работнику, существуют разные варианты этой иерархии, но общим элементом является включение принципа STOP (замена вещества или процесса, технический контроль, организационные меры, персонал/СИЗ). На самом деле, необычная для одной меры управления практичность и эффективность, и набор элементов управления, используемых в комбинации, обычно предлагает наилучшее решение. Управляющая иерархия применяется в равной степени ко всем маршрутам воздействия.

Процесс оценки рисков и управления использованием химических веществ на рабочем месте является сложным, интенсивным и требует времени. Для каждой конкретной организации и каждого конкретного рабочего места может быть разработана соответствующая конкретная схема для использования компьютерного моделирования.

Вывод:

Защита рабочих от вредных химических факторов в рабочей среде является одним из приоритетов Европейского Союза и его структур. Это ясно видно при рассмотрении задач «Европа 2020», где Европейское агентство по безопасности и гигиене труда (EC-OSHA) определяет основные приоритетные области безопасности и гигиены труда (БГТ) Европа выполнит свои целевые задачи на 2020 год.

Определённые приоритеты основаны на четырех основных темах:

- 1) демографические изменения;
- 2) глобализация и меняющийся мир труда;
- 3) безопасные новые технологии;
- 4) новое или увеличивающееся воздействие химических и биологических агентов на рабочем месте.

Приоритизация позволит улучшить координацию исследовательской деятельности и более эффективное распределение ресурсов в предстоящие годы. Это имеет первостепенное значение, поскольку помогает превратить исследования по охране труда в практические и доступные решения на работе, которые будут влиять на безопасность и здоровье работников.

В связи с воздействием химических и биологических агентов несчастных случаев со смертельным исходом снижение, однако смертей в результате профессиональных заболеваний увеличиваются. Разработка инновационных продуктов и материалов, а также переход к эффективным с точки зрения использования ресурсов экономики привело к появлению новых технологий, которые создают новые проблемы для БГТ. Рабочие подвергаются воздействию большего числа биологических и химических агентов, ответственных за эндокринных нарушений, новые технологии (например, нанотехнологии) в сочетании или смешанного воздействия опасных веществ. Необходимы более совершенные методы для обнаружения и идентификации в целях обеспечения безопасного использования химических агентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdulqadir M. Suleiman, Kristin V.H. Svendsen, Effectuality of Cleaning Workers' Training and Cleaning Enterprises' Chemical Health Hazard Risk Profiling, Safety and Health at Work, Volume 6, Issue 4, December 2015, pp 345-352.
2. Bauer A., Contact dermatitis in the cleaning industry, Curr Opin Allergy Clin Immunol, 13 (2013), pp. 521-524
3. Bjørge Eli, Hollund, Bente E. Moen, Chemical exposure in hairdresser salons: Effect of local exhaust ventilation, The Annals of Occupational Hygiene, Volume 42, Issue 4, May 1998, Pages 277-281
4. Carsten Goebel, Thomas L. Diepgen, Brunhilde Blömeke, Anthony A. Gaspari, Axel Schnuch, Anne Fuchs, Kordula Schlotmann, Maya Krasteva, Ian Kimberl, Skin sensitization quantitative risk assessment for occupational exposure of hairdressers to hair dye ingredients, Regulatory Toxicology and Pharmacology, Volume 95, June 2018, Pages 124-132.
5. COMMISSION DIRECTIVE 2000/39/EC of 8 June 2000, establishing a first list of indicative occupational exposure limit values in implementation of Council Directive 98/24/EC on the protection of the health and safety of workers from the risks related to chemical agents at work, (OJ L 142 16.6.2000, p. 47
6. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions on the practical implementation of the provisions of the Health and Safety at Work Directives 89/391 (Framework), 89/654 (Workplaces), 89/655 (Work Equipment), 89/656 (Personal Protective Equipment), 90/269 (Manual Handling of Loads) and 90/270 (Display Screen Equipment), COM/2004/0062 final
7. CONVENTION CONCERNING Occupational Safety and Health and the Working Environment No. 155 (Entry into force: 11 Aug 1983 Adoption: Geneva, 67th ILC session (22 Jun 1981) – Status: Up-to-date instrument (Technical Convention)
8. COUNCIL DIRECTIVE 89/391/EEC of 12 June 1989 on the introduction of measures to encourage improvements in the safety and health of workers at work Official Journal L 183 , 29/06/1989 P. 0001 – 0008
9. COUNCIL DIRECTIVE of 29 June 1978 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States on the protection of the health of workers exposed to vinyl chloride monomer (78/610/EEC)
10. Dash A.K., R. N. Barik, Health hazards of some volatile organic compounds and a correlation between benzene and toluene, Pollution Research 31(3):333-336, January 2012
11. G. Roller, "Quantitative risk assessment for the exposure to toner emissions from copiers", Gefahrstoffe – Reinhaltung der Luft Air Quality Control, vol. 5, pp. 211-216, May 2006.

12. Heidi Salonen, Tunga Salthammer, Lidia Morawska, An assessment of ozone levels, UV radiation and their occupational health hazard estimation during photocopying operation, Journal of Hazardous Materials, Volume 275, 30 June 2014, Pages 55-62
13. https://www.ilo.org/ilostat/faces/wcnav_defaultSelection?_adf.ctrl-state=zbqr3el9k_9&_afLoop=782817839819496&_afWindowMode=0&_afWindowId=zbqr3el9k_6#!%40%40%3F_afWindowId%3Dzbqr3el9k_6%26_afLoop%3D782817839819496%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dvnyht2oqc_4
14. Hu, S.W., Shy, C.M., 2001. Health effects of waste incineration: a review of epidemiologic studies. Journal of the Air & Waste Management Association 51 (7), 1100-1109
15. Hugo M. de Oliveira, Gracilene P. Dagostim, Arielle Mota da Silva, Priscila Tavares, Luiz A. Z. C. da Rosa, and Vanessa M. de Andrade, Occupational risk assessment of paint industry workers, Indian J Occup Environ Med. 2011 May-Aug; 15(2): 52-58. doi: 10.4103/0019-5278.90374
16. Kersemaekers WM, Verheijen N, Kromhout H, Roeleveld N, Zielhuis GA. Assessment of exposure to solvents among hairdressers: reliability of a classification scheme and questionnaire. Occup Environ Med 1998; 55: 37-42
17. Kiurski S, Jelena, Kecić S, Vesna, Oros B, Ivana, Ranogajec G, Jonjaua, Ammonia Release during Photocopying Operations, World Academy of Science, Engineering and Technology International Journal of Environmental, Chemical, Ecological, Geological and Geophysical Engineering Vol:8, No:4, 2014
18. M.A.BAKE, D.VAISLA, P.SUDMALIS, Chemical risk for hairdressers, Institute of Occupational and Environmental Health, 16 Dzirciema str., Riga, LV-1007, Latvia
19. Marek Tobiszewski, Jacek Namieśnik, Scoring of solvents used in analytical laboratories by their toxicological and exposure hazards, Ecotoxicology and Environmental Safety, Volume 120, October 2015, Pages 169-173
20. Markkanen, M. Quinn, C. Galligan, S. Sama, N. Brouillette, D. Okyere, Characterizing the nature of home care work and occupational hazards: a developmental intervention study, Am J Ind Med, 57 (2014), pp. 445-457
21. Marth, E., Reinthaler, F., Schaffler, K., Jelovcan, S., Haselbacher, S., Eibel, U., Kleinhapfl, B., 1997. Occupational health risks to employees of waste treatment facilities. Annals of Agricultural and Environmental Medicine 4 (1), 143-147
22. Mathias Könczöl, Adilka Weiß, Richard Gminski, Irmgard Merfort, Volker Mersch-Sundermann, Oxidative stress and inflammatory response to printer toner particles in human epithelial A549 lung cells, Toxicology Letters, Volume 216, Issues 2-3, 4 February 2013, Pages 171-180
23. Monisha Jaishankar, Tenzin Tseten, Naresh Anbalagan, Blessy B. Mathew, Krishnamurthy N. Beeregowda, Toxicity, mechanism and health effects of some heavy metals, Interdiscip Toxicol. 2014 Jun; 7(2): 60-72.
24. REGULATION (EC) No 1907/2006 of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemicals (REACH), establishing a European Chemicals Agency, amending Directive 1999/45/EC and repealing Council Regulation (EEC) No 793/93 and Commission Regulation (EC) No 1488/94 as well as Council Directive 76/769/EEC and Commission Directives 91/155/EEC, 93/67/EEC, 93/105/EC and 2000/21/EC OJ L 396, 30.12.2006
25. Singh Amarnath, R. Kamal, C. Nair Kesavachandran, Assessing hazardous risks of indoor airborne polycyclic aromatic hydrocarbons in the kitchen and its association with lung functions and urinary PAH metabolites in kitchen workers, Clinica Chimica Acta 452, November 2015, DOI: 10.1016/j.cca.2015.11.020/
26. SINGLE EUROPEAN ACT OJ L 169, 29.6.1987, p. 1-28
27. Torben Sigsgaard, Health hazards to waste management workers in Denmark, Boden- und Luftthygiene 104:563-8, February 1999.
28. Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01
29. Wen-Tien Tsai, An overview of health hazards of volatile organic compounds regulated as indoor air pollutants, Reviews on environmental health December 2018, DOI: 10.1515/reveh-2018-0046
30. Workplace Health and Safety Queensland, Department of Justice and Attorney-General Information guide: Cafe and restaurant industry – Hazard Identification checklist PN10196 Version 3 Last updated January 2014.

Материал поступил в редакцию 28.01.19.

EUROPEAN LEGISLATION IN THE FIELD OF MEASUREMENT AND CONTROL OF CHEMICAL AGENTS IN THE WORKING ENVIRONMENT, ACCESSIBLE DATABASES AND SAMPLE SCHEME FOR RISK ASSESSMENT FOR WORKERS

Ts.V. Ivanova¹, M.G. Yancheva-Stoycheva²

¹ PhD Student, ² PhD, Associate Professor
Faculty of Public Health
Medical University – Sofia, Bulgaria

Abstract. Workers around the world are exposed to harmful chemical factors in the working process. Chemicals have various toxic effects on the human body. An important task is to identify and eliminate these dangers. Ensuring healthy and safe working conditions is one of the main objectives of the European Union labour legislation and a number of directives and regulations have been adopted in this area, some of which are presented in this study. Preventing the harmful effects of chemical agents is the task of employers and they often face difficulties in identifying the hazards and their effects on the body and the environment. This review article lists some of the largest publicly available databases that can be used and provides a comprehensive scheme for assessing the risk of chemical factors.

Keywords: health and safety at work, chemical factors of the working environment, risk assessment.

УДК 617-089.844

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРОМБОЦИТОВ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕЧЕНИИ ДЕФЕКТОВ КОСТНОЙ ТКАНИ

М.С. Макаров, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
ГБУЗ НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения г. Москвы, Россия

***Аннотация.** В статье описана роль тромбоцитов человека в стимуляции репарации и регенерации костной ткани, рассматриваются способы доклинической обработки тромбоцитов, подходы к изготовлению костных биотрансплантатов, обогащённых тромбоцитами и их компонентами.*

***Ключевые слова:** тромбоциты, остеогенез, факторы роста, дифференцировка, адгезия*

Успешность реконструктивных операций на опорно-двигательном аппарате во многом зависит от возможности стимулировать процессы регенерации костной ткани. Рост кости в области дефекта определяется такими факторами как интенсивность ангиогенеза, миграция и пролиферация клеток, а также их дальнейшая дифференцировка в нужном направлении [7, 15, 22]. Для этих целей очень ценным материалом может выступать богатая тромбоцитами плазма (БТП), полученная из собственной крови пациентов или крови доноров [8-10, 28, 35]. Исследование репаративной роли тромбоцитов человека активно ведётся в течение последних 20 лет, однако до сих пор многие аспекты использования тромбоцитов остаются неясными [17, 22, 27-30]. Во многом это обусловлено тем, что тромбоциты представляют собой уникальные полифункциональные клетки, которые обладают как физиологическим, так и патофизиологическим действием [1, 2]. Поэтому использование БТП в репарации кости требует рассмотрения очень многих аспектов.

Биологическая роль БТП в стимуляции остеогенеза

Тромбоциты содержат огромное количество биологически активных веществ [2, 33, 40], многие из которых играют большую роль в запуске остеогенеза. К ним относятся тромбоцитарный фактор роста (PDGF), фактор роста фибробластов (FGF), трансформирующий фактор роста (TGF- β 1), инсулиноподобный фактор роста (IGF-1), факторы роста сосудов и эндотелия (VEGF, VGF), белки, облегчающие адгезию к коллагену (фибронектин и витронектин) [2, 9, 51]. Перечисленные факторы стимулируют пролиферацию, миграцию и дифференцировку по остеогенному пути мезенхимальных стволовых клеток *in vitro*, стимулируют рост остеобластов и синтез ими межклеточного матрикса [12-14, 24, 44]; кроме того, TGF- β 1 подавляет активность остеокластов, предотвращая резорбцию регенерирующей кости [13, 15]. С другой стороны, тромбоциты содержат также большое количество про-воспалительных цитокинов (IL-1, IL-6, TNF- α), которые вызывают ингибирование остеогенеза [15, 24, 40]. Под действием IL-1, IL-6, TNF- α снижается миграционная активность остеобластов и хондробластов, высокие дозы этих факторов вызывают апоптоз клеток и расщепление матрикса костной ткани, что можно наблюдать как в культуре клеток *in vitro* [19], так и при различных заболеваниях (остеоартрит, остеохондроз, альвеолит после экстракции зуба) [16-18, 28, 54]. Считается, что роль про-воспалительных цитокинов в процессе репарации кости является регуляторной, однако их избыток может значительно затруднять лечение с применением компонентов БТП. В связи с этим встаёт вопрос о подборе адекватной дозы БТП. Многие исследователи считают, что для эффективной репарации кости человека концентрация тромбоцитов используемой БТП должна составлять не менее 10^6 /мл, а общий объем – не менее 3-5 мл, особенно при лечении обширных дефектов [25, 26, 35, 50]. При этом часто не учитывается реальное содержание в БТП биологически активных веществ, хотя известно, что клетки человека, в т.ч. остеобласты, теряют свою жизнеспособность в условиях избытка факторов роста и дифференцировки. Так, TGF- β 1 в норме способствует трансформации мезенхимальных стволовых клеток в остеобласты, активируя остеогенез в области повреждения костной ткани, однако высокие дозы этого фактора приводят к прямо противоположному эффекту [27]. Сходный эффект оказывает TNF- α , препятствующий патологической трансформации клеток: при низких концентрациях (до 50 нг/мл) TNF- α наблюдается рост кости, при высоких (свыше 100 нг/мл) – происходит массовая гибель остеобластов и хондробластов [23]. Проведённый нами анализ показывает, что содержание ростовых и прочих факторов в тромбоцитах циркулирующей крови может отличаться в 5 и более раз даже у здоровых людей [3-6], у многих пациентов содержание биологически активных тромбоцитов бывает заметно снижено. Таким образом, единый стандартный объем БТП далеко не всегда может давать адекватный клинический эффект. Есть мнение, что для стимуляции остеогенеза БТП, полученная из крови доноров, является более предпочтительной по сравнению с аутологичной БТП [25, 35]; но в любом случае для эффективного использования БТП необходима предварительная оценка качества клеток в ее составе. Для решения этой задачи часто применяют методы иммуноферментного анализа с целью оценки концентрации тех или иных компонентов тромбоцитов [9-12], однако при этом не учитывается качество исходных тромбоцитов БТП. В связи с этим эффективным представляется использование предложенного нами метода оценки морфофункционального статуса тромбоцитов [3], который

позволяет оценить структуру и функции тромбоцитов, а также их взаимодействие с субстратом. Такой подход делает возможным оптимизировать подбор дозы БоТП.

Необходимость активации БоТП перед клиническим использованием

В тромбоцитах факторы репарации и регенерации изначально находятся в составе секреторных везикул (гранул) и *in vivo* выделяются лишь при активации тромбоцитов. Структурные особенности делают тромбоциты клетками «одноразового» действия (т.е. после выброса гранул тромбоцит уже не способен синтезировать их заново). При активации систем гемостаза выброс всех гранул из тромбоцита происходит в течение очень короткого времени [2, 51]. Активация тромбоцитов может быть вызвана самыми разными способами [33]; вместе с тем, тромбоциты могут оставаться интактными в течение длительного времени, постепенно разрушаясь и не выделяя биологически активных веществ [3, 4]. Установлено, что тромбоциты человека крайне слабо адгезируют на поверхности кости, даже после ее деминерализации [6]. Таким образом, в ходе инъекции исходной, неактивированной БоТП внутрь костного дефекта велик риск того, что биологический потенциал тромбоцитов не будет реализован. Это неоднократно подтверждено в клинической практике, когда при введении БоТП в зоны повреждения кости (кортикальной или губчатой) стимуляция репарации полностью отсутствовала [27-29]. Обычно секрецию биологически активных веществ из тромбоцитов БоТП стимулируют индуктором коагуляции. Чаще всего для этой цели используют тромбин или хлорид кальция, при этом считается, что активация кальцием в большей степени способствует сохранению факторов тромбоцитов в составе образующегося тромбофибринового сгустка, нежели активация тромбином [20]. Полученный в результате активации БоТП сгусток имеет гелеобразную консистенцию, поэтому в литературе активированную БоТП часто называют «тромбоцитарный гель» [8]. Показано, что БоТП в виде геля эффективно стимулирует остеогенез в зубных альвеолах после экстракции зуба, при переломах челюстных костей, ускоряет рост кости при диабетических переломах, может быть использован при диабетической остеоартропатии и других дефектах губчатой кости [11-14, 26-30]. Считается, что тромбоцитарный гель сохраняет свой регенераторный потенциал не более 7 суток [14, 32]. В связи с этим ряд исследователей предлагает наполнять тромбоцитарный гель микрофрагментами ауто- или ксено-кости, а также изделиями на основе фосфата кальция для повышения адсорбции факторов, выделенных тромбоцитами [32-36]. Наполнение тромбоцитарного геля структурами, имитирующими кость, а также стромальными клетками костного мозга повышает скорость регенерации кости при остеонекрозе челюсти и суставов, при переломах берцовых костей [10, 14, 35, 46]. Показано, что подложка на основе БоТП и 3-кальций фосфата является адгезивно привлекательно для мезенхимальных стволовых клеток, стимулирует их миграцию и остеобластную дифференцировку как *in vitro*, так и *in vivo* [20, 39, 42, 53]. Идея насыщения тромбоцитарного геля дополнительными цитокинами и факторами дифференцировки часто обсуждается [25, 35-37], однако у исследователей нет единого мнения об адекватном количестве этих факторов, необходимом для введения в БоТП. Так, избыток TGF- β 1 может привести к обширным воспалительным реакциям, резко подавляет активность остеокальцина (фактор связывания кальция) [20], т.е. действие TGF- β 1 в данном случае сходно с действием TNF- α , хотя в норме эти факторы являются антагонистами. Стоит особо отметить, что наличие в составе БоТП лейкоцитов заметно снижает репаративный потенциал тромбоцитов и, более того, может угнетать рост кости [21]. Неоднократно показано, что при взаимодействии с лейкоцитами, тромбоциты человека способны переходить в активированное состояние в условиях патофизиологических реакций (сепсис, ДВС и др.), вызывая неадекватный функциональный ответ тромбоцитов [27, 36, 47]. Поэтому большинство исследователей рекомендует использовать БоТП без лейкоцитов [8-12, 20-24]. Главным недостатком тромбоцитарного геля является неспособность выдерживать механические нагрузки, трудность предания ему четкой трёхмерной формы. Поэтому при лечении обширных повреждений кости все чаще используют комбинированные трансплантаты, содержащие биологически активные вещества БоТП.

Изготовление костных биотрансплантатов с компонентами тромбоцитов

На сегодняшний день многие остеопластические и остеоиндуктивные конструкции применяются в комбинации с БоТП или факторами, выделенными из тромбоцитов. В работах с неактивированной БоТП в качестве матрикса трансплантатов используют материалы, привлекательные для адгезии тромбоцитов. Так, биологически полноценные тромбоциты активно адгезируют на коллагеновых губках, матриксах на основе гиалуроновой кислоты и хитозана, изделиях из тетрафторэтилена и гидроксиапатита, содержащих коллаген I-го типа [36-38, 52]. Клиническое применение таких трансплантатов стимулирует регенерацию кортикальной кости, однако часто сопряжено с развитием воспалительных реакций [35]. Поэтому предлагается заключать неактивированную БоТП внутрь гелеобразных матриксов, которые после затвердевания оказываются насыщенными биологически активными веществами. Например, альгинатные и желатиновые гидрогели являются эффективными переносчиками PDGF и других ростовых факторов, секретлируемых тромбоцитами, усиливают размножение остеобластов в культуре *in vitro* и *in vivo* [12, 21, 31, 37]. Высвобождение факторов происходит по мере постепенного разрушения гидрогеля, что значительно продлевает срок их сохранности. С другой стороны, гидрогель очень медленно замещается собственной костной тканью. До сих пор аутологичная кость считается «золотым стандартом» костного трансплантата благодаря минимальной вероятности иммунного ответа и сохранности исходной трёхмерной архитектуры костной ткани [11, 49]. Однако во многих случаях использование фрагментов кости человека в комбинации с БоТП не приносило желаемого эффекта, независимо от размера дефекта [14, 47-49]. Гораздо эффективнее действует тромбоцитарный гель, совмещённый с костным деминерализованным

матриксом [39, 52]; есть данные, что материал губчатой деминерализованной кости оказывает синергетический эффект по отношению к факторам тромбоцитов [41-43]. Тем не менее, скорость заживления и остеогенеза при одних и тех же костных патологиях сильно варьирует у разных пациентов [18-21]. К причинам, ингибирующим остеогенез, здесь относят низкое содержание ростовых факторов в тромбоцитах исходной БоТП; низкий уровень приживления трансплантата; развитие воспалительной реакции под действием цитокинов, выделенных тромбоцитами [20-23, 40-45]. Компоненты тромбоцитов также используются при производстве трансплантатов, имитирующих трёхмерную кость. В качестве исходного матрикса используют 3-кальций фосфат, гидроксиапатит, биоактивное стекло [43, 45, 48-50, 55]; из этих материалов изготавливают пенообразные, пористые структуры, которые можно комбинировать как с тромбоцитарным гелем, так и с тромбоцитарным лизатом (БоТП после криодеструкции клеток при минус 20 – минус 40 °С). Такие конструкции, безусловно, являются инновационными и перспективными, однако их эффективность требует значительной проверки. Нередко трансплантаты, насыщенные большим количеством факторов БоТП, имеют такой же биологический и клинический эффект, что и аналогичные трансплантаты без БоТП [20-22, 47, 48], т.е. отсутствует вклад компонентов БоТП в репарацию костных дефектов. Это может быть связано в т.ч. с потерей факторов тромбоцитов в процессе растворения или высыхания тромбоцитарного геля. Решение этой проблемы можно достичь путем закрепления факторов тромбоцитов, или самих тромбоцитов на твёрдом субстрате еще на стадии производства трансплантата, с использованием методик стабилизации гранул внутри тромбоцитов.

Возможность совмещения БоТП с наночастицами

Дисперсные нанообъекты диаметром до 1000 нм (наночастицы) рассматриваются в качестве переносчиков веществ-индукторов остеогенеза, также ведётся активная разработка методик по использованию наночастиц в составе биологических трансплантатов [25]. Показано, что факторы роста и созревания кости, инкорпорированные внутрь наномицелл, наногелей или липосом, стимулируют остеогенез у лабораторных животных [15]. Органические наночастицы обладают высокой биосовместимостью с клетками человека *in vitro* и *in vivo*, однако имеют короткий срок жизни и низкую сохранность [5]. Поэтому для производства трансплантатов эффективнее применять наночастицы на основе неорганических материалов. Оптимальными для использования в лечении опорно-двигательного аппарата считаются наночастицы на основе гидроксиапатита кальция (нГА), которые могут быть комбинированы не только с ростовыми факторами, но и с другими наноматериалами, что позволяет получать трёхмерные импланты [11, 43, 50]. Показано, что комбинация нГА-имплантов с высокоадгезивными субстратами (хитозан, биоактивное стекло, гиалуроновая кислота) и остеогенными факторами заметно стимулирует миграцию остеобластов и мезенхимальных мультипотентных стромальных клеток, их пролиферацию и образование новой кости [44, 53, 55]. Весьма любопытно, что остеогенная дифференцировка также усиливается под действием наночастиц оксида кремния, карбоната кальция, титана и золота; последние дополнительно способны подавлять образование остеокластов (клеток, резорбирующих кость), тем самым препятствуя развитию остеопороза [9-16]. Есть данные, что наночастицы оксида кремния могут стимулировать созревание остеобластов и синтез ими межклеточного матрикса даже при полном отсутствии других факторов остеогенеза [34]. Однако надо отметить, что под действием кремниевых наночастиц *in vitro* и *in vivo* происходит спонтанная коагуляция крови, схожим эффектом обладают наночастицы титана, золота, а также других двухвалентных металлов [5, 25, 34]. Тесный контакт металлсодержащих наночастиц со структурами организма считается нежелательным. С другой стороны, некоторые наночастицы на основе металлов способны избирательно подавлять рост патогенной флоры [5]. Так, наличие в составе нГА-имплантов наночастиц серебра придаёт им выраженное антимикробное действие и снижает уровень воспаления в области тканевого дефекта [54]. Однако наносеребро может быть также использовано для насыщения трансплантатов биологически полноценными тромбоцитами. Наши исследования показывают, что в присутствии низких концентраций наносеребра адгезирующие на субстрате тромбоциты стабилизируются и сохраняют значительную часть гранул внутри цитоплазмы в течение длительного времени [4]. Такое насыщение трансплантатов тромбоцитами способно дополнительно стимулировать репаративные и регенеративные процессы при лечении дефектов кости.

Заключение

Тромбоциты человека потенциально являются очень ценным и эффективным материалом при лечении дефектов кости, однако их клиническая эффективность сильно варьирует в зависимости от способа использования БоТП, характера трансплантата, типа патологии, а также от индивидуальных свойств самого пациента. Инкорпорирование тромбоцитарных компонентов внутрь твердых матриксов позволяет значительно пролонгировать их биологический эффект, при этом сохраняется необходимость разработки селективных методик выделения и использования биологически активных веществ, секретируемых тромбоцитами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, С.А. Структура и функции тромбоцитов / С.А. Васильев, В.Л. Виноградов, З.К. Карабудагова // Гематология и трансфузиология. – 2010. – № 55 (5). – С. 4–9.
2. Мазуров, А.В. Физиология и патология тромбоцитов / А.В. Мазуров. – М., 2011.
3. Макаров, М.С. Морфофункциональный анализ тромбоцитов человека с помощью витального окрашивания / М.С. Макаров, Е.Н. Кобзева, И.В. Высочин и др. // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2013. – № 9. – С. 388–391.
4. Макаров, М.С. Морфофункциональные свойства тромбоцитов человека в условиях контакта с наночастицами серебра / М.С. Макаров, Н.В. Боровкова, М.В. Сторожева // Клеточные технологии в биологии и медицине. – 2017. – № 3. – С. 148–154.
5. Макаров, М.С. Влияние наночастиц на биологическую полноценность тромбоцитов человека / М.С. Макаров // Молекулярная медицина. – 2017. – № 15 (6). С. 9–14.
6. Макаров, М.С. Значение автофлуоресценции коллагеновых волокон для оценки биологических свойств тканевых трансплантатов / М.С. Макаров, М.В. Сторожева, Н.В. Боровкова // Современные технологии в медицине. – 2017. – № 9 (2). С. 83–90.
7. Albrektsson T., Johansson C. Osteoinduction, osteoconduction and osseointegration. Eur Spin J. 2001. 10 (Suppl 2): 96–101.
8. Alsousou J., Thompson M., Hulley P., Noble A., Willett K. The biology of platelet-rich plasma and its application in trauma and orthopaedic surgery: a review of the literature. J Bone Joint Surg. 2009. 91(8): 987–996.
9. Amable P.R., Carias R.B., Teixeira M.V., da Cruz Pacheco I., Corrêa do Amaral R.J., Granjeiro J.M., Borojevic R. Platelet-rich plasma preparation for regenerative medicine: optimization and quantification of cytokines and growth factors. Stem Cell Res Ther. 2013. 4 (3):67.
10. Anitua E., Andia I., Ardanza B. Autologous platelets as a source of proteins for healing and tissue regeneration. ThrombHaemost. 2004. 91(1): 4–15.
11. Badr M., Coulthard P., Alissa R., Oliver R. The efficacy of platelet-rich plasma in grafted maxillae. A randomised clinical trial. Eur J Oral Implantol 2010. 3(3): 233–244.
12. Barnes C.P., Sell S.A., Boland E.D., Simpson D.G., Bowlin G.L. Nanofiber technology: designing the next generation of tissue engineering scaffolds. Advanced Drug Delivery Reviews. 2007. 59(14): 1413–1433.
13. Bing W., Feng L. Attenuate synovial fluid uncarboxylated matrix Gla-protein (ucMGP) concentrations are linked with radiographic progression in knee pssteoarthritis. Adv Clin Exp Med. 2015. 24(6): 1013–1017.
14. Camargo P.M., Lekovic V., Weinlaender M., Vasilic N., Madzarevic M., Kenney E.B. Platelet-rich plasma and bovine porous bone mineral combined with guided tissue regeneration in the treatment of intrabony defects in humans. J Periodontal Res. 2002. 37(4): 300–306.
15. Carulli C., Matassi F., Civinini R., Innocenti M. Tissue engineering applications in the management of bone loss. Clin Cases Miner Bone Metab. 2013. 10(1): 22–25.
16. Chang S.-H., Hsu Y.-M., Wang Y. J., Tsao Y.-P., Tung K.-Y., Wang T.-Y. Fabrication of pre-determined shape of bone segment with collagen-hydroxyapatite scaffold and autogenous platelet-rich plasma. Journal of Materials Science: Materials in Medicine. 2009. 20(1): 23–31.
17. Civinini R., Macera A., Nistri L., Redl B., Innocenti M. The use of autologous blood-derived growth factors in bone regeneration. Clinical Cases in Mineral and Bone Metabolism. 2011. 8 (1): 25–31.
18. Civinini R., Nistri L., Martini C., Redl B., Ristori G., Innocenti M. Growth factors in the treatment of early osteoarthritis. Clinical Cases in Mineral and Bone Metabolism. 2013. 10(1): 26–29.
19. Drengk A., Zapf A., Stürmer E.K., Stürmer K.M., Frosch K.H. Influence of platelet-rich plasma on chondrogenic differentiation and proliferation of chondrocytes and mesenchymal stem cells. Cells Tissues Organs. 2009. 189(5): 317–326.
20. Han B., Woodell-May J., Ponticciello M., Yang Z., Nimni M. The effect of thrombin activation of platelet-rich plasma on demineralized bone matrix osteoinductivity. Journal of Bone and Joint Surgery A. 2009. 91(6): 1459–1470.
21. Fleming J.E., Cornell C.N., Muschler G.F. Bone cells and matrices in orthopaedic tissue engineering. Orthop Clin North Am. 2000. 31: 357–374.
22. Foster T.E., Puskas B.L., Mandelbaum B.R., Gerhardt M.B., Rodeo S.A. Platelet-rich plasma: from basic science to clinical applications. Am J Sports Med. 2009. 37: 2259–2272.
23. Irie K., Uchiyama E., Iwaso H. Intraarticular inflammatory cytokines in acute anterior cruciate ligament injured knee. Knee. 2003. 10: 93–96.
24. Kempen D.H., Creemers L.B., Alblas J., Lu L., Verbout A.J., Yaszemski M.J., Dhert W.J. Growth factor interactions in bone regeneration. Tissue Eng Part B Rev. 2010. 16(6): 551–566.
25. Kubik T, Bogunia-Kubik K, Sugisaka M. Nanotechnology on duty in medical applications. Curr Pharm Biotechnol. 2005. 6: 17–33.
26. Lacci K.M., Dardik A. Platelet-rich Plasma: support for its use in wound healing. Yale J Biol Med. 2010. 83: 1–9.
27. Lam F.W., Vijayan K.V., Rumbaut R.E. Platelets and their interactions with other immune cells. Compr Physiol. 2015. 5(3): 1265–1280.
28. Malhotra A., Pelletier M., Oliver R., Christou C., Walsh W.R. Platelet-rich plasma and bone defect healing. Tissue Eng Part A. 2014. 20(19–20): 2614–2633
29. Marx R.E., Carlson E.R., Eichstaedt R.M., Schimmele S.R., Strauss J.E., Georgeff K.R. Platelet-rich plasma: growth factor enhancement for bone grafts. Oral Surg Oral Med Oral Pathol Oral Radiol Endod. 1998. 85(6): 638–646.
30. Marx R. E. Platelet-rich plasma: evidence to support its use. Journal of Oral and Maxillofacial Surgery. 2004. 62(4): 489–496.
31. Mavrogenis A.F., Dimitriou R., Parvizi J., Babis G.C. Biology of implant osseointegration. J Musculoskelet Neuronal Interact. 2009. 9(2): 61–71.
32. Mehta S., Watson J.T. Platelet rich concentrate: basic science and current clinical applications. J Orthop Trauma. 2008. 22(6):432–438.

33. Michelson A. D. Platelets (3rd ed.). – Amsterdam : Academic Press, 2013 –1351 p.
34. Nemmar A., Yuvaraju P., Beegam S., Yasin J., Dhaheri R.A., Fahim M.A., Ali B.H. In vitro platelet aggregation and oxidative stress caused by amorphous silica nanoparticles. *Int J Physiol Pathophysiol Pharmacol*. 2015. 7(1): 27-33.
35. Nurden A.T., Nurden P., Sanchez M., Andia I., Anitua E. Platelets and wound healing. *Frontiers in Bioscience*. 2008. 13(9): 3532–3548,
36. Nurden A.T. Platelets, inflammation and tissue regeneration. *Thrombosis and Haemostasis*. 2011. 105(1): 13–33.
37. Oktay A.O., Demiralp B., Demiralp B. Effects of platelet rich plasma and chitosan combination on bone regeneration in experimental rabbit cranial defects. *The Journal of Oral Implantology*. 2010. 36(3): 175–184.
38. Okuda K., Tai H., Tanabe K., Suzuki H., Sato T., Kawase T., Saito Y., Wolff L.F., Yoshiex H. Platelet-rich plasma combined with a porous hydroxyapatite graft for the treatment of intrabony periodontal defects in humans: a comparative controlled clinical study. *J Periodontol*. 2005. 76(6): 890–898
39. Ozdemir B., Okte E. Treatment of intrabony defects with betatricalciumphosphate alone and in combination with platelet-rich plasma. *J Biomed Mater Res B Appl Biomater* 2012. 100(4): 976–983.
40. Passaretti F., Tia M., D'Esposito V., Pascale M.D., Corso M.D., Sepulveres R., Liguoro D., Valentino R., Beguinot F., Formisano P., Sammartino G. Growth-promoting action and growth factor release by different platelet derivatives. *Platelets*. 2014. 25: 252-256.
41. Park E.J., Kim E.S., Weber H.P., Wright R.F., Mooney D.J. Improved bone healing by angiogenic factor-enriched platelet-rich plasma and its synergistic enhancement by bone morphogenetic protein-2. *Int J Oral Maxillofac Implants*. 2008. 23(5): 818-826.
42. Peng H., Wright V., Usas A., Gearhart B., Shen H.C., Cummins J., Huard J. Synergistic enhancement of bone formation and healing by stem cell-expressed VEGF and bone morphogenetic protein-4. *J Clin Invest* 2002. 110: 751–759.
43. Pham Q.P., Sharma U., Mikos A.G. Electrospinning of polymeric nanofibers for tissue engineering applications: a review. *Tissue Eng*. 2006. 12(5): 1197-1211.
44. Ponte A.L., Marais E., Gallay N., Langonne A., Delorme B., Herault O., Charbord P., Domenech J. The in vitro migration capacity of human bone marrow mesenchymal stem cells: comparison of chemokine and growth factor chemotactic activities. *Stem Cells*. 2007. 25: 1737-1745.
45. Salvadè A, Della Mina P, Gaddi D, Gatto F, Villa A, Bigoni M, Perseghin P, Serafini M, Zatti G, Biondi A, Biagi E. Characterization of platelet lysate cultured mesenchymal stromal cells and their potential use in tissue-engineered osteogenic devices for the treatment of bone defects. *Tissue Eng Part C Methods*. 2010. 16(2): 201-214.
46. Scala M., Gipponi M., Mereu P. Regeneration of mandibular osteoradionecrosis defect with platelet rich plasma gel. *In Vivo*. 2010. 24(6): 889–893.
47. Schouten M., Wiersinga W.J., Levi M., van der Poll T. Inflammation, endothelium, and coagulation in sepsis. *J Leukoc Biol*. 2008. 83(3): 536-545.
48. Sell S. A., Wolfe P. S., Ericksen J. J., Simpson D.G., Bowlin G.L. Incorporating platelet-rich plasma into electrospun scaffolds for tissue engineering applications. *Tissue Engineering A* 2011: 17 (21-22): 2723–2737.
49. Smrke D., Gubina B., Domanović D., Rozman P. Allogeneic platelet gel with autologous cancellous bone graft for the treatment of a large bone defect. *Eur Surg Res*. 2007. 39(3):170–174.
50. Sugimori E., Shintani S., Ishikawa K., Hamakawa H. Effects of apatite foam combined with platelet-rich plasma on regeneration of bone defects. *Dent Mater J*. 2006. 25: 591-596.
51. Tsay R.C., Vo J., Burke A., Eisig S.B., Lu H.H., Landesberg R. J. Differential growth factor retention by platelet-rich plasma composites. *Oral Maxillofac Surg*. 2005. 63(4): 521-528.
52. Vaishnavi C., Mohan B., Narayanan L.L. Treatment of endodontically induced periapical lesions using hydroxyapatite, platelet-rich plasma, and a combination of both: An in vivo study. *J Conserv Dent*. 2011. 14 (2): 140–146.
53. Wang C., Zhong D., Zhou X., Yin K., Liao Q., Kong L., Liu A. Preparation of a new composite combining strengthened β -tricalcium phosphate with platelet-rich plasma as a potential scaffold for the repair of bone defects. *Exp Ther Med*. 2014. 8 (4): 1081-1086.
54. Yun J. H., Han S. H., Choi S. H. Effects of bone marrow derived mesenchymal stem cells and platelet-rich plasma on bone regeneration for osseointegration of dental implants: preliminary study in canine three-wall intrabony defects. *J Biomed Mater Res B Appl Biomater*. 2014. 102(5): 1021-1030.
55. Zhong D., Wang C.G., Yin K., Liao Q., Zhou X., Liu A.S., Kong L.Y. *In vivo* ossification of a scaffold combining β -tricalcium phosphate and platelet-rich plasma. *Exp Ther Med*. 2014. 8(5): 1381-1388.

Материал поступил в редакцию 09.01.19.

PROSPECTS FOR THE USE OF HUMAN PLATELETS IN THE TREATMENT OF BONE DEFECTS

M.S. Makarov, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher
N.V. Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine
of the Moscow Health Department Russian Federation, Russia

Abstract. *The article describes the role of human platelets in the stimulation of repair and regeneration of bone tissue, discusses methods of preclinical treatment of platelets, approaches to the production of bone biotransplants enriched with platelets and their components.*

Keywords: *platelets, osteogenesis, growth factors, differentiation, adhesion.*

УДК 618.14:616 – 08

СПОСОБ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛЕЧЕНИЯ БОЛЬНЫХ С ОПУЩЕНИЕМ МАТКИ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ МЕТОДОМ РЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Э.К. Сурхаева¹, О.Ю. Ермолаев²

¹ врач-гинеколог, врач физиотерапевт,

² кандидат медицинских наук, врач-гинеколог, директор
ООО «Курортная клиника женского здоровья» (Пятигорск), Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме опущения матки первой степени и методу консервативного лечения женщин с данной патологией путем репозиционирования матки. Представлены условия подготовки и методика проведения репозиционирования матки, а также показания и противопоказания для данного консервативного лечения.

Ключевые слова: опущение матки первой степени, методика репозиционирования матки, показания, противопоказания.

На сегодняшний день в медицинской литературе опубликованы единичные случаи применения консервативного лечения при опущении матки. Так, известен способ лечения, при котором осуществляется рефлекторно-корректирующая терапия путем мануального воздействия на определенные участки малого таза, использования процедур лечебной гимнастики и приеме биостимулирующей смеси из соков алоэ, клюквы и меда.

В настоящее время сотрудниками Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова (г. Москва) разработан способ профилактики пролапса гениталий у женщин репродуктивного периода [3], заключающийся в дифференцированном назначении гормональной и метаболической терапии, позволяющих осуществлять коррекцию сложных гормональных нарушений и процессов метаболизма по специально разработанной авторами схеме.

Известен также способ консервативного лечения пролапса гениталий [2], используемый для лечения женщин перименопаузального периода, принимающих заместительную гормональную терапию. Данный способ предусматривает дифференцированный подход к выбору метода и конкретных схем лечения в зависимости от состояния соединительной ткани органов малого таза. При этом назначается заместительная гормональная, метаболическая и системная энзимотерапия с учетом иммунного статуса больного.

Наиболее часто при опущении матки назначается гинекологический массаж [1]. Процедура выполняется бимануальным способом, при котором одна рука находится во влагалище, а другая расположена на передней брюшной стенке в гипогастриальной области. Основным в механизме действия гинекологического массажа является механическое и рефлекторное воздействие с использованием таких приемов, как давление, легкое разминание, толчкообразное движение, растягивание и смещение. Гинекологический массаж оказывает выраженное прямое и рефлекторное раздражение большой зоны экстерорецепторов кожи живота, промежности и наружных половых органов, интерорецепторов сосудов внутренних органов, эндометрия и миометрия, брюшины, мочевого пузыря и прямой кишки. При этом усиливается артериальное кровообращение, уменьшается венозный застой и повышается обмен веществ. Кроме того, гинекологический массаж повышает раздражение концевых аппаратов периферической нервной системы, затем следует снижение ее возбудимости, что рефлекторно передается на всю нервную систему. Клинически это проявляется в уменьшении или полном исчезновении болевого синдрома.

Поскольку при всех используемых в настоящее время методах консервативного лечения пролапса гениталий оказывается комплексное воздействие на весь организм больного, нами предложен новый способ лечения опущения матки первой степени методом её репозиционирования (приоритетная справка № 2017135200/14 (061529)).

Условия подготовки и методика проведения репозиционирования матки. Процедура выполняется врачом-гинекологом или специально обученной акушеркой в процедурном кабинете. При этом больная лежит на кушетке или находится в положении стоя. Вагинальным доступом в сочетании с наружным воздействием на гипогастриальную область.

Бимануально выполняется легкое разминание параметральной клетчатки связок матки. Затем осуществляется легкое растягивание связок и легкое смещение матки поочередно в горизонтальной плоскости и вертикально вверх. Далее легкими круговыми разминающими и давящими движениями оказывается воздействие на мышцы и фасции диафрагмы таза, уделяя особое внимание участкам начала и прикрепления этих мышц. В последующем с давлением легкой и средней силы выполняются толчкообразные движения для воздействия на участки начала и прикрепления мышц диафрагмы таза с целью повышения их тонуса, а также для локального усиления кровообращения, лимфооттока и стимулирования нервных окончаний. Далее захватом шейки матки между концевыми фалангами указательного и среднего пальцев с повышением усилия от легкого

до среднего, матку вибрирующим движением постепенно смещают в анатомически правильное положение, при котором плоскость наружного зева соответствует пограничной линии таза. Длительность курса смещения и фиксации матки в анатомически правильное положение составляет 7-10 процедур. Продолжительность одной процедуры – 10-12 минут.

Перед началом проведения репозиционирования матки необходимо провести следующее обследование: гинекологический осмотр, ультразвуковое исследование малого таза, микроскопическое исследование мазков-соскобов на флору из уретры, влагалища и цервикального канала, микроскопическое онкоцитологическое исследование мазков из эндоцервикса и экзоцервикса или жидкостное цитологическое исследование, а также клинический анализ крови.

Данная методика, в отличие от гинекологического массажа, не вызывает выраженных изменений крово- и лимфообращения в матке, а также в соседних органах области малого таза и брюшной полости, не приводит к интенсивному усилению тканевого обмена и не повышает фагоцитарные свойства крови. Репозиционирование матки не требует, в отличие от гинекологического массажа, обязательного проведения процедуры от периферии к центру по направлению тока лимфы по лимфатическим путям. Кроме того, в отличие от гинекологического массажа, где преобладает средняя и сильная степени воздействия, при репозиционировании матки сила воздействия слабая и средняя.

Таким образом, при репозиционировании матки не происходит системного воздействия на организм, не оказывается выраженное прямое и рефлекторное раздражение большой зоны экстерорецепторов кожи живота, промежности и наружных половых органов, а также интерорецепторов сосудов эндометрия и миометрия, брюшины, мочевого пузыря и прямой кишки. При репозиционировании матки воздействие осуществляется преимущественно на мышечно-связочный аппарат матки, мышцы малого таза и промежности, соединительнотканые и фасциальные структуры тазового дна и способствует выведению и фиксации матки в анатомически правильное положение.

Репозиционирование матки, в отличие от гинекологического массажа, имеет существенно более узкий спектр показаний и узкий спектр противопоказаний.

Показания к репозиционированию матки: опущение матки I и II степени, опущение передней стенки влагалища.

Противопоказания абсолютные: острые и подострые воспалительные и инфекционные заболевания органов малого таза (метроэндометрит, сальпингоофорит, пери- и параметрит, пельвиоперитонит), околосматочной клетчатки и брюшины, покрывающей внутренние половые органы, туберкулез женских половых органов, злокачественные образования, маточная и внематочная (трубная, яичниковая) беременность, тромбоз тазовых вен. Противопоказания относительные: доброкачественные образования малого таза, сактосальпинкс, гидросальпинкс, вагинизм, циклическое и ациклическое маточное кровотечение, менструация, варикозное расширение вен влагалища, цистит.

Закключение. Накопленный опыт позволяет утверждать, что репозиционирование матки обеспечивает нормализацию состояния больного, улучшает качество её жизни и предотвращает дальнейшее опущение матки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенедиктов, И.И. Гинекологический массаж и гимнастика / И.И. Бенедиктов. – Свердловск, 1990. – С. 20-31.
2. Доброхотова, Ю.Э. Способ консервативного лечения женщин перименопаузального периода с пролапсом органов малого таза: патент 2427369 / Ю.Э. Доброхотова. – Рос. Федерация; опубл. 07.10.2014.
3. Доброхотова, Ю.Э. Способ профилактики пролапса гениталий у женщин репродуктивного периода: патент 2427370 / Ю.Э. Доброхотова, И.Ю. Ильина. – Рос. Федерация; опубл. 19.11.2009.

Материал поступил в редакцию 28.01.19.

NONOPERATIVE TREATMENT OF PATIENTS WITH FIRST-DEGREE UTERINE PROLAPSE USING REPOSITIONING METHOD

E.K. Surkhayeva¹, O.Yu. Yermolaev²

¹ Gynecologist, Physiotherapist,

² Candidate of Medical Sciences, gynecologist, director

LLC Kurortnaya klinika zhenskogo zdorovya (Women's Health Clinic) (Pyatigorsk), Russia

Abstract. The article deals with the actual problem of first-degree uterine prolapse and the method of nonoperative treatment of women with this pathology by uterus repositioning. The conditions of preparation and methods of uterus repositioning, as well as indications and contraindications for this conservative treatment are presented.

Keywords: first-degree uterine prolapse, method of uterus repositioning, indications, contraindications.

Study of art
Искусствоведение

УДК 078

ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ХОРЕЗМСКИХ МАКОМОВ

Р.М. Абдуллаев, доцент кафедры «Фольклор и этнография»

Узбекский государственный институт культуры и искусства (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. Из музыкально-исторических явлений макомные традиции Хорезма, в собирательном смысле, имели разные обозначения. Так, например, в связи с выходом серии «Ўзбек халқ музыкаси» / «Узбекская народная музыка», в обиход прочно вошло обобщённое понятие «Хорезмские макомы», которое, как нам представляется, с одной стороны, несколько искажает жанровые особенности музыки высокого стиля Хорезма. Ибо, фактически, в классической музыке этого региона отчётливо прослеживаются две исторические формы – элитные «Шесть с половиной макомов» и более простая демократическая традиция «Дутарные макомы». Подобная жанровая дифференциация классической музыки Хорезма, с одной стороны, создаёт удобство в проведении сравнительных характеристик с фактической двухжанровой природой Бухарского Шашмакома («основное каноническое ядро» и «шуъбача»). С другой стороны, и с реальной двухжанровой спецификой Фергано-Ташкентских макомных мелодий, так называемые «Чор маком» – «Четыре макома» (Баёт, Дугох Хусайний, Чоргох, Гулёр-Шахноз) и серия «Катта ашула» (Ёввойи Уишок, Ёввойи Чоргох и другие). При такой жанровой раскладке выясняется, что в социальном и композиционно-структурном планах «основополагающий пласт» Бухарского Шашмакома и «Шесть с половиной макомов» – явления одного порядка. Также много общего между «Шуъбача», Дутарными макомами и Фергано-Ташкентскими макомными мелодиями.

Ключевые слова: маком, традиция, трактат, мелодия, жанр, композиция.

В книге «Очерки музыки Хорезма» в целях целостного охвата явления макомов в этом оазисе и для дифференциации двух жанровых разновидностей используются и другие пары понятий: «Дутарные макомы» и «Танбурные макомы» или «Дутарные макомы» и «Шесть с половиной макомов» [2, с. 5]. В отношении последнего в зависимости от контекста использовались еще и иные синонимы, такие как «Олти ярим маком» / «Шесть с половиной макомов» и «Едди маком» / «Семь макомов».

В течение почти двух веков употребляются четыре разных обозначения для одного явления: Музыкальный Шашмаком Хорезма, Семь макомов, Шесть с половиной макомов, Танбурные макомы. В последующем, на практике все больше утверждается одно название Шесть с половиной макомов. Примечательно, что в этих вариантах по аналогии с Шашмаком на первый план выходит количественная сторона определения макома как ладовой системы: шесть, шесть с половиной и семь ладообразований.

С логической точки зрения, более верной и целесообразной представляется именно двухжанровая дефиниция макомов Хорезма. Она соответствует реальной музыкальной практике и в общем контексте макмата отвечает двухжанровой сущности Бухарской, Хорезмской и Ферганской традиций, что удобно и для проведения сравнительных характеристик.

Исходя из этих фактов, вместо идиомы «Хорезмские макомы» в том смысле, которое не совсем правомерно укоренилось во второй половине XX века, мы предпочитаем вернуть старые искомые дефиниции «Дутарные макомы» и «Шесть с половиной макомов». Под первым следует подразумевать старый стиль классической музыки, который своими корнями восходит к эпохе Хорезмшахов (XI-XII вв.), во времена расцвета науки и искусства. Под вторым иметь в виду новую форму макомов Хорезма, сотворённую в начале XIX века по образцу и подобию Бухарского Шашмакома. По традиции, Шесть с половиной макомов первоначально культивировалась в элитной дворцовой среде. В связи с этим, старая традиция Дутарных макомов стала ассоциироваться как обиходная, более демократическая форма, бытующая в городских кругах.

В отношении определения приоритетной источниковедческой базы Хорезмских Шести с половиной и Дутарных макомов тоже сложилась несколько курьёзная ситуация. Доступные нам материалы по Бухарскому Шашмакому, начиная с музыкальных трактатов-баязов XIX века, нотного сборника В. Успенского, книги Фитрата – до нотной записи Ари Бабаханова, все выстраиваются в один логический ряд. Между ними имеется разница только в деталях, но в охвате явления в целом нет противоречий. Наоборот, они хорошо дополняют друг друга, как общая источниковедческая база. В принципе это единая фактическая основа, зафиксированная в разные периоды истории развития одного и того же музыкального свода под названием «Бухарский Шашмаком».

В отношении письменных источников макомных традиций Хорезма получилась несколько другая, искажённая картина. В принципе исходным и наиболее достоверным, как выясняется теперь, источником по основам Танбурных и Дутарных макомов, являются материалы хорезмской нотации. Ранние списки нотации датируются 1299/1881-1882, 1300/1882-1883, 1301/1883-1884 годами. А последние рукописи были созданы в конце 1920-х – начале 1930-х годов [1, с. 143]. Таким образом, над созданием оригинальных списков танбурной нотации активная творческая работа продолжалась почти полвека.

По сути это очень важный процесс, направленный на совершенствование основ нотации и расширение сферы ее применения. Фактически, танбурная нотация уникальный в своём роде документ полной записи Шести с половиной макомов и образцов Дутарных макомов. По существу, эта новая форма теоретического осмысления, «научно-практический трактат» об основах классической музыки Хорезма. Значение танбурной нотации выходит далеко за пределы регионального масштаба. Это по существу важнейшее и, пожалуй, единственное связующее звено между научными корнями «теории кругов» («илми адвор») и действующей практикой макомата.

Среди музыкантов Хорезма старшего поколения бытовало и бытует известное мнение о том, что макомы Хорезма пришли из Бухары. Однако, из-за того, что не было достоверных сведений, вопрос о том, что из какой части или пласта Шашмакома заимствован именно какой род (жанр) макомов Хорезма, долгое время оставался открытым. Однако сегодня по факту выясняется, что музыканты Хорезма восприняли не локально окрашенную «бухарскую» сферу «Шуъбача», а наддиалектные, универсальные каноны «Основополагающего Шашмакома», которые в лексике трактатов – баязов назывался «шашмакоми мусикий» или «шаш даромад», а на обиходном языке музыкантов-практиков «шаш маком» или «шаш сарахбор».

Каноническое ядро Бухарского Шашмакома и Шести с половиной макомов Хорезма представляют по существу одну и ту же ладовую основу – шестирядовую систему. Названия и общая структура исходных ладовых ячеек, ладообразований и ладовых систем в них полностью совпадают. По материалам танбурной нотации и сборников В. Успенского и А. Бабаханова, ладовая основа канонического ядра Шашмакома и Шести с половиной макомов идентичны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матякубов, О. Макомот / О. Матякубов. – Т., 2004.
2. Мулло Бекжон Рахмон угли, Мухаммад Юсуф Девон зода. Хоразм мусикий тарихчаси / Очерки истории музыки Хорезма. Москва, 1924 (на узбекском языке, арабским шрифтом). Переиздание на кириллице. – Тошкент, 1998.

Материал поступил в редакцию 04.02.19.

FROM THE MUSIC HISTORY OF KHOREZM MAQOMS

R.M. Abdullayev, Associate Professor of “Folklore and Ethnography” Department
Uzbekistan State Institute of Arts and Culture (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. From musical and historical phenomena, maqom traditions of Khorezm, in the collective sense, had a different designation. Thus, for example, in connection with the release of the series “Ўзбек халқ музыкаси” / “Uzbek folk music”, the generalized concept of “Khorezm maqoms” has become firmly established, which, on the one hand, seems to us, somewhat distorts the genre features of high-style music of Khorezm, has become firmly established. In fact, in classical music of this region has a distinctly two historical forms – elite “Six and a half maqoms” and more simple democratic tradition “Dutar maqoms”. Such genre differentiation of classical music of Khorezm, on the one hand, creates convenience in carrying out comparative characteristics with the actual two-genre nature of Bukhara Shashmaqom (“basic canonical core” and “шуъбача”). On the other hand, and with a real two-genre specificity of Fergana-Tashkent maqom melodies, the so-called “Chor makom” – “Four maqoms” (Bayot, Dugoh Husaini, Chorgoh, Gulyor-Shahnoz) and a series of “Katta ashula” (Yovvoyi Ushshok, Yovvoyi Chorgoh and others). With such a genre layout, it becomes clear that in social and compositional-structural terms, the “fundamental layer” of Bukhara Shashmaqom and “Six and a half maqoms” are phenomena of the same order. In addition, there are many similarities between “Шуъбача”, Dutar maqoms and Fergana-Tashkent maqom melodies.

Keywords: maqom, tradition, treatise, melody, genre, composition.

УДК 7.035.1

ЭПОХА И ЕЕ ТАЛАНТЫ. В.А. УСПЕНСКИЙ (1879-1949)

А.А. Баширова, и.о. доцента кафедры “Общее фортепиано”
Государственная консерватория Узбекистана (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. XX век – эпоха развития композиторского, исполнительского, музыковедческого, творчества в Узбекистане. В этот период появилась целая плеяда профессиональных инициативных и просвещённых деятелей культуры, чей вклад в искусство, образование страны бесценен. Одним из таких был В.А. Успенский. Имя Виктора Александровича Успенского неразрывно связано с развитием узбекского искусства. В течение 30 с лишним лет он вел непрерывную работу в области сбора и изучения музыкального творчества народов Средней Азии. Труды его являются ценным вкладом в узбекскую музыкальную культуру.

Ключевые слова: народная музыка, жанр, этнограф, исследователь, музыкальное образование, пропагандист, творчество, музыкант, фольклор.

Искусство Узбекистана многогранно и многопланово. Оно прошло огромный путь развития: от одно-голосный народной музыки, до современных жанров – симфонии и оперы. В процессе этого творческого роста определённую роль сыграла русская музыкальная культура и Виктор Александрович Успенский являлся одним из тех русских музыкальных деятелей, которые все свои знания и опыт принесли в помощь культурному строительству национальной республики.

Композитор, исследователь, этнограф, один из первых в Узбекистане организаторов музыкального образования, неутомимый пропагандист и исследователь в области музыкального искусства – таково многообразное проявление многолетней деятельности В.А. Успенского.

С юношеских лет, каждый год все каникулы он проводит в Ташкенте, куда к тому времени переселяют его родителей. Постоянное общение с искусством узбекского народа оказало заметное влияние на развитие его вкусов и интересов. Первоначальное, бессознательное впитывание им народно-песенных интонаций сравнительно рано уступает место вполне осознанному интересу к узбекскому музыкальному фольклору. Так, в один из своих каникулярных приездов, на весеннем национальном празднике в Шейхантауре, он записывает несколько народных мелодий. Ранние опыты Успенского представляют собой первые в истории узбекской музыки образцы нотной записи народной песни. Влечение к музыке было в нем так сильно, что он оставил военную службу в кадетском корпусе и поступил в Петербургскую консерваторию.

В 1913 году Успенский окончил консерваторию по классу композиции у А.К. Лядова.

В 1919 году правительством молодой Туркестанской Республики был организован специальный кабинет при открытой на год раньше Народной Консерватории, в задачу которого входило собирание и изучение узбекской музыки. Кабинету удалось собрать довольно большое количество народных инструментов и под руководством В.А. Успенского начать работу по изучению национального инструментария.

Эта работа, давшая В.А. Успенскому совершеннейшие знания о характерных особенностях каждого национального инструмента, послужило основой для того значительного вклада, который внёс В.А. Успенский в дело реконструкции узбекских народных инструментов [2, с. 45]

В 1923-м году Успенский направляется в Бухару с целью сбора материалов по монументальному циклу шесть классических «Шашмакомов», представляющих собой большую художественную и историческую ценность. В этой работе приняли участие крупнейшие знатоки и исполнители Бухарской музыки: Ата Гиёс Абдугани и Ата Джалалиддин Назиров, и были записаны вокальные части «Шашмакома».

Начиная с 1925-го года, следуют одна за другой музыкальные этнографические экспедиции. Собирается богатейший и ценнейший фольклорный материал. В.А. Успенский проникает в самые отдалённые уголки Средней Азии. Там он собирает песни, бережно хранимые народом в течение столетий.

Фольклороведческая деятельность Успенского очень разносторонняя, главное его внимание было направлено на изучение музыкального творчества узбекского народа. Но его интересует фольклор и других народов Средней Азии. Совместно с известным исследователем узбекской народной музыки В.М. Беляевым собранный материал был обработан и издан.

В 1928-ом году в Самарканде был создан научно-исследовательский институт искусствознания. С этого времени фольклороведческая работа в Узбекистане принимает более планомерный характер. Под руководством директора института Н.Н. Миронова, и при участии молодых сотрудников (Ашрафи, Рамазанова, Садыкова), а также крупнейших мастеров искусства был сделан ряд записей узбекский классической музыки. В 1932-ом году институт переводится в Ташкент и с этого времени деятельность В.А. Успенского неразрывно связано с работой этого учреждения.

Институт организует ряд экспедиций в Хорезм, Фергану, Бухару, проводит запись фольклора и в самом Ташкенте. Совместно с неутомимым исследователем узбекской музыки Е.Е. Романовской, В.А. Успенский

записывает узбекскую классическую музыку от выдающихся ташкентских музыкантов Шорахима Шоумарова и Абдусоата Вахабова. В составе бригады (Успенский, Романовская, Акбаров, Мухаммедов) он работает над записями ташкентских песен.

Фольклорведческая деятельность Успенского нашло активную поддержку среди передовых узбекских музыкантов. Одним из тех, кто сумел не только понять значение этого важного и нужного дела, но и принять в нем горячее участие, был ташкентский хафиз (певец) Шорахим Шоумаров, с которым В.А. Успенский работал в течение ряда лет, и от которого он записал Ташкентские макамы («Дугох-Хусейн», «Чоргох», «Шахноз-Гулёр», «Баят») и большое количество народных песен [1, с. 35].

Непосредственным результатом большой работы как экспедиционной, так и проводимой в самом институте, явились нотные сборники: «Шесть музыкальных поэм», «Туркменская музыка», «Ферганские песни», «Катта ашула», «Ташкентские макамы».

Музыкальное творчество – деятельность, которой В.А. Успенский посвятил много сил. Богатейший фольклорный материал собранный и изученный им, послужил той основой, на которой создавались его произведения. Любовное, бережное отношение В.А. Успенского к народному искусству проявилось здесь не менее ярко.

«Фархад и Ширин» Успенского, на ряду с музыкальной драмой Глиэра «Гюлсарой», явилась прямой предшественницей узбекской оперы. Обе эти пьесы были с большим успехом продемонстрированы в Москве, на декаде узбекского искусства в мае 1937 года. В последующие годы они продолжали оставаться самыми популярными постановками узбекского музыкального театра. В 1940-году была осуществлена новая переработка «Фархад и Ширин». Тематический материал в основном сохранился. Некоторые мелодии заменились новыми. Были введены речитативы, ансамбли, ряд оркестровых номеров. В результате большой работы, проделанной Успенским совместно с Мухомелем, музыкальная драма «Фархад и Ширин» в этой третьей редакции была превращена в оперу.

Творчеству В. Успенского характерна самая тесная связь с узбекской народной музыкой, осуществляемая чаще всего путем цитатного использования фольклорного материала. Именно в таком плане задумана «Поэма-рапсодия». Тематической основой для неё послужили народные песни «Фаргонача» и «Ойдек толибди» и классическая мелодия «Насруллои».

В годы после Отечественной войны приходится создание двух крупных симфонических произведений: «Туркменское капричио» (1945), «Лирическая поэма памяти Навои» (1947).

Особый интерес представляет «Лирическая поэма», написанная к 500-летию юбилею великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Замысел поэмы смел и необычен. Посвящая своё симфоническое произведение памяти Навои, В.А. Успенский вводит в свою поэму песни, бытующие в народе, с текстами великого поэта. Поэтическое наследие Навои пользуется исключительной популярностью у узбекского народа. Высокие гуманистические идеи, воплощённые в прекрасную художественную форму, выражавшие передовые устремления и чаяния народа, дали бессмертную жизнь его произведениям.

Творческая деятельность В.А. Успенского самым тесным образом связана со всем развитием музыкальной культуры Узбекистана. Его произведения, сравнительно немногочисленные по количеству, привлекают высокими художественными достоинствами и любовно бережным отношением к народному искусству, и могут служить показателем тех грандиозных сдвигов, которые совершались в музыкальной культуре республики за годы ее развития. Будь то область симфонической или оперной музыки, песни или фортепианные пьесы, творческая направленность композитора неизменно отражает ведущие тенденции передового, народного, глубоко человеческого искусства. Многие моменты в развитии крупнейших музыкальных жанров связаны с деятельностью Успенского, а именно: первые шаги узбекской симфонической музыки, первые опыты по созданию узбекской оперы.

В 1923-году, направленный в Бухару с целью записи «Шашмакома», В.А. Успенский организует там Восточную музыкальную школу. Собрав около 30 молодых музыкантов, он в течение года ведёт с ними занятия, обучая их музыкальной грамоте.

В своей педагогической деятельности Успенский не ограничивался передачей ученикам суммы определённых навыков и знаний. Он стремился воспитывать молодёжь в духе беззаветной преданности родному искусству, пробудить в ней горячую любовь ко всему прекрасному, созданному народом на протяжении веков, зажечь в молодых сердцах творческое горение, вызвать живую пытлившую исследовательскую мысль.

Народный артист двух республик – Туркменской и Узбекской, В.А. Успенский в 1937-году был отмечен высокой правительственной наградой – орденом «Знак Почёта».

Имя Виктора Александровича Успенского пользуется в Узбекистане всеобщим уважением. Его ценили не только как учёного и композитора, Виктора Александровича знали и любили, прежде всего, как человека высоких душевных качеств, нравственный облик которого поражал своей чистотой. Высокая принципиальность, страстный патриотизм, неистощимая творческая энергия, подлинная гуманность – таковы черты, определившие светлый облик Виктора Александровича Успенского, преданного сына Родины, посвятившего всю свою жизнь делу подъёма музыкальной культуры Узбекистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовская, Е. Узбекские народные песни / Е. Романовская, И. Акбаров. – Т., 1939.
2. Успенский, В.А. Узбекская вокальная музыка / В.А. Успенский. – Т., 1950.

Материал поступил в редакцию 04.02.19.

THE EPOCH AND ITS TALENTS. V.A. USPENSKY (1879-1949)

A.A. Bashirova, acting Associate Professor at the Department of “General Pianoforte”
State Conservatory of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *The XX century – the era of development of composer, performing, musicological creativity in Uzbekistan. During this period, there was a whole galaxy of professional initiative and enlightened cultural figures, whose contribution to the art and education of the country is priceless. One of these was V. Uspensky. The name of Victor Alexandrovich Uspensky is inextricably linked with the development of Uzbek art. For more than 30 years he has been continuously working in the field of collection and study of musical creativity of the peoples of Central Asia. His works are a valuable contribution to the Uzbek musical culture.*

Keywords: *folk music, genre, ethnographer, researcher, music education, propagandist, creativity, musician, folklore.*

УДК 78.06

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЖИССЁРА ПО ЗВУКУ

Ш.А. Гафурова, кандидат технических наук, доцент
заведующая кафедрой «Музыкальная звукорежиссура и информатика»
Государственная консерватория Узбекистана (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. *Статья рассматривает трансформацию деятельности и роли звукорежиссёра в современных реалиях. В настоящее время, с учетом изменений культуры музыкального потребления и восприятия, а также и появления новых инновационных методов работы со звуком, существенно изменилась и расширилась роль режиссёра в структуре коммуникации между автором, исполнителем, звукорежиссёром, слушателем и критиком. Автор статьи предлагает рассматривать режиссёра по звуку не только как создателя звуковых художественных образов, их фиксацией и обработкой, но и в качестве соавтора и соисполнителя музыкального произведения.*

Ключевые слова: *звукорежиссёр, работа со звуком, художественный текст, музыкальная коммуникация.*

Еще с конца прошлого века структура и принципы музыкальной художественной коммуникации претерпели ряд значительных изменений и обрели новые смыслы. Музыкальная коммуникация стала частью сложного многокомпонентного способа коммуникации композитора, исполнителя, слушателя и критика. Претерпели значительные изменения также и восприятие, художественная мысль, музыкальный язык. Кроме того, появилась широкая практика смешения стилей и направлений музыки и ряд других факторов, которые определили трансформацию этой коммуникации. Такая коммуникация стала основой существования всей системы, уже на основе которой она развивается и становится еще более многокомпонентной и сложной. Изучение специфики новой звуковой коммуникации даст возможность осознать и проанализировать особенности музыкальной культуры конца XX – начала XXI вв.

Звукорежиссура всегда являлась субъектом коммуникации в музыке, а учитывая роль инноваций во время создания, воспроизведения, передачи музыки, режиссёр по звуку, помимо роли одного из акторов процесса художественного творчества, начал играть одну из определяющих ролей, беря на себя функцию решения технических, художественных и даже исполнительских задач.

Анализируя это, саму структуру коммуникации, можно определить следующим способом: автор-исполнитель-звукорежиссёр-слушатель-критик. Так, к примеру, Ю.Б. Боров определяет ее в качестве того, что “может начаться с творческого акта, с авторского самовыражения, а завершиться пониманием художественного текста” [1, с. 352].

В этой связи режиссёр звука становится для зрителей своеобразным мостом и тем, кто интерпретирует художественный текст. Современная звукорежиссура – творческий акт, который предполагает создание концепции музыкальной композиции с помощью набора технических средств с основной целью – воплотить замысел создателя композиции и исполнителя в жизнь [3, с. 29].

Большинство тех, кто занимается изучением обязанностей звукорежиссёра, утверждает, что роль, выполняемая им, во-первых, значительно усилилась, во-вторых, претерпела многочисленные изменения. Сегодня звукорежиссёра можно воспринимать как соисполнителя, а иногда даже соавтора, аранжировщика и редактора музыки. Работа звукорежиссёра над произведением и его стремление придать ему новые художественные и эстетические оттенки стали одним из самых главных процессов в создании, а также трансляции замысла исполнителя. Распределение взаимосвязей в структуре автор-исполнитель-звукорежиссёр-слушатель-критик имеют линейную структуру, при этом задачи и роли автора и интерпретатора часто сливаются воедино или дополняются, а роль слушателя в настоящее время часто совмещается и повышается, делая слушателя отчасти соавтором произведения.

Спецификой деятельности режиссёра по звуку стало то, что он вступает в творческий союз с остальными акторами музыкальной коммуникации, с которыми он вместе воплощает поставленную перед ним задачу и концепцию. У звукорежиссёра в нынешних реалиях для этого имеется огромный арсенал выразительных средств, принятых в современной звукорежиссуре.

Сейчас создание цифровой записи художественного произведения связано со сложной художественно-эстетической спецификой, а также с особенностями музыкального исполнительства и интерпретации. В конце прошлого столетия звукорежиссура была признана обособленной частью музыкального перформанса. Выдающийся исследователь, Н.И. Дворко называет несколько основных вех в работе по созданию звукового ряда для кино, театральной или телепостановки, или мультимедийного события. Первая веха — это создание концепции звукового образа. Вторым этапом он выделяет работу над воплощением принятой концепции с помощью звуковой режиссуры [2, с. 6].

Как и обработка музыкальных произведений, определённые изменения претерпела и музыкальная культура, которая начала активно трансформироваться еще в конце XX века. Эта трансформация также сыграла оказало влияние на изменение места звукорежиссёра в системе музыкальных коммуникаций. Основным фактором, повлиявшим на это, можно назвать изменение музыкального восприятия и выразительных средств из-за появления большого количества новых технических решений.

Современная музыкальная культура находится во взаимозависимости и взаимном влиянии с новым художественным мышлением, которое сформировалась из-за противостояния и взаимного влияния разных культурных предпочтений и направлений в музыкальном стиле. Начиная с 1970-х годов закончилось влияние авторов классической музыки первой половины XX века. Пришедшее на их смену поколение авторов постепенно завершили применять приёмы неоклассицизма, неоромантизма, а также неофольклора. Продолжили развивать разнообразные техники авангардной первой и второй волны. Многие творцы авангарда второй волны сознательно шли к смешению стилей, жанров, а также техники исполнения. Это смешение со временем наполнилось новым эстетико-художественным смыслом и обрело формы антиавангарда в противопоставление постмодернизму.

Новое понимание музыкального искусства выделило концептуальный аспект в отдельное понятие в структуре музыкального продукта. Этот аспект предполагает новое понимание содержательной функции музыки и обозначается понятием наличия в ней определённой концепции. В практике режиссёра по звуку стало принятым обращаться к музыкальным произведениям как к определённому замыслу, продукту творческой деятельности автора. От понимания образов произведения и структуры идеи автора, а также от того, какая технология была использована звукорежиссёром для художественного выражения этого замысла, зависит финальное звучание произведения. Классическая интерпретация задумки и формы, которые основываются на устоявшихся примерах классических композиций, в современном мире стали неактуальными. В произведениях, которые созданы и обработаны в соответствии с законами конструирования и передачи смысловой нагрузки, используется уникальный подход звукорежиссёра. Для создания такой музыки требуется особая интерпретация художественных задач, а также способа передачи.

Принимая во внимание качество новых форм музыкальных произведений, их самобытности, эксклюзивности, современных требований наряду с пространственной актуальностью, можно сделать вывод, что сейчас роль режиссёра как никогда высока. В противопоставление многим музыкальным эпохам, теперь создание новых жанровых форм в музыкальном искусстве строится по принципу игнорирования использования ее типичных схем и структуры. Наоборот, сейчас создание новых музыкальных форм ставит своей целью преодоление и устранение устоявшихся границ и принятых функциональных связей, соблюдение которых ранее было обязательным. В музыкальных произведениях теперь работает закон уникальности и нового слова в структуре составляющих их частей. Помимо этого, новые музыкальные средства коммуникации создаются во время работы над каждым новым произведением.

Усложнение процессора творчества даёт возможность сказать, что и особенность творческой деятельности звукорежиссёра в области новых средств выражения нуждается в подробном анализе и разборе. При создании новой композиции создаётся уникальная, технологическая музыкальная атмосфера, которая определяет средства и способы интерпретации музыки, делая ее по-настоящему инновационной. Работа современного автора — преодолеть общепринятые составляющие формы и принятые ранее значения музыкальной коммуникации. Новая звуковая реальность теперь подразумевает, помимо общепринятых музыкальных звуков, еще и звуки природы, окружающей нас среды, в частности, и написанные с помощью аудиоредакторов.

Основа звука в современной музыке теперь может включать в себя любые акустические приёмы. До начала первой волны авангарда, во время зарождения музыкального языка, авторы не работали так активно с ее первоэлементом, т.е. со звуком. Сейчас музыкальные характеристики звука — его динамика, сенсорные качества, повторяемость, артикуляция и т.д. Сочинение новых звуков часто становится первым этапом создания композиции, который дарит ему уникальность. Звук рассматривается как объект композиции, привнося новый контекст, функциональный и структурный смысл. Звук в современных реалиях — любое явление акустики, являющееся элементом композиции. В этой связи можно сказать, что звукорежиссёр, интерпретируя и добавляя звуки, становится частично автором, а частично и исполнителем произведения.

Автор произведения создаёт уникальный музыкальный язык, а звукорежиссёр определяет особенности выбора обработки и подготовки фонограммы, которая отражала бы заданные автором смыслы.

В данной статье раскрыта только часть функций звукорежиссёра в качестве субъекта новой музыкальной коммуникации. Она не затрагивает вопрос определения границ, позволяющих звукорежиссёру интерпретировать музыкальное произведение. Однако можно смело сказать, что автор произведения создаёт уникальный музыкальный язык, а звукорежиссёр определяет особенность выбора обработки и создания фонограммы, которая отражала бы заданные композитором смыслы. Учитывая это, можно сделать вывод: структура творческой коммуникации между автором, исполнителем и звукорежиссёром подразумевает роль звукорежиссёра как субъекта, которые определяет форму и смысл музыкальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боров, Ю.Б. Эстетика В 2-х т. Т. 2 / Ю.Б. Боров. – Смоленск: Русич, 1997.
2. Дворко, Н.И. Основы звукорежиссуры / Н.И. Дворко. – СПб.: СПбГУП, 2005.
3. Игнатов, П.В. Эволюция средств художественной выразительности в творчестве звукорежиссёра: автореф. дисс. ... к. искусствоведения / П.В. Игнатов. – СПб., 2006.

Материал поступил в редакцию 04.02.19.

ON THE ISSUE OF INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT IN THE WORK OF SOUND DIRECTOR

Sh.A. Gafurova, PhD in Engineering Sciences, Associate Professor
Head of the “Musical Sound Producing and Computer Science” Department
State Conservatory of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *The article touches upon the issue of transformation of the work and role of the sound producer in the modern realities. Nowadays, the role of the sound director has significantly expanded in terms of structure of communication between the author, performer, sound producer, listener and a critic, taking into account the changes in the culture of music perception, as well as the emergence of new innovative methods of working with sound. The author proposes to consider the sound director not only as the creator of artistic sound images, their settings and processing, but also as a co-author and co-performer of a musical piece.*

Keywords: *sound producer, work with sound, artistic text, musical communication.*

Psychological sciences
Психологические науки

УДК 159.9

**К ВОПРОСУ ОСМЫСЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

К.А. Богомазова, преподаватель, психолог
ЧОУ ДПО «Аэроскул» (Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** В статье представлен анализ проблемы методологического кризиса в психологии и путей его преодоления. Проанализированы взгляды Б.Ф. Ломова и Л.М. Веккера на состояние психологической науки, её проблемы и направления их решения. Описана возможность использования ресурсов других дисциплин (на примере литературоведения) для разрешения методологического кризиса в психологии.*

***Ключевые слова:** методологический кризис, единая теория психических процессов, трансдисциплинарность, эмпиризм, системный подход, метатеоретическое знание.*

Вызовы практической и научной деятельности в последние годы все больше обостряют потребность в поиске путей интеграции накопленного эмпирического материала (в различных отраслях психологического знания) в некоторое подобие единого теоретического знания. Неизбежным этапом в осмыслении данной проблемы, а также попытке её разрешения является обращение к работе Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии», написанной в 1984 году, которую, пожалуй, можно полагать манифестом назревшего на тот момент (и продолжающегося до сих пор) методологического кризиса в психологии. На наш взгляд, квинтэссенция этой работы может быть выражена в следующей цитате: «Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ» [3, с. 3].

Идеи, выраженные Б.Ф. Ломовым в указанной выше работе, отсылают нас к единой теории психических процессов Л.М. Веккера, которая пусть и относится к общей теории психологии Б.Ф. Ломова как частное к целому, но при этом в полной мере отвечает требованиям системного подхода в психологии. В работе «Психика и реальность. Единая теория психических процессов» (1998), Л.М. Веккер пишет: «Конечно, наряду с общим прогрессом знания происходит внутреннее развитие самой психологии как отдельной науки со своим самостоятельным предметом исследования, каковыми являются психические процессы. Внутри этого единого предмета происходит дифференциация разных аспектов тех или иных психических процессов – ощущения, мышления, эмоций или воли, стадий из развития в филогенезе и онтогенезе, функциональном состоянии и т.д. В ходе развития экспериментальной и прикладной психологии накапливается огромный фактический материал, который требует обобщения» [2].

Внутренние ресурсы самой психологии в рамках поиска путей разрешения методологического кризиса ограничены, поэтому, следуя тенденции трансдисциплинарности, обратимся к ресурсам других отраслей научного знания, а именно, к литературоведению и конкретно к статье В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина». Эта статья посвящена пафосу поэзии А.С. Пушкина, под которым понимается «могучая сила, какая-то непобедима страсть», движущая поэтом при создании произведений. В ней мы находим следующую идею: «Как не многочисленны, как ни разнообразны создания великого поэта, но каждое из них живет своею жизнью, а поэтому и имеет свой пафос. Тем не менее весь мир творчества поэта, вся полнота его поэтической деятельности тоже имеет своей единый пафос, к которому пафос каждого отдельного произведения относится, как часть к целому, как оттенок, видоизменение главной идеи, как одна из её бесчисленных сторон. <...> всякая личность единична; у ней может быть много интересов и направлений, но всегда под преобладающим влиянием одного главного; а так как личность есть живой и непосредственный источник творческой деятельности, то и все произведения поэта должны быть запечатлены единым духом, проникнуты единым пафосом» [1, с. 256].

Невозможно не заметить глубокое сходство идей. Размышления В.Г. Белинского об общем пафосе поэзии А.С. Пушкина это очень точная метафора общей теории психологии и идеи системного подхода в психологии Б.Ф. Ломова, а также единой теории психических процессов Л.М. Веккера. Приведём ниже еще одну цитату из той же статьи В.Г. Белинского, которая усилит эту метафору: «Говоря о таком многостороннем и разнообразном поэте, как Пушкин, нельзя не обращать внимания на частности, нельзя не указывать в особенности на то или другое даже из мелких его стихотворений и тем менее можно не говорить отдельно о каждой из больших пьес;

нельзя также не делать из него больших или меньших выписок; но, ограничиваясь только этим, критик не далеко бы ушел. Прежде всего, нужен взгляд общий не на отдельные пьесы, а на всю поэзию Пушкина, как на особый целый мир творчества. <...> при помощи этого взгляда сделаются понятными все частности и не будет нужды обращаться [внимание] на каждую из них» [1, с. 257].

Таким образом, попытка В.Г. Белинского найти общий пафос всех лирических произведений А.С. Пушкина сродни попытке Б.Ф. Ломова объединить все психические явления в общую теорию психологии и сродни попытке Л.М. Веккера объединить все психические процессы в единую теорию психических процессов.

Будучи исследователем, В.Г. Белинский очень остро чувствовал проблему выбора пути познания и одновременно способа предъявления результата этого познания читателю. Эта проблема встает и в психологии. Вот как ставит этот вопрос В.Г. Белинский: «Но как объяснить и определить пафос – предварительно ли это сделать, так чтобы указаниями на отдельные пьесы подтверждать свою мысль, или начать аналитически и из разбора частных дойти до определения пафоса» [1, с. 258]?

В этом вопросе, а точнее ответе на него, может лежать ключ к разрешению методологического кризиса в психологии. Продолжат ли представители психологической науки заниматься частными вопросами, углубятся ли еще серьезнее в эмпиризм, либо все же обратятся к метатеоретическому знанию – это определит дальнейшее развитие психологии. И Б.Ф. Ломов, и Л.М. Веккер однозначно выбирают второе. Более того, они оба пишут о необходимости выхода за пределы чисто психологического знания.

Б.Ф. Ломов отмечает: «При разработке вопросов системного подхода использовались идеи, сложившиеся в философии, социологии, биологии» [3, с. 3].

Л.М. Веккер пишет: «Внутренними силами самой психологии невозможно преодолеть энтропию фактического материала и победить, как образно заметил И.В. Гёте, «тысячеглавую гидру эмпиризма». Именно поэтому общий концептуальный аппарат, возникший в значительной мере в качестве отклика на дефицит теоретического единства, формировался в пограничных областях, связывающих между собой психологию, нейрофизиологию, общую биологию, социологию, физику и технику» [2].

Как уже отмечалось выше, ответ на означенный вопрос может быть разным в случае выбора пути познания или выбора пути предъявления результатов этого познания. В.Г. Белинский в обоих случаях выбирает путь от целого к частному: «Мы думаем, что первое лучше, ибо творения Пушкина так известны всем и каждому, что можно говорить об общем значении его поэзии, не боясь не быть понятым. При том же наше дело – раскрыть пред читателями не процесс нашего изучения Пушкина, а оправдать результат нашего изучения» [1, с. 258].

Для психологии и Б.Ф. Ломов, и Л.М. Веккер решают эту дилемму по-другому. В своих работах «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1984) и «Психика и реальность. Единая теория психических процессов» (1998) соответственно они предъявляют результат своего научного познания последовательно, от частных моментов через связующие положения к единым теориям. Это удобно для восприятия и оправданно, ведь именно так до сих пор и развивалась психологическая наука. К тому же, вероятно, в отличие от В.Г. Белинского, их делом было как раз «раскрыть пред читателем процесс изучения», а не только «оправдать результат».

Однако дальнейший путь развития психологии как науки и саму суть общей теории психологии, системного подхода в психологии и единой теории психических процессов оба психолога видят также как и В.Г. Белинский. Они призывают предварительно объяснить и определить «пафос» психологии, т.к. отдельные «произведения» психологической науки так известны всем и каждому, что можно говорить об общем значении, не боясь не быть понятым.

Однако прежде чем переходить к предъявлению, нам нужно создать материал для этого предъявления. Это и есть, на наш взгляд, магистральное направление развития психологической науки в ближайшие десятилетия, которое обозначил еще 30 лет назад Б.Ф. Ломов и поддержал десятилетие спустя Л.М. Веккер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В.Г. Собрание сочинений : В 3 т. Т. 3 : Статьи и рецензии 1843-1848 / В.Н. Белинский / Сост., примеч. Ю. Кириленко. – М. : Книжный Клуб Книговец, 2011. – 768 с.
2. Веккер, Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов [Электронный ресурс] / Л.М. Веккер. – Электрон. текстовые дан. – М. : Смысл, 1998. – 685 с. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/vekk101/index.htm>. – Загл. с титул. экрана.
3. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 446 с.

Материал поступил в редакцию 28.01.19.

**ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING
THE METHODOLOGICAL CRISIS IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE**

K.A. Bogomazova, Teacher, Psychologist

Private Educational Institution of Further Vocational Education AeroSchool (St. Petersburg), Russia

Abstract. *The article analyzed the problem of methodological crisis in psychology and ways to overcome it. Authors analyzed the views of B.F. Lomov and L.M. Vekker on the state of psychological science, its problems and directions for their solution. The possibility of using resources of other disciplines (by the example of literary criticism) to resolve a methodological crisis in psychology is described.*

Keywords: *methodological crisis, integral theory of mental processes, transdisciplinarity, empiricism, systems approach, meta-theoretical knowledge.*

Наука и Мир

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (66), Том 2, февраль / 2019

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: info@scienceph.ru

www.scienceph.ru

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»

Адрес типографии:

Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2308-4804

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук

Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук

Кисляков Валерий Александрович, доктор медицинских наук

Рзаева Алия Байрам, кандидат химических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Кондрашихин Андрей Борисович, доктор экономических наук, кандидат технических наук

Подписано в печать 26.02.2019 г. Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 85. Свободная цена. Тираж 100.